

ДЖОН МОРРИС
ЗИМА В НЕПАЛЕ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ДЖ. МОРРИС

ЗИМА В НЕПАЛЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

JOHN MORRIS
A WINTER IN NEPAL

Rupert Hart-Davis
London 1963

Перевод с английского
Г. СЕМЕНОВА
Ответственный редактор
И. ЮРИВАНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Непале, горной стране в южных отрогах Гималайских гор, которая до свержения тирании Ран в 1951 году была закрыта для иностранцев, до недавнего времени имелось очень мало какой-либо достоверной информации и научной литературы. Не случайно поэтому, говоря о Непале, очень часто прибегали к таким определениям, как «закрытая страна», «забытая долина», «неизвестная земля», «таинственное княжество» и т. п.

В последние годы появилось несколько исследований советских и иностранных авторов, которые посвящены вопросам экономики, политики, истории и этнографии Непала. Тем не менее литература об этой стране чрезвычайно скудна и отрывочна, а в ряде случаев и недостаточно достоверна. Это в равной степени относится к немногочисленным справочным материалам о Непале, изданным в Советском Союзе за последнее время.

В этих условиях издание на русском языке книги Джона Морриса «Зима в Непале» представляет определенный интерес как для широкой читающей публики, так и для лиц, которые в силу служебной или общественной деятельности сталкиваются с необходимостью глубоко и детально изучать страны Востока, и в частности Непал.

Описание путешествия, совершенного тремя англичанами в 1960 году по некоторым труднодоступным районам Непала, дается в достаточно увлекательной форме, насыщено фактами, наблюдениями, обобщениями, которые не только имеют познавательный интерес и дают возможность лучше понять жизнь непальцев в наше время, но и позволяют также представить себе условия и обстоятельства развития этой страны в прошлом.

Автор не ставил перед собой задачу дать в книге глу-

боко научное исследование материальной и духовной жизни современного Непала, но это не помешало ему оказаться вдумчивым наблюдателем, беспристрастно описывающим все виденное, показывающим жизнь такой, как она есть.

Автор не похож на современного туриста буржуазного Запада. Ему чуждо поверхностное отношение к жизни Непала, стремление во что бы то ни стало все — непременно все — посмотреть и обязательно сфотографировать. Он — солидный путешественник. Он нетороплив и осмотрителен. Он не лишает себя возможности вникнуть в явления, вдуматься, взвесить их, по-настоящему оценить и сравнить новые впечатления со своими прошлыми представлениями и представлениями других людей. Эти качества Морриса несомненно сказались и на манере его письма. Частые отступления, очевидная в ряде случаев эмоциональная окрашенность повествования придают книге особый колорит, заставляют читателя вместе с автором задуматься над теми или иными явлениями и вынести свои суждения.

Кстати о суждениях. Нет никаких сомнений, что при всей своей искренности и стремлении быть сторонним и беспристрастным наблюдателем, автор в ряде случаев при рассмотрении явлений и событий истории и жизни Непала вольно или невольно занимает позицию объективистски настроенного буржуазного либерала, а иногда грешит и рассуждениями, характерными для официальной английской буржуазной историографии. Так, например, рассматривая причины англо-непальской войны, автор говорит об агрессивности непальского дурбара, а роль английского резидента в Катманду сводит к формальному представительству при непальском дворе. Хотя в конечном счете он вынужден косвенно признать несостоятельность этой точки зрения, указывая на происки Ост-Индской компании в Непале, на вмешательство англичан в дела этой страны, на факты явного сговора Ран с английской колониальной администрацией в Индии.

Автор в прошлом длительное время служил офицером в гуркхских войсках, занимался вербовкой гуркхов в английскую колониальную армию. Это несомненно сказалось и на его взглядах, и в особенности на его трактовке событий прошлого в Непале.

В силу своих буржуазных воззрений автор обходит молчанием вопрос об угнетении империалистами племен и народностей Непала в прошлом и настоящем, которое

явилось главной причиной отсталости Непала и главным препятствием для экономического и социально-политического прогресса страны. У автора не нашлось убедительных слов осуждения английского империализма, который более чем за сто лет своего фактического господства с помощью марионеток-Ран всячески тормозил развитие этой горной страны, превратив ее в закрытый и недоступный никому источник первоклассных рекрутов. Английский империализм использовал их в течение многих десятилетий для подавления национально-освободительного движения в Индии. С помощью различных соглашений, в том числе и соглашения «об экономической помощи», расчищал он дорогу для хищнических американских монополий. Правда, автор не скрывает своей неприязни к американским действиям в Непале и даже высмеивает их, но звучит это скорее как сетования недовольного английского либерально настроенного буржуа по поводу напористых и бесцеремонных действий более молодого и энергичного американского соперника.

Смелое и беспощадное изобличение пережитков феодализма, косности и коррупции правящей верхушки не было доведено автором до логического конца. Не раскрыта полностью ответственность империализма за теперешнее состояние Непала, не показана и не разоблачена деятельность современных неокOLONIALИСТОВ.

Как только автор затрагивает вопросы современной политики, так ему немедленно изменяет перо, и вместо четкой, ясной картины мы сталкиваемся с набором, может быть, искренних, но явно тенденциозных высказываний. Моррису не удалось подняться до уровня научного осмысления процессов, проходящих в наше время в Непале, и написать о современной политической обстановке в стране так же ярко и правдиво, как это он делает, касаясь сугубо страноведческих и этнографических проблем. Следует, однако, отметить, что не политическая обстановка составляет главное содержание книги, и автор лишь мимоходом говорит об этих вопросах.

Джон Моррис с большой симпатией, сочувствием и теплотой относится к непальскому народу, не впадая в то же самое время в сентиментальность и не идеализируя жизнь этой страны. Автору чуждо также высокомерие и пренебрежение, которое так характерно для отношения к восточным народам со стороны многих представителей западного мира. В этом большое достоинство книги.

Читатель с большим интересом ознакомится не только с описанием путешествия Морриса. Рассказ о жизни путешественников в деревне под Катманду, описание нравов деревенских жителей, их взаимоотношений, существующих порядков, местных обычаев раскрывает живую и полнокровную картину того, к каким последствиям приводят пережитки феодализма, каким образом система кастовости подавляет всякий путь к прогрессу, обрекая трудящееся население на безысходную нужду и несправие.

Автор убедительно говорит о системе эксплуатации непальских крестьян, вынужденных выплачивать до $\frac{2}{3}$ своего урожая, собранного с маленьких клочков пригодной для обработки земли, землевладельцу и ростовщику-арендатору. Ссылаясь на конкретные факты и явления, Джон Моррис, широко иллюстрируя свои выводы, показывает, что правящие круги проявляют полное пренебрежение к интересам и запросам населения, подчеркивает наличие глубокого разрыва между массами с одной стороны, и правящей верхушкой с другой.

Автор показывает яркую картину социальной жизни народа, раскрывает его духовную культуру. Являясь противником религиозного фанатизма и христианской миссионерской деятельности в Непале, он тщательно раскрывает положение различных религий в стране и их влияние на воззрения племен и народностей Непала. Заслуживают внимания также описания принятой в стране системы родства, порядка наследования, оказывающих непосредственное влияние на условия материальной жизни населения, сведения, касающиеся быта, нравов и обычаев жителей Непала.

Все эти данные представляют научный интерес, хотя излагаются автором без сугубо научных рассуждений и без использования сложной терминологии, затрудняющей, как правило, восприятие текста даже специалистами. Книга написана простым, доходчивым языком. Особенно хорошо удалась автору картины впечатляющей горной природы, яркой, но в то же время строгой и чрезвычайно самобытной.

Советский читатель несомненно с большим интересом и пользой для себя ознакомится с книгой, которая раздвигает плотный занавес, скрывавший до недавнего прошлого эту горную страну.

Перевод дается с незначительными сокращениями.

И. Юриванов

ПРОЛОГ

Эта книга — плод навязчивой идеи. Сорок лет назад, когда меня назначили в гуркхский полк, я ничего не знал о людях, с которыми столкнула меня судьба. Но в те безумные дни * с меня было достаточно и того, что я убрался из Франции, чтобы принять участие в военных действиях на более спокойном палестинском фронте, где меня и застал конец войны. Все дальнейшее началось с отсутствия корабля, который должен был доставить нас обратно в Индию; и вот, чтобы как-то заполнить месяцы ожидания, я стал интересоваться нравами и обычаями людей, служивших под моим началом. Труднее всего было с языком: тогда мои познания в непали ограничивались несколькими воинскими командами, без которых невозможно было обойтись.

У гуркхов есть одна очень привлекательная черта: они не могут долго оставаться серьезными: малейший пустяк вызывает у них улыбку. Кроме того, гуркхи не любят насмехаться над людьми; поэтому, когда они смеялись над моими неумелыми попытками завести с ними разговор, я не обижался.

Я понимал, что они смеются вместе со мной, а не надо мной. Тогда я и решил, что мне нужно как можно скорее изучить их язык.

Вскоре по возвращении в Индию я был назначен командиром батальона. Когда однажды из штаба армии пришел приказ об утверждении должности помощника офицера по вербовке, я стал претендовать на это место. Больше желающих не оказалось: вербовка считалась в армии тихой заводью, и молодые честолюбивые офицеры старались

* Имеется в виду первая мировая война. — *Прим. ред.*

избегать подобных назначений, но я считал, что именно это мне и нужно.

Вербовочный центр находился в Горакхпуре. Это важный железнодорожный узел в той части Индии, которая называлась тогда «Объединенные провинции»*, в пятидесяти милях от границы с Непалом (с границей его связывает несколько коротких железнодорожных веток). Британским офицерам запрещался въезд в Непал, который тогда был закрытой страной, поэтому предварительный набор рекрутов производили солдаты-гуркхи — их откомандировывали для этой цели из полков. Горакхпур в этом отношении оказался удобным местом: отсюда легко можно было достичь западных предгорий. Кроме того, в Горакхпуре выплачивались пенсии, и в зимние месяцы в этом городе все время находилось не меньше тысячи гуркхов. Когда я приехал в Горакхпур, в связи с демобилизацией у вербовочного центра было много работы; через Горакхпур возвращались домой солдаты-гуркхи. Мы начинали в шесть утра и часто засиживались до темноты. Все дела (например, весьма запутанные претензии вдов на пенсии) приходилось вести на языке непали, а я знал его еще довольно плохо.

В связи с увеличением объема работы в Горакхпуре командование решило временно создать еще одно отделение вербовочного центра в Лахерия Сераи, уединенной деревне к востоку от Горакхпура, в провинции Бихар. Начальником этого отделения назначили меня, и впервые в жизни я очутился один в незнакомом окружении. Целый год я не видел ни одного человека, знающего английский, зато, не прилагая к тому особых усилий, постепенно освоил непали. Теперь, когда мне случалось заезжать в свой полк, поначалу было очень странно говорить по-английски.

Наш лагерь в Лахерия Сераи раскинулся в манговой роще, и зимой, когда устанавливалась ясная и солнечная погода, по утрам я часто на расстоянии двадцати-тридцати миль хорошо видел почти весь Центральный Непал. На первом плане — узкая полоска тераев**, далее — гряды за грядой вырисовывались предгорья, возрастающие по высоте, и совсем далеко мерцала гигантская стена Гималаев. Хотя нас разделяло не более ста миль, хребты их

* «Объединенные провинции» — территория, соответствующая современному штату Уттар Прадеш.

** Т е р а и — полоса джунглей на севере Индии

казались далекими и недоступными. В свободное время я часто разглядывал эту запретную страну, и чем больше мои солдаты рассказывали о своей жизни в горах, тем сильнее мне хотелось побывать там. Я знал, что это невозможно, но в моей душе росла решимость совершить когда-нибудь путешествие по Непалу. Я понимал, что это всего лишь праздная мечта, но избавиться от этого непреодолимого желания не мог, и оно терзало меня все последующие годы.

Между тем я прилежно изучал все что мог, об этой стране, и постепенно за вечерними разговорами вокруг бивачного костра приобрел солидные теоретические познания по географии Непала. По роду службы мне часто приходилось разбегать вдоль индийской границы и иногда, если я был уверен, что меня не обнаружат, я нарушал запрет и проникал на несколько миль в глубь территории Непала. Раз или два гуркхи подбивали меня пойти с ними подалее в горы. Ничего не было легче: ведь граница между Индией и Непалом не охранялась, как она не охраняется и сейчас, и, отважившись на это путешествие, надо было только избегать известных торговых путей, на которых расположены сторожевые посты. Тем не менее рано или поздно эти проделки выплыли бы наружу, и я не хотел брать на себя ответственность за суровое наказание, которое неизбежно понесли бы мои проводники. Кроме того, у меня, как и у всякого офицера в армии, было хорошо развито чувство дисциплины, которое не позволяло пренебрегать приказами.

К концу года работы стало поменьше. Демобилизация закончилась, и мне было приказано свертывать лагерь и возвращаться в Горакхпур. Тогда я еще не знал, что меня послали в Лахерия Сераи главным образом потому, что в лихорадочной обстановке вербовочного центра моя неопытность больше мешала работе, чем помогала ей, и у опытных офицеров не было времени обучать меня. Однако, когда я вернулся, обо мне сложилось мнение, что я самостоятельно проделал полезную работу, и меня даже наградили.

Брук Норти, старший офицер по вербовке, время от времени посещал Катманду; там он советовался с британским резидентом и наносил визиты вежливости махараджам. Когда я вернулся в Горакхпур, он как раз собирался ехать туда через две недели и предложил мне договориться с командованием о том, чтобы меня послали в качестве его сопровождающего.

В последующие годы мне не раз случалось бывать в Катманду, но я никогда так не волновался, как во время моего первого путешествия туда. В наши дни самолеты почти ежедневно совершают рейсы из Дели и Калькутты в Катманду; полет этот занимает не больше двух часов. В ясную погоду с борта самолета открывается совершенно неповторимый вид на Гималаи, поэтому этот перелет можно смело назвать одним из самых эффектных воздушных путешествий в мире. Но тогда путь от индийской границы до Катманду мы проделали пешком за три дня. И я до сих пор уверен, что такое постепенное приближение к цели путешествия значительно приятнее. Первая встреча с этим единственным в своем роде городом всегда потрясает, но мне кажется, что Катманду более щедр к тем, кто приближается к нему медленно.

Из Раксаула, который расположен всего в нескольких сотнях ярдов от границы, узкоколейная железная дорога (до сих пор единственная в стране) идет через тераи к Амлекхганджу; здесь начинаются предгорья. Мы провели ночь на постоялом дворе в Раксауле и с рассветом отправились в путь. Граница не была обозначена, и ничего похожего на таможенный досмотр не производилось. Встречал нас начальник станции, которого кто-то предупредил о нашем приезде. Миниатюрный поезд был набит до отказа, на площадке локомотива толпились пассажиры, а некоторые из них забрались даже на крыши вагонов. Тем не менее это не представляло никакой опасности; когда мы в конце концов тоонулись, поезд ни разу не превысил десяти миль в час. Пассажиры входили и выходили прямо на ходу, подбадриваемые добродушными возгласами тех, кто ехал дальше. Насколько я мог судить, очень немногие путешественники позаботились о билетах, но это никого не беспокоило.

В наше распоряжение предоставили личное купе махараджи. Оно было обито блестящим розовым атласом и в сиянии раннего утра представляло довольно печальное зрелище. На каждой остановке, а их было много, около вагона толпились люди, чтобы посмотреть на нас двоих, сидевших развываясь среди непомерной, как им казалось, роскоши. Но, по правде говоря, путешествие было не из удобных: вагон — без рессор, просто коробка на колесах, и мы непрерывно подпрыгивали, как горошины в барабане. В те времена железная дорога считалась в Непале одним из чудес, символом прогресса страны, но в наши дни ее

вытеснили более быстрые средства сообщения. Волею судьбы мне пришлось снова воспользоваться этой железной дорогой в 1960 году; по чистой случайности я оказался в том же самом вагоне. Большая часть обивки исчезла, а заплыванный атлас выцвел до неопределенного рыжеватого цвета. Стекол в окнах не было, нас на этот раз было не двое, а двадцать человек, и мы теснились в вагоне, как скотина. Тогда я в полной мере почувствовал, насколько предпочтительнее путешествовать в качестве почетного гостя.

В Блимпхеде нас ожидал офицер непальской армии, который был назначен сопровождать гостей в столицу. Махараджа прислал носильщиков для багажа и двое носилок для нас. Круто вверх вела ухабистая дорога, путь был утомительным и ни один непалец, занимающий хоть какое-нибудь положение в обществе, не подумал бы карабкаться по ней пешком. Но Норти и я были молоды и энергичны, нам не понравилось, что людей используют в качестве вьючного скота, поэтому мы пошли пешком. Ночь провели в Сисагарху на постоялом дворе. Заснули под звуки горна, доносившиеся из старой крепости внизу. Мы уже взобрались почти на тысячу футов над тераями; после равнины Индии воздух здесь казался свежим и прохладным. Мы углубились на территорию Непала не больше, чем на тридцать-сорок миль, казалось, попав в другой мир.

В те дни эта дорога, единственная, связывающая Катманду с внешним миром, оставалась, будто специально, чтобы обескуражить путешественников, в девственном состоянии. Необходимые товары доставляли в столицу Непала на спинах носильщиков. Этим же путем попали в Катманду и первые автомобили. Нам пришлось наблюдать, как это делается. Колеса у автомобиля были сняты, а кузов привязан к огромным носилкам, с обоих концов которых торчали длинные шесты. Тащить этот неуклюжий груз по извилистым горным дорогам было сложным делом и требовало много терпения. Носилки попеременно несли сорок мокрых от пота кули. В час они проходили не больше полумили, получая за этот изнурительный труд шесть пенсов в день.

На второй день мы были у перевала Чандрагири. Отсюда путешественник впервые видит Непальскую Долину. Она лежала прямо под нами — зеленая чаша, окруженная горами. Миллионы лет назад здесь было большое озеро, сейчас аллювиальная почва долины считается самой пло-

дородной в Непале. Вдали теснились дома Катманду, огнем горели золоченые крыши храмов, и даже отсюда можно было различить легкие очертания дворцов непальской знати. А на горизонте, как часовые, стояли Гималаи: словно огромная ледяная радуга плыла по облакам, клубящимся у подножия. Завороженный, я долго не мог оторваться от этого зрелища.

Мы остановились в британской дипломатической миссии. В то время она занимала огромное здание, выстроенное в стиле, который лучше всего можно охарактеризовать как «индийский тюдор»; крыша его была крыта рифленным железом, и выглядело все это на редкость уродливо, хотя по сравнению с безвкусными и претенциозными дворцами семейства Ран* здание, казалось, имело вполне импозантный вид. Безобразие этого архитектурного ансамбля несколько искупалось великолепным садом; за ним с любовью ухаживали сменявшие друг друга резиденты. К счастью, большинство из них имело склонность к садоводству, иначе им трудно было бы заполнить свой рабочий день. Непальцы выбрали для резиденции это место, так как оно считалось самым нездоровым в округе. Но Катманду разрастался, и квартал этот, расположенный вдали от городского шума и грязи, вскоре стал самым фешенебельным в столице. Поэтому в двух шагах от резиденции вырос новый дворец короля. Несколько лет назад, когда статус британского представителя достиг ранга посла, ему предоставили более фешенебельное помещение, а здание старой резиденции, безусловно самое удобное в городе, по какой-то необъяснимой причине подверглось реконструкции. То, что ранее служило ему задней стеной, превратилось в фасад; в процессе перестройки пострадал и старый сад. Сейчас здесь разместился индийский посол, который прибыл в Непал после завоевания Индией независимости. Конечно, Непал заинтересован в помощи Индии больше, чем любой другой страны, и ее послу по праву полагается предоставить комфортабельное жилище. И все же мы, англичане, были неприятно поражены, узнав, что британский посол — некогда единственный представитель иностранной державы в Непале — занимает помещение, которое в объявлениях квартирных агентов обычно именуется небольшой виллой, а сотрудники посольства живут во флигелях, некогда построенных для клерков ста-

* Р а н и — феодальная династия в Непале, поддерживаемая Англией.

рой британской резиденции. Я должен с грустью заметить, что, не считая вербовки солдат-гуркхов, которую англичанам до сих пор разрешается производить, Великобритания более не играет серьезной роли в делах Непала. Осталась только «нерушимая дружба».

Даже если вы гость махараджи, встретиться с ним не так-то просто. Раны были ортодоксальными индуистами, и, хотя многие из них проводили время во всевозможных увеселениях, сам махараджа был окружен жрецами-брахманами, которые строго регламентировали его повседневную жизнь. Даже для самых незначительных дел нужно было выбрать благоприятный день, а в остальное время советчики-жрецы держали махараджу в изоляции. Исключительное значение придавалось расположению звезд на небе, и, если случайно в последний момент обнаруживалась ошибка в астрономических вычислениях, встречу могли неожиданно отменить. Человека, даже если он приезжал в Катманду с единственной целью — встретиться с махараджей, часто заставляли томиться в ожидании много дней, и посланец должен был терпеливо ждать, пока его призовут во дворец.

Прошла неделя, прежде чем мы получили разрешение представиться махарадже. Я целые дни проводил в прогулках по Непальской Долине. Мы могли ходить куда угодно, но практически никогда не оставались без сопровождающих. Несколько раз я тайком прокрадывался через садовую калитку резиденции, чтобы осмотреть город в одиночку, но не успевал пройти и нескольких сотен ярдов, как появлялся какой-то человек, который неизменно тащился за мной следом. Теоретически считалось, что эта услуга оказывалась гостям, чтобы избавить их от всяких недружелюбных акций со стороны якобы подозрительно настроенных местных жителей, которые редко видят иностранцев и поэтому от них можно ожидать любого проявления недовольства; в действительности же жители были намного более дружелюбными, чем это предполагалось. Все понимали, что эти меры, предпринимаемые якобы для нашего удобства, были лишь замаскированной формой наблюдения за нашим поведением. Непал больше не был закрытой страной, но подозрительное отношение к иностранцам осталось. Даже сейчас бывает довольно трудно получить разрешение на путешествие по внутренним районам страны.

Аудиенцию назначили на три часа дня. Незадолго до ее начала на автомобиле прибыл один из адъютантов ма-

хараджи, чтобы сопровождать нас во дворец. Поскольку это был мой первый визит, по протоколу требовалось, чтобы меня представил сам британский резидент. Поэтому он, одетый в дипломатический мундир, тоже отправился с нами. Сингх Дарбар находился на расстоянии мили от британской миссии, но путь нам то и дело преграждали священные быки, которые не считали нужным сходить с дороги. Сейчас, когда узкие улицы и переулки Катманду с расвета до темноты заполнены разнообразным транспортом, создания эти превратились в главное препятствие нормального уличного движения; но в двадцатые годы непреклонность быков раздражала только европейцев. Быки и теперь сохраняют свое привилегированное положение: гибель священного быка, даже в результате катастрофы, влечет за собой штраф в тысячу рупий (это добрых сто фунтов).

Пока мы тряслись по улицам, никто даже не обратил на нас внимания. Непал был тогда абсолютной монархией и управлялся одной семьей в ее собственных интересах. Двор и народ представляли собой две изолированные сферы, и дела правящих кругов нисколько не заботили простой народ, который издавна находился в подчиненном положении.

При нашем приближении железные ворота распахнулись, и автомобиль остановился перед дворцом; почетному караулу была отдана команда: «Смирно!». В то время считалось немыслимым, чтобы представителя Ее Величества принимали без подобной пышности. Пока шел смотр караула, я томился в стороне и, наблюдая за этой военной церемонией, чувствовал себя несколько неловко в штатском костюме (тогда за границей было принято носить штатскую одежду). Резидент сделал мне знак присоединиться к нему, и мы вместе поднялись по лестнице, где уже ждал секретарь. Он проводил нас наверх, в личные апартаменты махараджи.

Почти весь нижний этаж занимал огромный зал; использовался он только в торжественных случаях: здесь махараджа принимал своих бесчисленных родственников и льстивых прихлебателей. Стены были сплошь покрыты плохими, но вполне реалистически выполненными фресками. На них были изображены правители прошлого или на поле брани или охотящиеся на крупного зверя; тераи и сейчас привлекают спортсменов-охотников всего мира. Пол устлала тигровые шкуры, и двигаться приходилось

весьма осторожно, чтобы не споткнуться о разинутую пасть. Вдоль стен были расставлены чучела носорогов, тигров, оленей всех видов. Все помещение напоминало музей естественной истории. С потолка свисали великолепные люстры, но мебель — кресла, диванчики и даже огромный трон, покрытый слоем пыли, — была довольно безвкусна. В этом же зале, правда уже без нелепого убранства, в феврале 1961 года король Махендра чествовал на торжественном банкете королеву Елизавету.

Мы медленно поднялись по великолепной лестнице: на верхней площадке нас встретил чиновник. Он ввел нас в небольшую приемную, где стояли три рояля, а на стенах висели зеркала с изогнутыми стеклами. В этой комнате мы провели несколько неприятных минут, разглядывая свои искаженные отражения; моя и без того полная фигура в зеркале расплылась еще больше, что касается моего спутника, стройного художавого человека, то в зеркале он сократился до одного фута и стал тонким, как карандаш. Но торжественная пышность этого приема произвела на меня слишком большое впечатление, и я не рассмеялся. В 1960 году в этой комнате находилось уже какое-то правительственное учреждение, но зеркала сохранились.

Противоположная дверь медленно отворилась, и мы предстали пред махараджей. Он стоял за большим столом, за которым, несмотря на огромный письменный прибор, казалось, никто никогда не работал. На махарадже был национальный костюм (большинство представителей высших слоев общества в Непале и сейчас придерживаются этого стиля в одежде; с некоторых пор он даже стал официальным для всех правительственных чиновников) — двубортная куртка из хлопчатобумажной ткани. Иногда она делается на подкладке и простегивается, а у шеи и на талии завязывается тесемками. Довольно длинная нижняя часть куртки собирается в сборку, а внизу она расходится, несколько напоминающая балетную пачку. Пожилые люди консервативного склада предпочитают слегка присборенные куртки; зато молодые щеголы ударяются в крайность. Куртка может быть сшита из любого материала — все зависит от желания и фантазии, — но брюки в официальных случаях принято надевать белые. Они плотно облегают ноги наподобие джодхпуров, но в верхней части кроются очень свободно — чтобы удобно было сидеть на корточках. Если позволяет состояние, костюм дополняют европейской обувью и носками. Экипировку завершает

типичная шапочка, высокая с одного бока и низкая — с другого. Сейчас многие носят твидовые пиджаки обычного европейского покроя, из-под них неизменно высовывается куртка, которая выпускается поверх брюк. Эта одежда имеет в Непале повсеместное распространение. Обувь и носки крестьяне носят редко, поскольку большинство из них не может себе позволить подобную роскошь.

Я знал Чандра Шамшера по фотографиям, но меня удивил цвет его лица. Оно оказалось гораздо темнее, чем я думал. Махараджа был похож на индийца высокого происхождения: в его облике не было ничего общего с гуркхами — ни раскосых глаз, ни выдающихся скул, которые служат признаком «загималайского» происхождения. Его длинная белая борода была тщательно подстрижена. А когда он изобразил на своем лице улыбку, то обнаружил полный рот ослепительно белых фальшивых зубов, с которыми с трудом управлялся.

Раны всегда считали себя гуркхами, но тем не менее они происходят от раджпутов, хотя и не по прямой линии, что дает им право относить себя к касте воинов. Поэтому сомневаюсь, чтобы они могли претендовать на происхождение от горных племен Непала.

Свой костюм махараджа дополнил — очевидно, чтобы подчеркнуть высокое положение, — красно-голубым кепи: в Европе такие кепи обычно носят шоферы и начальники станций. К кепи была приколата большая бриллиантовая брошь. На руках у него были шелковые перчатки бледно-фиолетового цвета, оберегавшие его от непосредственных прикосновений к иностранцам, питающимся говядиной. Махараджа был умным и проницательным человеком, и я сомневаюсь, что он всерьез воспринимал эту ритуальную бессмыслицу, просто на этом, видимо, настаивало его жреческое окружение. Однако жители Азии, если они не европеизированы, не признают рукопожатия, считая этот обычай негигиеничным. Забавно, что Соединенные Штаты украшают свои многочисленные дары освобожденным странам эмблемой, изображающей две руки, соединившиеся в рукопожатии; мои непальские друзья неоднократно комментировали это как нелепость.

Несколько минут продолжалась незначительная беседа, во время которой махараджа дал нам понять, что информирован обо всем, что мы делаем и что говорим в Катманду; после чего он намекнул, что аудиенция окончена.

Чандра Шамшер правил Непалом двадцать восемь лет.

Умер он в 1929 году. Это была выдающаяся личность. Вообще семья Ран дала Непалу двух крупных государственных деятелей: великого Джанга Бахадура и Чандра Шамшера. Чандра Шамшер был абсолютным правителем, но ни он, ни его преемники не притесняли чрезмерно своих подданных. Они скорее предпочитали вообще игнорировать их существование, их интересы и их права. Тем не менее они признавали племя гуркхов. Это племя послужило объектом сделки между махараджей и британскими властями в Индии: в ответ на разрешение использовать гуркхов в армии, махараджи и их высокопоставленные родственники ежегодно представлялись к наградам. К концу жизни Чандра Шамшер имел почти все высшие награды британской короны, а также многочисленные иностранные ордена. Соглашение это мало стоило Британии и было ей очень выгодно. Правители Непала не нуждались в материальном вознаграждении, но питали слабость ко всяким медалям и орденам. Многие из них отделяли свои знаки отличия бриллиантами и другими драгоценными камнями; а один, задетый отсутствием внимания к своей особе, прославился тем, что собрал полную коллекцию британских орденов и медалей и инкрустировал их, хотя ни одну из этих наград он не имел права носить.

Во время моего первого визита в Непал города Непальской Долины были еще не испорчены западным влиянием. Изоляция страны препятствовала не только духовному и политическому прогрессу, но и распространению новшеств современной архитектуры. В Непале не было безвкусных псевдовикторианских зданий, которые обезображивают многие города Индии. Облик Катманду в течение столетий оставался неизменным. И поскольку на улицах не встречалось иностранцев, казалось, что вы попали в совершенно другой мир. Катманду, Бхадгаон и Патан и сейчас остаются единственными в своем роде городами, с их великолепно распланированными центральными площадями, многочисленными пагодами, или домами, украшенными резьбой по дереву, хотя средневековая атмосфера в них уже не чувствуется. Сильное землетрясение 1934 года сильно разрушило эти города, и никто особенно не заботился об их восстановлении. Кроме того, неварцы, первоначально населявшие Непальскую Долину, превратились в племя мелких купцов и клерков и потеряли всякий интерес к своему старинному мастерству.

Доктор Дэниел Райт, который провел в Непале не-

сколько лет в качестве врача британской резиденции, так описывал Катманду в 1877 году: «Улицы очень тесные, фактически это просто узкие проходы, и город в целом очень грязный. В каждом переулке — непроточная канава, полная гниющих отбросов, и никто даже не пытается вычистить ее. Улицы в центре, правда, подметаются, и часть нечистот уносят продавцы удобрений; но в настоящее время невозможно очистить водостоки, не перестраивая город целиком, потому что земля, на которой стоят здания, насквозь пропитана нечистотами. Дома обычно имеют квадратную форму с внутренним двором; на улице ведет низкий дверной проем. В эти внутренние дворы часто сваливают ненужный хлам и мусор. Короче говоря, можно сказать, что Катманду построен на отхожих местах».

Это описание и сейчас соответствует действительности, но с тех пор прошло много лет, значительно выросло население, а следовательно, и количество нечистот. Даже в наши дни узкие улицы часто используются в качестве отхожих мест и прохожий должен пробираться по ним очень осторожно. К счастью, большую часть года Катманду залит ярким солнечным светом, но и это дезинфицирующее средство не помогает — столица Непала продолжает оставаться одним из самых грязных городов мира. Он, как прекрасная женщина, лицо которой обезображено оспой, — таковы, кстати, и на самом деле лица многих жителей страны.

Но мне кажется, что этот недостаток окупают те достопримечательности, которые открываются взору путешественника на боковых улицах и в переулках Катманду. Там нередко можно встретить великолепные образцы жилищной архитектуры — дома, украшенные резьбой по дереву, бронзовой и каменной скульптурой неизвестных мастеров. Многие из них достойны именоваться подлинно великими произведениями искусства, хотя никто не знает имен их создателей. Среди неваров было столько понастоящему талантливых людей, что никто не оставил никаких свидетельств об именах отдельных художников и сами они не подписывали свои работы.

Недалеко от старой британской резиденции, через поле, у подножия поросшего лесом холма, находится сад, известный под названием Баладжи. Это очаровательный уголок: среди развалин царит покой, а множество ключей орошают редкий по красоте изумрудный газон — такого я не видел больше нигде в Азии. В центре сада находится каменный бассейн, полный карпов: вода вытекает отсюда че-

рез трубы, украшенные резьбой и окруженные кирпичной стенкой ажурной кладки. Между камнями растет мох, повсюду виднеются бледно-лиловые *ageratum* (в Непале это сорная трава) и белые колокольчики дурмана. Редко кто забредет в этот заброшенный уголок. Около ворот, в зарослях бамбука, виднеется маленький пруд, всего в несколько квадратных ярдов; в центре его — статуя Вишну, возлежащего на ложе из кобр. Фигура эта, наполовину погруженная в воду, производит впечатление совершенного спокойствия. Это самое великолепное изображение Вишну, какое я когда-либо видел, возможно, даже величайшее произведение искусства Непала. Никто не знает, кем и когда она была создана, но с ней связана любопытная легенда.

Некий крестьянин из деревни Нилкантха копал на своем поле водоем и наткнулся на камень. Он стал копать дальше, нашел статую лежащего Вишну и бассейн. Крестьянин сначала использовал бассейн для хозяйственных нужд, но потом решил вернуть его Вишну. По сути дела, скульптура эта — не более чем добротный образец резьбы по камню, однако буддисты и индуисты почитают ее как великую святыню, а храм, построенный рядом, и сейчас привлекает множество паломников. Согласно древней традиции короли Непала не могут посещать Нилкантху, так как сами они считаются воплощениями Вишну. Запрещение, однако, не распространяется на копии этой статуи; одна из них была установлена в Баладжи специально для короля и стала объектом поклонения местного населения. Оригинал в Нилкантхе, окруженный отвратительными современными храмами, кишущими угодливыми нищими, как произведение искусства, не может идти ни в какое сравнение со статуей в Баладжи.

Баладжи вызывает удивительное чувство покоя. В прежние дни сюда приезжали на прогулку короли со своими наложницами. В Катманду есть места, где на вас прямо-таки надвигается запятнанное кровью прошлое, но в Баладжи вы ощущаете только покой. Когда я был там в последний раз в 1960 году, сад показался мне еще более запущенным, чем в мое первое посещение. Здесь по-прежнему царил меланхолическая красота, но некоторые летние домики были испорчены непристойными надписями, а окрестности использовались как отхожее место. Насколько я понял, недавно созданное Туристское бюро собирается построить в этом саду отель, но бюрократическая волокита мешает осуществлению этого варварского плана. Еще даже

нет разрешения на приобретение необходимых материалов. Баладжи натолкнул Л. Г. Майерса на мысль озаглавить свой роман «Пруд Вишну». Сам он никогда там не был, но, когда я показал ему фотографию лежащей в воде статуи, он сказал мне, что почти таким же он представляет сад, где живут его герои.

Несколько лет спустя после моей первой поездки в Катманду, правительство Индии попросило меня составить краткий справочник о гуркхах. К тому времени я уже был достаточно хорошо знаком с махараджей и написал ему, что мне будет трудно выполнить задачу, поставленную передо мной правительством, не побывав во внутренних районах страны. К моему удивлению, махараджа ответил, что уже отдал распоряжение разрешить мне поездку в Массанг, расположенный за высоким хребтом по ту сторону тераев, и, хотя город этот был не слишком удален от Непальской Долины, я смог увидеть значительную часть Западного Непала. По случайному совпадению в конце моего путешествия 1961 года я еще раз проделал тот же самый маршрут, но будет удобнее описать его позже. Однако в те годы (когда я впервые попал в Непал) ни одному европейцу не удавалось увидеть даже эту незначительную часть территории страны.

Моя последняя поездка в Катманду при старом правлении состоялась в 1935 году. Я принял приглашение участвовать в экспедиции на Эверест, которая планировалась на следующее лето. До этого все партии добирались до Эвереста через Тибет. Со стороны Непала восхождение представлялось более удобным, но Непал был закрыт, и другого выхода не оставалось. Тем не менее мы надеялись на исключение, тем более что приступая к переговорам на эту тему, Королевское географическое общество решило сделать махараджу Непала своим почетным членом. Меня попросили поехать в Катманду и вручить ему диплом общества, а также, если удастся, обсудить возможность переговоров. Мой визит сопровождался той же церемонией, что и в первый раз. Наконец, я решил, что наступил подходящий момент, и произнес небольшую заранее подготовленную речь: поздравил махараджу с принятием его в почетные члены — отличием, которого удостоены немногие. Он взял пергаментный свиток и, даже не удосужившись взглянуть на него, бросил молча на стол. Я ожидал, что он что-нибудь скажет, но махараджа продолжал молчать. И все же я решил заикнуться об Эвересте. Махараджа был

явно недоволен, но останавливать меня не стал. Я продолжал. Как только я кончил, несколько слов в мою поддержку добавил сопровождавший меня британский посланник. Махараджа Джудха не обладал ни достоинством, ни манерами своего брата, которому он наследовал. Будь на его месте Чандра Шамшер, мы ушли бы с ощущением, что ему больно отказать нам в просьбе. Не так обстояло дело с Джудхой.

— Нет, конечно нет, — обронил он и жестом приказал нам удалиться.

Незадолго до этого эпизода в моей жизни произошли большие изменения. Я пришел к выводу, что военная служба — не мое призвание, и подал прошение об отставке. Я по-прежнему интересовался Непалом, но, будучи убежден в невозможности получить разрешение на путешествие, почти не верил, что вновь увижу когда-нибудь хотя бы Катманду. Я занимался всякими другими делами, описание которых не место в этой книге, а затем, как и большинство людей моего поколения, был захвачен войной. Однако осенью 1960 года впервые за много лет я оказался свободным, и мною овладело беспокойство. Непал больше не был закрытой страной, и чем больше я изучал карту, тем чаще оживала старая мечта. Но мне уже исполнилось шестьдесят пять лет, и, хотя почти всю жизнь я провел в походах по горам, я сомневался, сможет ли мой организм, давно привыкший к удобствам цивилизации, выдержать физическую нагрузку пешего путешественника по стране, где нет ни дорог, ни гостиниц и где нельзя даже купить простейшие предметы повседневного обихода. Но больше волновало меня другое. Есть какое-то особое очарование при мысли о возвращении в страну, которая много лет назад произвела на вас большое впечатление. Однако прошло уже тридцать лет, многое в ваших представлениях изменилось, и вы видите все в другом свете. Может быть, лучше не делать этого, чтобы не разрушить иллюзий молодости? Тем более я узнал, что Непал сильно изменился.

Но я все-таки решил отправиться в путь. Я убедил себя, что все трудности существуют только в моем воображении, и через день-два перестал думать о них. В октябре я покинул Лондон со смутными планами и обычной туристской визой в кармане. Мне разрешалось провести в Катманду только одну неделю, но мне сказали, что, когда я прибуду в столицу и выскажу свои пожелания, никаких затруднений с продлением визы не возникнет. Путешество-

вать я решил налегке и хотя и покидал Англию на шесть-семь месяцев, взял с собой только один чемодан, наполненный большей частью фильмами и книгами; правда, почтой я послал горные ботинки и спальный мешок, которые должны были ожидать меня в Катманду. Мой опыт подтвердил, насколько удобнее обходиться без лишних вещей, хотя и считается, что англичанин, путешествующий по Азии, не может без них обойтись. Когда я впервые приехал в Индию, меня уверяли, что стоит выйти на солнце без тропического шлема, как немедленно получишь солнечный удар. На деле оказалось, что все это ерунда, и теперь большинство европейцев носят обыкновенные шляпы. Последний шлем у меня унесло ветром в годы войны, когда я пересек Атлантику, с тех пор я так и не купил себе другого. На этот раз я подумывал о покупке шляпы, но решил не делать этого — то был своеобразный вызов: ведь джентльмен старой закалки никогда не появляется на улице с непокрытой головой. Но я покончил и с этой традицией.

Хотя Британия в течение ста лет имеет связи с Непалом, большинство англичан постыдно невежественны в своих представлениях, касающихся истории этой страны. Поэтому, прежде чем приступить к описанию своего путешествия, я считаю полезным дать в следующей главе очерк основных событий, происшедших в Непале до последнего времени.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Королевство Непал узкой полосой протянулось почти на пятьсот миль вдоль южных склонов центральной части Гималаев, которые и образуют его границу с Тибетом. Средняя ширина этой полосы около ста миль. Непал — горная страна, большая часть его населенных областей лежит на высоте от двух до десяти тысяч футов. В его пределы входят и тераи (узкий пояс джунглей на небольшой высоте над уровнем моря, образующий южную границу с Индией) и «вершина мира» Эверест (Джомолунгма). Благодаря такому разнообразию ландшафтов в Непале можно встретить все виды растительности, кроме пустынной. Население Непала принадлежит к различным этнокультурным типам: жители тераев мало отличаются от жителей соседней Индии, в то время как племена крайнего севера по своему происхождению, языку и образу жизни близки к тибетским.

Население Непала насчитывает восемь-девять миллионов человек. Широко распространено ошибочное мнение, что большую часть населения Непала составляют гуркхи. О раннем периоде истории страны мы знаем немного: видимо когда-то горные районы были заселены племенами, проникшими сюда из Тибета. Горы Непала служили также местом прибежища для раджпутов*, спасавшихся от мусульманского завоевания Индии. В течение столетий на территории Непала происходило смешение различных народов, хотя монголоидный тип здесь всегда преобладал и преобладает в настоящее время.

Воинственные и отважные северные племена отставали

* Р а д ж п у т ы — воинско-земледельческая каста Западной Индии. Они составляли основную воинскую силу местных индусских феодалов; в период распространения в Западной Индии ислама многие раджпуты эмигрировали оттуда.

в своем развитии, поэтому естественно, что образованные и культурные раджпуты и брахманы, многие из которых принадлежали к цвету аристократии, попав в горы Непала, вскоре заняли влиятельное положение среди местных племен, а со временем стали их правителями.

Сначала страну разрывали междоусобные войны мелких княжеств, но затем один из правителей доказал свое безусловное превосходство над соседями. Это был Притхви Нарайян, раджпутский принц из Гуркха, небольшого княжества в центре современного Непала. Прошло несколько лет, прежде чем ему удалось закрепить свои многочисленные завоевания, но в 1769 году у него было уже достаточно сил, чтобы двинуться против племени неваров, живущих в Непальской Долине, в районе Катманду. Притхви Нарайян стал полноправным монархом и основал ныне существующую династию. Король Махендра является его прямым потомком.

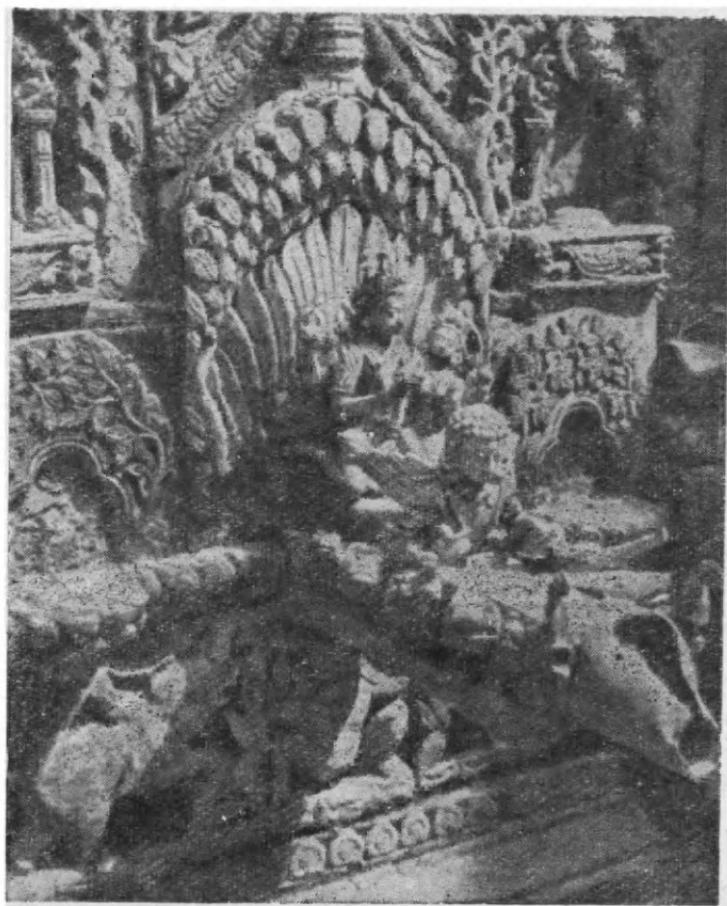
Собственно к гуркхам принадлежит только правящая семья Непала и потомки тех воинов и приближенных, которые сопровождали Притхви Нарайяна в его походах из Гуркха, а также современные жители города и района с этим названием. В настоящее время это понятие является скорее географическим, чем этническим, но в этом своем истинном смысле оно употребляется только в Непале. Непальские солдаты, которые с середины девятнадцатого столетия служили в английской армии, происходили в основном из магаров и гурунгов, двух племен, занимающих сейчас большую часть Западного Непала с административным центром в Гуркхе*. Армия Притхви Нарайяна в силу географических условий набиралась в свое время главным образом из этих двух племен, и поэтому непальские солдаты, служившие в англо-индийских войсках, стали известны под общим названием гуркхов, независимо от места рождения. Первые шесть полков почти целиком состояли из магаров и гурунгов, однако два этих племени не могли обеспечить увеличивающихся потребностей армии. Тогда были созданы батальоны, набранные из представителей двух основных племен Восточного Непала — раи и лимбу — и из племени четри, разбросанного по всей стране. Ни раи

* Прежние авторы, чтобы отличить название города от названия народа, писали первое в форме Горкха, а второе Гуркха, и я не вижу причин придерживаться этого чисто искусственного различия. — *Прим. авт.* В советской литературе принято написание Горкха. — *Прим. ред.*

ни лимбу не имеют никакого отношения к Гуркхе, но к тому времени, когда они начали поступать на военную службу, термин «гуркх», во всяком случае в Британской Индии, уже утратил свой географический смысл и стал обозначать любого солдата, происходившего из Непала. Особенности употребления этого термина сохраняются и сейчас.

Во время моего повторного посещения Катманду в 1960 году я обратил внимание на употребление слова «гуркх» только в его первоначальном значении. Это связано, видимо, с появлением новой прослойки — гражданских служащих. Предки многих из них переселились в столицу вслед за Притхви Нарайяном и с полным основанием могли считаться гуркхами; но за два столетия их потомки утратили те боевые качества, которые в прошлом отличали их предков, и выродились как физически, так и морально. Тем не менее сейчас в чиновничьих кругах Катманду стало модным претендовать на происхождение из Гуркхи. Более того, такие претензии, если они обоснованы, дают преимущества при продвижении по служебной лестнице. Аналогичная ситуация имеет место в британском министерстве иностранных дел, где на старого итонца при прочих равных условиях смотрят с особой благосклонностью.

Ко времени завоеваний Притхви Нарайяна Непальская Долина была заселена народом, известным под названием «невары», который и сейчас составляет большинство в этом районе. До этого неварями управлял ряд династий индийского происхождения. Ими были построены интереснейшие города — Катманду, Патан, Бхадгаон — с весьма своеобразной архитектурой. Их не спутаешь ни с одним городом Юго-Восточной Азии. У неваров было высоко развито искусство резьбы по дереву и скульптура; что же касается живописи, то им она была, видимо, неизвестна. Неварам принадлежит заслуга создания нового типа пагоды, и существует мнение, что родиной типичной китайской пагоды был Непал, откуда она и занесена в Китай работавшими там много веков назад неварскими мастерами. Пагоды с их многочисленными выступающими карнизами составляют отличительную черту пейзажа этих городов. Притхви Нарайян и его потомки были великими воинами, но они не замечали красоты, которая их окружала, и ничего не сделали, чтобы сохранить это уникальное наследство. Невары были фактически превращены в рабов и с течением времени утратили свое художественное мастерство. В настоящее время большинство из них занято торговлей:

Патан. Архитектурная деталь королевской купальни

не только в городе, но и в самом отдаленном горном селе-нии можно увидеть лавочника-невар.

Неваров никогда не считали гуркхами. Их внешность значительно менее монголоидна, чем у представителей горных племен, хотя их предки, очевидно, пришли сюда из северных районов Гималаев. Непальская Долина в отличие от остальной части страны никогда не была изолирована от Индии, и сейчас у неваров бытуют те же приемы обработки земли, ткачества и прядения, что и у населения пограничных индийских районов. Уже в ранний период

истории известны связи между бихарскими правителями и жителями Непальской Долины, в жилах которых, видимо, течет индийская кровь.

До гуркхского завоевания и некоторое время после него невары были буддистами. И сейчас кое-кто из них исповедует буддизм, хотя религиозная система неваров в целом представляет собой крайне запутанный клубок буддийских и индуистских обрядов. С приходом завоевателей появилась необходимость в доказательстве индуистского происхождения неваров; их ученые даже пытались провести аналогию между неварами и наирами, одним из племен Южной Индии, ссылаясь на то, что представители этого племени входили в армию Наньи Девы, завоевавшего Непал в IX веке. Однако язык неваров, сильно отличающийся от языков других племен Непала, не имеет ничего общего с дравидийскими языками юга Индии. По мнению доктора Дэвида Шеллгроува*, слово «невар» является фонетическим вариантом слова «непал» и, таким образом, означает «житель Непала». Хотя королевство в целом известно сейчас как Непал, само население употребляет это слово только для обозначения Непальской Долины и в особенности района Катманду. Чувство племенной обособленности у жителей гор до сих пор настолько развито, что люди не ощущают своей национальной принадлежности. Ни один человек, если он происходит не из Гуркха, не скажет, что он гуркх, а назовет себя по имени собственного племени.

Притхви Нараян не ограничился завоеванием Непальской Долины и вскоре включил в свои владения небольшое государство Сикким (в то время данник Тибета) и индийские районы Кумаона и Гархвала на западе. Вторжения гуркхов продолжались беспрепятственно в течение нескольких лет, пока в 1814 году не начала военные действия британская Ост-Индская компания. Первоначально неумелые действия британских офицеров привели к целому ряду поражений. Однако затем английские войска под командованием генерала Октерлони развернули наступление на Катманду и, прежде чем они достигли столицы, 2 декабря 1815 года в Сегаули (Бихар) был подписан мирный договор**.

* D. Snellgrove, *Himalayan Pilgrimage*, Oxford, 1961.

** В начальный период английской экспансии в Индии Ост-Индская компания обладала в этом районе очень широкими полномочиями, вплоть до объявления войны.

Война с Непалом продемонстрировала выдающиеся воинские способности гуркхов, хотя англичане не сразу оценили их по достоинству. Генерал-майор сэр Уильям Слимман, позднее принимавший участие в подавлении «тхаги»*, во время войны с гуркхами был молодым офицером английской армии. Сначала на него не произвели особого впечатления выдающиеся качества противника, но он пересмотрел свое мнение, лучше узнав гуркхов.

«Успешные нападения на соседей, — отмечал он, — обычно порождают у нации представление о ее необыкновенной храбрости; и гордость заставляет ее приписывать это превосходству крови, то есть искать истоки этой храбрости в истории. В этом отношении, пожалуй, лучший пример — гуркхи Непала, небольшое племя, несколько напоминающее гуннов. Отвагой гуркхи ничуть не отличаются от других людей, тем не менее любой из них считает, что он может с успехом потягаться с четырьмя жителями гор, даже если каждый горец будет гораздо сильнее, так же как датчанин некогда приравнивал себя к четырем саксам в Британии. Со временем жители гор стали думать, что это действительно так, и не могли устоять перед натиском гуркхов»**.

Вскоре после заключения мирного договора гуркхи стали поступать на военную службу к англичанам, а с 1850 года их подразделения официально вошли в англо-индийские войска. Регулярная вербовка началась в 1886 году. Во время первой мировой войны масштабы ее значительно выросли: всего в этот период в британских вооруженных силах служило более двухсот тысяч гуркхов, включая большую часть армии Непала. Столько же гуркхских солдат принимало участие во второй мировой войне. За время двух войн гуркхские солдаты заслужили двадцать два креста Виктории (из общего числа восемьсот пятьдесят). Более ста лет гуркхи «верой и правдой» служили британской короне, хотя они всегда находились на положении наемников (за исключением некоторых, родившихся и выросших в Индии). Ни один из них не был британским подданным***.

* Т х а г и — тайная индуистская секта, особое распространение получившая на территории современного штата Уттар Прадеш. В XIX веке английская администрация неоднократно подавляла выступления сторонников этой секты. В английской литературе тхаги известны под названием «душители».

** W. Sleeman, *Rambles and Recollections*, 1893.

*** Когда Индия стала независимой, десять из двадцати регуляр-

По одной из статей Сегаулийского договора в Катманду должен был постоянно присутствовать британский резидент. Первое время непальское правительство весьма пренебрежительно обращалось с британскими офицерами, назначенными на этот пост, а то и вообще игнорировало их существование. Для англичан ситуация осложнялась тем, что в отличие от индийских княжеств, которыми в той или иной степени управляли назначенные туда британские резиденты, Непал был суверенным государством*. Таким образом, резиденту приходилось воздерживаться от вмешательства во внутренние дела страны, и его обязанности фактически сводились к выполнению функций консульского чиновника. Это положение сохранялось до сравнительно недавнего времени, хотя статус британского представительства и повышался, по мере того как отношения с Непалом становились более дружескими. Только после правительственного переворота 1951 года британский представитель приобрел статус посла, и ему было разрешено выезжать за пределы Непальской Долины. В последующие годы, хотя к британским представителям и относились с большим почетом и уважением, фактически они были пленниками правящей семьи. Даже принимать гостей (что случалось крайне редко) они могли только с разрешения махараджи.

После смерти Притхви Нараяна в 1774 году на троне сменилось несколько несовершеннолетних правителей. Это привело к тому, что в течение долгого времени Непалом фактически управляли различные министры. Благодаря преемственности королевской власти в стране была сохранена известная стабильность положения, однако дворцовые интриги продолжались непрерывно. Но в 1846 году, в период, отмеченный особенно жестокими кровопролитиями, королева-регентша назначила на пост премьер-министра и главнокомандующего одновременно незаурядного человека по имени Джанг Бахадур. Путем сложных интриг и заговоров ему удалось свергнуть с престола короля, изгнать коро-

ных батальонов гуркхов остались в индийской армии, а десять других были переданы британской армии, где они составляют в настоящее время отдельное формирование. — *Прим. авт.*

* Договор 1815 года — типичный неравноправный договор, в результате которого у Непала была отторгнута часть территории, а в столицу был назначен британский резидент, который контролировал внешнюю и отчасти внутреннюю политику правительства Непала.

леву и взять в свои руки бразды правления государством. Теперь, обладая всей полнотой гражданской и военной власти, он решил добиться права передавать свои функции по наследству другим членам семьи, семьи Ран, глава которой в 1856 году принял титул махараджи. Причем наследником считался не старший сын махараджи, а старший мужской потомок основателя династии. Этот любопытный порядок престолонаследия, установленный с целью избежать правления неопытных подростков, в последний период существования «режима Ран» привел к тому, что брат часто наследовал брату и дело управления страной все время находилось в руках людей настолько старых, что они заботились только о сохранении своей власти. Большинство этих правителей были абсолютно неспособны воспринимать новые идеи быстро изменяющегося мира.

Вплоть до революции 1951 года в Непале сохранялось странное положение: там был и король и махараджа. Король, однако, не имел никакой власти — он был пленником семьи Ран. Народ почитал его как воплощение бога Вишну — слишком святого, чтобы принимать участие в земных делах государства. Он редко появлялся публично, и те случайные соглашения, которые были заключены между Британией и Непалом в этот период, осуществлялись не через короля, а через махараджу — фактически самодержавного правителя страны.

Джанг Бахадур, занимавший пост премьер-министра с 1846 по 1874 год, не предвидел, что введенная им авторитарная система правления в конечном итоге приведет к вражде между его преемниками. Эта вражда в конце концов привела к падению режима Ран. Коренилась она в любопытной системе деления членов семьи Ран на три категории: дети, рожденные от родителей, состоящих в браке, принадлежали к классу «А»; дети, рожденные матерями, чей брак с мужьями, членами семьи Ран, узаконивался только после рождения ребенка, относились к классу «В». Лиц, принадлежащих к этой категории, было немного, и, хотя они могли занимать высокие должности, никто из них не имел права претендовать на пост главы государства. Кроме того, почти каждый член семьи Ран имел по нескольку официальных и неофициальных наложниц. Отпрыски этих женщин считались принадлежащими к классу «С». Их не допускали на высокие посты, но офицеры непальской армии в значительной части принадлежали, да и сейчас принадлежат, к этой категории. Трудно точно ус-

тановить число лиц, принадлежащих к классу «С» на сегодняшний день; видимо, их не меньше тысячи. Я видел фотографию одного высокопоставленного генерала-рана с семьей. Его окружают все его дети, и снимок этот больше похож на фотографию выпускников школы, чем на семейную группу*.

В 1934 году застарелый конфликт между представителями классов «А» и «С» обострился. Несколько человек из числа тех, кто не располагал всей полнотой привилегий (хотя многие из них и обладали значительным богатством), было незаконно внесено их отцами в списки наследников; вскоре их вычеркнули из этих списков и лишили различных синекур. Эти недовольные и стали организаторами мятежа 1951 года. К тому времени часть молодых людей класса «А», подавленные мыслью, что над ними всегда будут стоять старики со старомодными взглядами, перешли в оппозицию к существовавшему режиму. Критический момент наступил, когда король, отец нынешнего правителя, неожиданно бежал из своего дворца и попросил убежища в индийском посольстве, откуда переехал в Дели, чтобы затем вернуться в Непал в качестве конституционного монарха. Был ли король в тайном сговоре с Ранами класса «С» или он действовал по своей инициативе, — это никогда не станет известно. Единственному опубликованному до сих пор отчету об этих событиях доверять нельзя.

Однако в 1850 году положение Джанга Бахадура было достаточно прочно, чтобы он решился отправиться в путешествие. Назначив себя специальным послом, он посещает Англию. Его приняла королева Виктория, которая вряд ли была в восторге, узнав, что ее гость не делает тайны из нескольких убийств, совершенных им. Но Непал XIX века — это средневековая страна, и к поведению Джанга Бахадура надо подходить с меркой той эпохи. Визит имел

* Этот пример может служить иллюстрацией исключительной сложности родственных отношений в семье Ран, а также их связей с королевской семьей: три дочери Джанга Бахадура были поочередно выданы замуж за наследника престола, а его старший сын женился на дочери короля. Браки между Ранами и членами королевской фамилии продолжались до наших дней. Доктор Дэниел Райт, который во времена Джанга Бахадура работал в Катманду в качестве врача британской резиденции, сообщает, что премьер-министр в течение своей долгой жизни усыновил не менее ста детей, так что возможности для увеличения родственных связей были огромны. Кроме того, у Джанга Бахадура было почти столько же племянников и племянниц. — *Прим. авт.*

огромный успех и несомненно положил начало новым отношениям между двумя странами, благодаря которым впоследствии Непал смог оказать Британии большие услуги. Лоуренс Олифант, который по возвращении Джанга Бахадура из Европы сопровождал его из Коломбо в Катманду, быстро уловил истинную цель этого визита:

«Помимо желания удовлетворить свое любопытство, — отмечает он, — существовала еще одна причина, побудившая Джанга Бахадура предпринять эту поездку: неуверенность в прочности собственной власти в Непале. Она натолкнула его на удачную мысль о визите в Англию. Он чувствовал, что туземный двор станет еще больше уважать человека, которому была оказана честь беседовать с королевой столь могущественной нации и который обеспечил себе поддержку со стороны королевского правительства на случай, если она ему вдруг понадобится».

События показали, что наступил момент, когда Британия (хотя она и считала это целесообразным) больше не смогла поддерживать гбнущий режим Ран. Тем не менее Джанг Бахадур и его преемники всегда сохраняли дружеские отношения с Британией (начиная с индийского восстания 1857 года *) и оказывали ей неоценимую помощь людьми и финансами во время двух мировых войн. У меня было много друзей из числа членов семьи Ран. Они относились ко мне с явным доброжелательством, были весьма обаятельны и остроумны, а некоторые отличались высокой образованностью. И тем не менее я считаю невозможным защищать систему, при помощи которой они затягивали петлю на шею Непала.

Укреплению власти Джанга Бахадура и его преемников способствовали браки между многочисленными родственниками правителя и представителями аристократии, включая королевскую семью. Что касается происхождения богатства семьи Ран, то вопрос этот менее ясен. До революции 1951 года весь годовой доход страны находился в распоряжении махараджи. Никаких отчетов не публиковалось, а общественные работы рассматривались как бесплатная услуга, оказываемая правителю. Большая часть национального дохода шла старшим членам семьи Ран и позволяла им жить в роскоши и праздности. Сам махараджа жил во

* Имеется в виду антианглийское восстание 1857—1859 гг. в Индии, в ходе подавления которого англичане использовали гуркхские части.

дворце Сингх Дарбар, который считался самой большой частной резиденцией в Азии. Дворец этот насчитывает больше тысячи комнат; сейчас в нем разместились все правительственные учреждения Непала. Кроме него в Катманду насчитывается свыше сотни других дворцов, которые отличаются друг от друга размерами — в зависимости от ранга их владельца. Одни из дворцов до сих пор заняты Ранами, которые связали свою судьбу с новым режимом, другие — перешли к иностранным посольствам и миссиям; третьи — давно заброшены: они постепенно разрушаются и превращаются в груды камня.

Однако даже весь национальный годовой доход Непала — страны в общем-то бедной — не мог окупить хвастливую роскошь, в которой жили сотни этих паразитирующих князьков. Есть основания предполагать, что когда основатели современного государства бежали из Раджпутаны в горы Непала, они захватили с собой много сокровищ. Кроме того, как рассказывал мне один высокопоставленный чиновник, с которым я познакомился во время последнего путешествия, Джанг Бахадур, лично командовавший непальской армией, посланной на помощь англичанам для подавления индийского восстания 1857 года, в награду за свои услуги получил разрешение разграбить исключительно богатый квартал проституток в Лакхнау. Никаких доказательств этому не существует. Тем не менее Раня действительно владеют сказочным количеством драгоценностей. В былые годы, когда многие из них занимали высшие военные посты, появляясь на парадах, они надевали головные уборы с плюмажами, усеянными драгоценными камнями. Сейчас только король носит такой головной убор; остальные, видимо, уже давно обратили их в наличность.

Многие задают вопрос, как могло сохраняться подобное положение вещей в стране, в течение долгого времени находившейся в столь близких отношениях с Британией. Махараджа в свое время ясно дал понять англичанам, что в ответ на разрешение гуркхам служить в англо-индийских войсках следует с уважением относиться к изоляции его страны. До 1951 года Непал был «закрытым» государством: ни одному иностранцу не разрешалось путешествовать по его территории, и, хотя некоторые привилегированные лица иногда получали приглашение провести несколько дней в столице или поохотиться в тераях, их передвижение было строго ограничено и они находились под постоянным наблюдением. Официальное объяснение столь строгой поли-

тики изоляционизма сводилось к следующему: появление в Непале иностранцев вызовет недовольство всех слоев населения, угрожающее авторитету и даже жизни махараджи. Это совершенно не соответствует истине. Я считаю, что действительной причиной изоляции Непала было стремление его правителей держать внешний мир в неведении относительно истинного положения вещей в стране. Подобная постановка вопроса соответствовала интересам могущественной семьи Ран, которая была исполнена решимости сохранить свою власть как можно дольше. Тот факт, что крестьяне никогда не восставали, объясняется отчасти тем, что тысячи из них находились на регулярной хорошо оплачиваемой службе в англо-индийских войсках. Таким образом, ежегодно около 500 000 фунтов попадали в горы в виде личных сбережений солдат и пенсий, минуя государственный контроль.

Ясно, что соглашения между Британией и правящими кругами Непала были основаны на взаимной выгоде. Британии нужно было получить доступ к неисчерпаемому источнику первоклассных рекрутов, а правителей Непала устраивало молчаливое согласие англичан на эксплуатацию страны в их узкокорыстных интересах.

В течение почти двух столетий в Непале искусственно сохранялись социальные и экономические условия средневековья. На развитие Непала в этот период не повлияло даже соседство Индии, находившейся под британским владычеством. После 1951 года, когда режим Ран был ликвидирован, страна оказалась перед лицом внешнего мира, до неузнаваемости изменившегося за годы изоляции Непала. Политическая ситуация в стране и сейчас недостаточно стабильна, чтобы пытаться предсказать, какая государственная структура окажется для него наиболее благоприятной. Ясно одно, Непалу дорого стоила его независимость*.

* Первая часть настоящей книги со всей очевидностью показывает, что Непал заплатил высокую цену не за свою независимость, как таковую, а за преступное сотрудничество Ран с британским империализмом, за хищническую эксплуатацию Англией людских ресурсов Непала, за империалистическую политику натравливания народов друг на друга, последствия которой, поскольку это касается отношений между народами Индии и Непала, сказываются до сих пор.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

1

Еще не рассвело, когда я в октябре 1960 года прибыл в меньший из двух аэропортов Нью-Дели. Ярко освещенный аэродром казался пустынным. Инструкция на билете гласила, что я должен зарегистрироваться в половине шестого, но было уже больше шести, когда небритый завернувшийся в одеяло кассир появился в конторе. За окном виднелась неуклюжая громада самолета, походившего в туманном полусвете на кита, выброшенного на мель. Кажется, я был единственным пассажиром. Вскоре, однако, прибыл целый автобус американских туристов с гидом, а затем самолет окружила пестрая толпа непальцев в национальных костюмах, со множеством узлов и свертков. Один из них катил мотоцикл, с которым он не захотел расстаться даже в самолете; в конце концов и для него нашли место в проходе между скамьями. Мотоцикл прочно загородил проход, и каждый раз, когда наш самолет попадал в воздушную яму, он угрожающе кренился, пугая пассажиров, сидящих по обеим сторонам от него. И хотя просьбы убрать мотоцикл имели все основания, миниатюрная стюардесса, лукаво улыбнувшись владельцу машины, заглянула в книгу правил и изрекла приговор: поскольку машина была доставлена на борт самолета на руках, она считается ручным багажом и убирать ее нет никакой необходимости.

Старая «дакота» («Ройял Непал Эйр Лайн» располагала в то время только четырьмя самолетами этой марки) была переделана с таким расчетом, чтобы оставить как можно больше места для грузов. Обычные кресла сняты, и вместо них расставлены неудобные железные скамейки с обтянутыми парусиной спинками. На каждой скамье сидели по два пассажира, причем при взлете и посадке их связывали одним ремнем наподобие сямских близнецов. Сидеть приходилось очень прямо, а чтобы выглянуть в

окно, надо было опускаться на пол. Пепельниц не было, зато каждому пассажиру выдали чашку с водой. Повсюду был разбросан багаж, и самолет казался перегруженным. Несколько похожую картину часто можно наблюдать в отдаленных районах Индии, где автобус никогда не отправляется в путь, пока можно погрузить кого-нибудь еще. Но я не беспокоился: во время войны мне приходилось летать и в худших условиях, и я знал, что «дакота» может вынести что угодно.

Первый час мы летели в облаках, но, когда взошло солнце, небо прояснилось и можно было разглядеть местность, лежащую внизу. Скоро перед нами открылся великолепный вид на громаду Гималаев. Американцы, одержимые идеей увидеть Эверест, восторженно разглядывали какой-то пик, приняв его за «вершину мира». Хотя в этом направлении Эверест нельзя было рассмотреть даже при наличии сильного воображения, у меня не хватило духу разочаровать их.

Меня гораздо больше интересовал пейзаж, открывавшийся внизу. Довольно долго мы летели над родиной гуркхов. Я хорошо знал эту часть страны в теории, но никогда прежде не видел ее своими глазами. Она казалась необитаемой, и только позднее, путешествуя в этом районе, я понял причину: построенные из глины дома сливались по цвету с землей.

Я все время волновался, смогу ли говорить на непали. Когда мы попали в таможню в Катманду, я обнаружил, что смысл того, что говорят вокруг, я понимаю, хотя значение отдельных слов и ускользало от меня; пытаюсь вспомнить их, я не успеваю понять следующую фразу. Мне кажется, что то же самое происходит с людьми, которые плохо слышат. Когда я начинал говорить, получалось еще хуже: мне в голову не приходили нужные слова. Мне было очень обидно: ведь когда-то я говорил на непали, как на родном языке. Я не стал предпринимать каких-либо попыток, чтобы снова изучить непали, но через несколько дней вдруг обнаружил, что в моих мыслях всплывают давно забытые слова и фразы и я начинаю вспоминать их значение. Прошло недели две. В один прекрасный момент я снова начал думать на непали, и мне стало казаться, что я никогда не забывал этого языка.

Уже поездка из аэропорта в город принесла много неожиданного. Раньше, за исключением нескольких автомобилей, принадлежавших семьям короля и премьер-министра, в Непале вообще не было колесного транспорта, и

Только несколько миль дорог, соединявших дворцы знати, имели твердое покрытие. Теперь улица была сплошь забита автомобилями всевозможных марок, многие из которых готовы были вот-вот развалиться. Они представляли собой постоянную опасность для потока носильщиков грузов, которые и не думали изменить своей давней привычке ходить посередине улицы. И только в самый последний момент они сворачивали с дороги, надрываясь от смеха. Что касается быков, то они сохранили свою прежнюю привилегию бродить где угодно, и уж если одному из них заблагорассудилось жевать свою жвачку среди дороги, движение по улице прекращалось до тех пор, пока он не сдвинется с места.

Надо сказать, что, с моей точки зрения, прогресс здесь не пошел городу на пользу, но разочаровываться было рано, и я решил подождать до вечера, чтобы в сумерках побродить по городу. Узкие улицы, многие шириной в несколько ярдов, были буквально забиты людьми с гор: среди них много тибетцев. Я отправился на Дарбар Сквер который в ранний период истории Непала был ареной многих кровавых исторических событий, но даже в сумерках, когда под покровом темноты не видно было афиш кинофильмов, наклеенных на скульптуры, телефонных и электрических проводов, прибитых к великолепным балконам резного дерева, и прочих проявлений вандализма, мне показалось, что эта площадь утратила прежнее сказочное очарование. Дарбар Сквер посещают все туристы, сюда их привлекает резьба по дереву эротического содержания, которая украшает некоторые здания. Но сейчас площадь имела какой-то самодовольный вид: слишком уж много восхищались ею последнее время.

О немногочисленных отелях Катманду можно сказать только, что они предоставляют путешественнику кров и стол.

Ни одному нормальному человеку не придет в голову посетить Непал в поисках гастрономических удовольствий. Кроме овощей, почти все, в чем нуждается европейский гость, приходится ввозить из Индии по довольно высоким ценам, причем сюда входят и обстановка отелей и простейшие ванны принадлежности. Только «Ройял отель», бывший дворец ран, претендует на некоторый комфорт, но он столь же дорог, как и лучшие отели Европы. Он по средствам только богатым американским туристам, для которых, кстати, и предназначен.

Я собирался остаться здесь на целую зиму и поэтому решил, что «Ройял отель» слишком большая роскошь. Комнату я снял в гостинице поскромнее. Она называлась «Сноувью»* и была первоначально предназначена под торговые ряды. Помещение производило удручающее впечатление: все спальни выходили на запад, и так как солнце исчезало за горами рано, комнаты всегда оставались холодными и мрачными. Возле каждой кровати лежала библия, а стены были увешаны библейскими текстами и олеографиями на религиозные темы. В Непале нет сухого закона. Однако, чтобы получить разрешение на торговлю вином, иногда приходится давать взятки должностным лицам. В этом заведении, впрочем, не продавались ни спиртные напитки, ни сигареты; местная администрация пошла лишь на единственную уступку: перед завтраком нас не потчивали семейной молитвой. Я ненавижу искусственные цветы — в «Сноувью» они торчали повсюду. Ужасные вьюнки свисали со стен, вазы, наполненные ими, стояли на каждом столе. И это здесь, в Непальской Долине, где круглый год настоящий цветник: даже в это время возле отеля кустарник пламенел цветами.

Обстановка в моей спальне была весьма убогой: в углу стоял колченогий гардероб и, чтобы помешать ему падать вперед, под одну из ножек я подложил библию. Ни вешалок, ни комода в комнате не было, и все свои носильные вещи я оставил в чемодане на полу. В другом углу примостился умывальник игрушечных размеров, а над ним — небольшое квадратное зеркальце, повешенное с таким расчетом, что при бритье приходилось сгибаться почти вдвое. Неожиданно в углу я обнаружил телефон, но прикрепленное к нему объявление гласило, что он служит только для связи с комнатами семь и тринадцать; с обитателями этих номеров я не был знаком, и мне так и не пришлось воспользоваться этим аппаратом. На ночном столике стояла ваза, полная ярко-голубых пластмассовых гиацинтов. Я скрутил их и вышвырнул в окно, но уже вечером, укладываясь спать, обнаружил, что они благополучно вернулись на свое место.

Ванная комната, расположенная против моего номера через коридор, тоже была уютным местечком — стены в ней доходили только до половины высоты, под дверью

* Сноувью (англ. Snowviiw) — букв. «отель с видом на снег».

постоянно сидели на корточках слуги, а водоотвод хронически засорялся. Каждый раз, когда вы открывали кран, вода разливалась по всему полу и вытекала в коридор. Ванны там не было, и, если вам хотелось помыться, слуга приносил бадью с горячей водой.

У этого неприглядного заведения было только одно преимущество: там было чисто. Официанты носили даже белые нитяные перчатки, но, поскольку они ходили все время босиком и в холодные дни кутались в грязные шерстяные шарфы, словно страдая от зубной боли, эффект был уже не тот.

По вечерам делать было нечего. Как только улицы погружались в полный мрак, город вымирал. Видимо, эта привычка осталась со времени Ран: тогда населению запрещалось выходить из дома после определенного часа.

Обедал я рано и потом шел к себе читать. Однако плохое электроснабжение составляло одно из главных неудобств жизни в Катманду. Напряжение было слабым, и волосок лампочки едва светился; иногда он вспыхивал на несколько секунд ярким светом, но потом снова тускнел, а временами и совсем гас. Работать или даже читать по вечерам было невозможно, и обычно к девяти часам я уже укладывался в постель.

Плохо было и с транспортом. Туристы никогда не остаются в Катманду больше чем на два-три дня. В расчете на этот срок гостиницы заранее организуют для них экскурсии по интересным местам. Более свободного гостя транспортом никто не обеспечивает; ему приходится самому заботиться обо всем. Общественный транспорт для этой цели не подходит, а нанять автомобиль стоит около пяти фунтов в день. От велосипеда польза невелика: за пределами центра города его почти все время приходится тащить по усеянными камнями дорогам. Остается одно — ходить пешком, но подобные прогулки очень утомительны и занимают много времени. Карт города нет, жители его знают плохо; поэтому ходить пешком по Катманду — значит впустую тратить время.

Город был наполнен американцами. Большинство из них работали в организации, которая распределяет финансовую помощь развивающимся странам. На многих были цветные непальские шапочки, словно они принадлежали к одному из тех странных американских обществ, члены которых имеют обыкновение носить всякие экзотические головные уборы.

Я был крайне огорчен, услышав, что некоторые из непальцев усвоили небрежное заатлантическое произношение. Мне казалось, что все эти перемены к худшему, и через несколько дней мною овладело уныние и разочарование. Однако случайная встреча решающим образом повлияла на мое дальнейшее пребывание в Непале. Ричард Прауд пригласил меня на ужин в британское посольство. Он ушел в отставку в чине полковника гуркхского полка, и министерство иностранных дел весьма разумно использовало его в качестве первого секретаря посольства. Он прожил в Катманду дольше, чем любой другой британский чиновник, и до тонкостей знал все особенности уклончивой политики непальского правительства. В его обязанности не входили заботы о путешествующих англичанах, однако в отличие от многих наших дипломатов он не только охотно давал советы, но и активно помогал приезжим. Я переписывался с ним в течение нескольких месяцев, а во время этой первой встречи собирался обсудить свои дальнейшие планы.

Среди гостей была молодая чета англичан, которые, как и я, недавно приехали в Катманду. Денис Гэллоуэй оказался художником; он со своей женой Бетт уже год, не торопясь, путешествовал в собственном автомобиле. Не удовлетворенные жизнью в Англии, они решили, пока оба молоды и энергичны, побывать в далеких краях. Дениса давно привлекал Тибет; Непал он избрал как наиболее близкий к Тибету район. Определенных планов у Гэллоуэйев не было: они просто хотели провести в Непале год, чтобы познакомиться со страной.

Мне нелегко вступать в близкие контакты с людьми младшего поколения, но к этой паре я сразу почувствовал симпатию. У нас оказалось много общих интересов, и вскоре мы стали разъезжать вместе. Это устраивало обе стороны: у Гэллоуэйев был автомобиль, я переводил и показывал им много интересного, что вряд ли они без меня догадались бы посмотреть. Но, возникнув на базе взаимной выгоды, наши отношения скоро превратились в настоящую дружбу, которая продолжала расти и крепнуть. Гэллоуэйи снимали комнату в частном доме и сами готовили себе еду, однако они были не очень довольны и собирались найти какой-нибудь дом подалее от городской грязи и шума. После нескольких недель безрезультатных поисков мы нашли небольшой домик в Чобаре, деревне над рекой Багмати в пяти милях от Катманду. Как и в других непаль-

ских домах, здесь не было никаких удобств, а воду приходилось носить из единственного в деревне колодца. Нижний этаж, который служил хлевом, был забит навозом, все стены покрыты грязью и черны от дыма. Но расположен дом был идеально. Я не верил, что его удастся сделать пригодным для жилья, но Денису он полюбился с первого взгляда. Узнав, что снять его можно за мизерную плату — двадцать фунтов в год — и что хозяин не возражает против переделки дома на иностранный лад, мой новый друг немедленно подписал контракт. Когда мне предложили участвовать в этом предприятии, несмотря на некоторые опасения, я решил рискнуть. Во всяком случае это будет лучше, чем мрачный «Сноувью отель», думал я.

Между тем я начал готовиться к путешествию в глубь страны, что, собственно, и было основной целью моей поездки в Непал. В этом мне весьма способствовал Ричард Прауд. И вот однажды утром я отправился в Сингх Дарбар разузнать, как продвигается мое дело. На этот раз почетного караула не было, и небритый страж у входа даже не спросил, зачем я пришел. Мне надо было явиться в министерство иностранных дел, но, проблуждав полчаса по бесконечным коридорам, забитым мусором и пропитанным запахом аммиака, я оказался в лесном ведомстве. Приветливый чиновник направил меня в противоположный конец здания. Докладывать обо мне было некому, и я сам представился чиновнику, которому надлежало заниматься с иностранными посетителями. Сняв ботинки и носки и задрав ноги на стол, он читал газету. Вел он себя вежливо и дружелюбно, хоть и несколько сдержанно, но скоро стало ясно, что ни обо мне, ни о моем заявлении он никогда не слышал, и первые несколько минут мы говорили, что называется, на разных языках. Мне он сказал, что в Катманду я могу оставаться сколько захочу, но вообще-то путешественникам в их собственных интересах лучше ограничиться рамками Непальской Долины. Более того, продолжал он, мне придется столкнуться с языковыми трудностями: вне Катманду редко можно встретить человека, который знал бы более двух-трех английских слов. Я решил, что наступил подходящий момент, чтобы перейти на непали. «Если речь идет обо мне, то языковой проблемы не существует», — сказал я. Чиновник просиял от удовольствия. Его будто подменили: тут же припомнились какие-то письма из Англии с моей фамилией. Потом он заявил, что, раз я старый друг страны, для меня можно сделать исключение, и велел

клерку принести соответствующую папку. У меня возникла надежда.

После некоторого промедления папка появилась. Я заметил, что кроме моей корреспонденции в ней содержалось несколько сотен других документов, не имеющих друг к другу никакого отношения. Причем они не были подшиты по обычной системе, а склеены в виде свитка длиной в несколько ярдов. Подобное расположение исключало всякую возможность составления какого-либо указателя. Вскоре мы запутались в непокорном свитке, который устелил весь пол; после слабой попытки поддержать репутацию своего учреждения мой новый знакомый потерял терпение и швырнул бумагу в угол.

— Ладно, — сказал он, — объясните мне, что вы хотите.

Я поведал ему о моем давнем интересе к Непалу и сказал, что хотел бы сам увидеть жизнь в горах. Чиновник вежливо выслушал меня, но в безучастном выражении его лица скрывалась подозрительность, и, когда он спросил меня, почему я так рвусь в путешествие, мне не пришлось в голову никакого убедительного объяснения:

— Я просто хочу побывать там, — сказал я. — Мне нравится странствовать по горной стране, вот и все.

Он велел мне написать новое заявление с точным указанием мест, которые я хочу посетить. Он ничего не может обещать, но, вполне возможно, моя просьба будет удовлетворена.

Так как с ответом на мое новое заявление не торопились, через неделю у меня вошли в привычку ежедневные визиты в министерство иностранных дел. Я слышал, что другим посетителям приходилось неделями ждать аналогичного разрешения, и, потеряв надежду, они уезжали. Но меня нельзя было взять тактикой проволочек! Много интересного можно было узнать в самом Катманду, поэтому я мог сколько угодно терпеливо ждать. Я решил, что буду надоедать непальскому правительству до тех пор, пока оно само не захочет от меня избавиться. После двух недель ежедневных визитов оно сдалось. Я получил разрешение отправляться куда угодно при условии, что не приближусь к непало-тибетской границе ближе, чем на пятнадцать миль.

Перед отъездом из Англии я полагал, что по предгорьям Гималаев можно будет ехать верхом, и намеревался купить пони. Но на месте обнаружил, что из-за пересечен-

ной местности здесь нет ни дорог, ни даже вьючных троп. Раньше мне случалось путешествовать в таких условиях, но теперь приходилось учитывать то обстоятельство, что тридцать лет назад я был намного сильнее, чем ныне.

Я всегда считал, что одному путешествовать гораздо удобнее, особенно если цель путешествия чисто познавательная. Однако на этот раз приходилось опасаться возможности свалиться по дороге, подхватить какую-нибудь заразу или сломать ногу. Кроме одной или двух медицинских миссий, больниц во внутренних областях Непала нет, а перспектива прибыть в столицу в корзине на спине носильщика меня не очень устраивала. Тогда я и подумал о Денисе и Бетт. Они тоже мечтали посмотреть страну, хотя и не верили в то, что это возможно. На непали они не знали ни слова, и, даже если бы им удалось получить разрешение на путешествие, затруднений было бы слишком много. Гэллоуэйи охотно согласились отправиться со мной, а британское посольство с готовностью поддержало их заявление.

Как ни странно, непальское министерство иностранных дел не возражало. Но, прежде чем мы отправились в путь, произошел весьма комический случай, который прекрасно иллюстрирует беспорядочный стиль работы этого учреждения. Мы уже были готовы к отъезду, когда нам велели прийти за официальным разрешением на выезд за пределы Непальской Долины. Разрешение действительно ждало нас, но значились в нем только фамилии Гэллоуэйев, а я даже не упоминался. Наш покровитель был, как всегда, очень мил и, пытаясь объяснить эту неурядицу, заявил, что ничего не слышал о совместном путешествии трех человек. Снова за делом был послан клерк. Помусолив бумаги, чиновник без тени сомнения высказал новое предположение о том, что произошла ошибка.

— Начните снова, — сказал он, — и представьте новое заявление.

Я отказался. Все уже готово к отъезду, сказал я, носильщики наняты и околачиваются без дела. Подбадриваемый кивками и улыбками суетящегося рядом клерка, несколько смущенного неуклюжими маневрами шефа, я стоял на своем и требовал, чтобы мне дали разрешение.

— Зайдите завтра днем, — сказал шеф, — все будет готово.

Он поднялся, показывая, что разговор окончен. Но я остался сидеть.

— Нет, вы занятый человек. Ваше время надо особенно беречь, поэтому лучше дайте мне это разрешение сегодня.

Моя ирония, однако, осталась незамеченной. Помолчав, он предложил нам сигареты и подошел к большой карте, висевшей на стене.

— Покажите мне точно, — сказал он, — куда вы хотите направиться.

Я бодро отбарабанил названия мест, которые мы собирались посетить, пока наш приятель неумело искал их на карте. Сам он никогда не выезжал за пределы Долины и был совершенно невежествен. Наш разговор стал больше походить на урок географии, и мне с трудом удалось вернуть своего собеседника к цели нашего визита.

— Ах, да, — сказал он наконец, — ваш пропуск. Конечно, конечно.

Вернувшись к своему столу, он открыл ящик и достал пропуск. С открытой улыбкой он протянул его мне. Нам троим разрешалось путешествовать везде, где угодно. Я заметил, что документ был датирован двумя неделями ранее. За время двухмесячного путешествия мы собирались посетить Гуркху, Покхру, Баглунг и Палпу — то есть сделать большой круг по районам, населенным племенами магаров и гурунгов, с которыми я служил в свое время в армии.

Во время наших сборов я жил в «Сноувью отеле», хотя почти ежедневно мы ездили в Чобар. Поработать над коттеджем пришлось немало. Денис делал все сам, что весьма шокировало жителей деревни. Комментарии были очень забавны: «Вряд ли это важные персоны, — говорили они, — ведь они работают, как люди низшей касты».

В конце концов дом удалось сделать более или менее пригодным для жилья, но мы решили не вселяться сюда до возвращения с гор. Коттедж стал неузнаваемым. Были покрашены стены; кроме того, Денис перестелил и покрасил грязный пол. Он подготовил чертежи самой необходимой мебели, которую обещали сделать только через месяц.

Не обладая ни ловкостью, ни умением, я не мог принести существенной пользы в этих ремонтных операциях, кроме как в качестве переводчика, но все сборы взял на себя. Мы решили путешествовать налегке. Тем не менее мне пришлось немало потрудиться, обходя лавки на базаре в Катманду. Только один магазин мог предложить нам

подходящий выбор консервов, мяса, чая, сахара и т. д. Одним из главных продуктов нашего питания стала огромная голова сыру, размером с небольшой мельничный жернов, которую мы заказали на превосходной сыроварне, основанной Швейцарской миссией помощи. Сыр этот мы ели в течение всего путешествия. За пределами Долины нам приходилось рассчитывать только на себя: яйца и иногда овощи можно было достать, но все остальное, даже рис и керосин, надо было брать с собой. Мы наняли пятнадцать носильщиков. Чтобы такое количество не показалось непомерным, я должен пояснить, что мы и так свели багаж к минимуму, решив обходиться без всякого лагерного оборудования и даже сидеть и спать на земле. Единственная роскошь, которую мы позволили себе, — несколько фунтов книг серии «Пингвин». Большинство из них мы читали много раз. Этот странный комплект удалось обнаружить в последний момент в крохотной лавчонке на одной из глухих улиц Катманду: несколько сборников рассказов Мопассана, «Всему прощай» Роберта Грэйва, «Пирожные и пиво» Мюэма и «Жерминаль» Золя — роман, который я раньше не читал, но, познакомившись с ним, запомнил надолго. Мы взяли также «Братьев Карамазовых» (эту книгу я часто беру в путешествие, но, к моему величайшему разочарованию, она не произвела впечатления ни на Бетт, ни на Дениса) и «Оксфордскую антологию английской поэзии», которую ни один из нас ни разу не открыл.

У каждого был спальный мешок и смена одежды; на всех одна палатка. В остальном наш багаж состоял из продуктов. Мы упаковали все в тюки по шестьдесят фунтов — нормальный груз для одного человека в горах. У носильщиков были собственные головные ремни из веревок, но нам полагалось обеспечить каждого большой корзиной, напоминающей по форме воронку. Эти корзины, которые продаются по несколько пенсов за штуку, широко распространены в Непале и применяются для любых грузов, включая и личное имущество. Груз удерживается при помощи головного ремня, проходящего через лоб. После многих лет тяжелого труда на лбу носильщиков часто остается полоса. Многие мужчины и женщины, которые таким образом зарабатывают на жизнь, несмотря на сильно развитую мускулатуру ног, выглядят худыми и истощенными, но даже самые слабые из них могут нести полный груз по двадцать миль в день вверх и вниз по горам. Меня всегда восхищала их выносливость; даже на самых крутых

подъемах они не задыхались, а я налегке не поспевал за ними.

Денис и Бетт собирались все делать сами, даже готовить пищу. Путешествуя, они всегда обходились без прислуги и были очень довольны. Но я решительно восстал против этого. Я объяснил им, что повар абсолютно необходим, да и без помощи слуги нам будет трудно. Нас обязательно должен сопровождать кто-нибудь из местных жителей, чтобы вести переговоры с населением, отыскивать место для лагеря и не сбиться с пути: ведь хорошей карты у нас не было. Собственно, мы собирались посмотреть страну ради своего удовольствия, но, если после долгого дневного перехода нам еще придется искать место для отдыха, натягивать палатку, готовить себе обед, путешествие превратится в сплошное мучение. Мой длительный опыт подсказывал, что надо нанять специального человека, который бы присматривал за носильщиками и выдавал им паек. В нашей маленькой группе эти обязанности с моей помощью мог выполнять кто-либо из непальцев. Я решил подыскать подходящего шерпа.

Шерпы в Гималаях играют ту же роль, что швейцарские проводники в Альпах. По происхождению и языку они близки тибетцам, но родина их — Непал. Они населяют район, известный под названием Сола Кхамбу, лежащий на высоте шестнадцати тысяч футов вдоль южного склона Эвереста. Многие шерпы переселились в индийский дистрикт Дарджилинг. До 1922 года шерпы не пользовались известностью, но во время первой гималайской экспедиции генерал Брюс открыл их исключительную способность носить грузы на больших высотах. С тех пор любая гималайская экспедиция совершала восхождение, так сказать, на их плечах. Раньше шерпы были довольны, получая плату, как обычные носильщики, но времена эти отошли в прошлое. Теперь они организованы, и путешественник, желающий воспользоваться их услугами, должен считаться с правилами и постановлениями Гималайского общества, которое фактически является их профсоюзом. Дарджилингским шерпам больше не разрешается работать в Непале. В округе Сола Кхамбу несколько тысяч шерпов, но лишь немногие из них работают в горных экспедициях. Поэтому между нанимателями идет конкурентная борьба за лучших проводников. Шерпы великолепные люди, но за последние годы их слишком избаловали иностранные альпинисты и многие шерпы приобрели традиционную славу «бывалых

людей». Кроме того, теперь они требуют высокую плату. Но, поскольку шерпы находчивы, верны и всегда готовы прийти на помощь, лучших спутников в суровых условиях горного путешествия найти трудно. Поистине, это дорогая необходимость.

В Катманду слухи распространяются быстро, и, когда стало известно, что я намечаю поездку в горы, меня начали посещать шерпы, временно проживающие в городе. Одни из них сразу теряли интерес к нашему предприятию, узнав, что мы не пойдем выше снеговой линии (за что полагается повышенная оплата и обеспечение высокогорной одеждой), другие не нравились мне. Но как-то полковник Робертс, военный атташе британского посольства и организатор многих успешных восхождений на Гималаи, прислал ко мне шерпа по имени Анг Дава. Он распоряжался носильщиками во время экспедиции на Джаулагири в 1960 году и приехал в Катманду, чтобы привести в порядок счета. Анг Дава сразу мне понравился в основном потому, что заговорил со мной на непали, а не на том ужасном жаргоне, смеси «Basic English»* с кухонным хиндустани, на котором объясняются между собой шерпы и их европейские наниматели. Я боялся лишь, что для нашего похода он слишком важная персона.

Сначала его не привлекла идея пасти престарелого джентльмена, решившего отправиться погулять по горам, но, когда в ходе разговора он узнал, что я был участником двух гималайских экспедиций, его отношение изменилось. Вместе с его отцом (который, как выяснилось, был убит при Нанга Парбате) я участвовал в экспедиции на Эверест в 1922 году, и поэтому Анг Дава счел своим долгом заботиться обо мне. Поваром он не был, однако убедил меня, что обладает достаточными навыками по этой части, чтобы удовлетворить наши скромные требования. Я заранее не сомневался в том, что он будет прекрасно смотреть за носильщиками и вообще будет очень полезен нам.

Однако нанять Анга Даву оказалось не так просто. Он состоял в Гималайском обществе, и теперь я должен был обратиться туда. Обойтись без услуг общества совершенно невозможно, поскольку достать носильщиков можно только через него. Конечно, в прошлом шерпов эксплуатировали,

* Basic English — система обучения английскому языку, основанная на искусственном ограничении его словарного состава 850 словами; в данном контексте — обедненный английский язык.

и Гималайское общество делает весьма полезную работу, охраняя их интересы. Однако правила и установления этой организации столь суровы и так неукоснительно выполняются, что иметь с ней дело очень трудно. Все гималайские экспедиции разделены на несколько категорий в зависимости от того, какие цели они перед собой ставят. К первому классу относятся группы, штурмующие самые высокие пики; поскольку все члены подобных экспедиций подвергаются опасностям, плата носильщикам совершенно справедливо установлена высокая. Класс второй включает вершины поменьше, а затем идут все прочие партии, которые не предполагают подниматься выше постоянной снеговой линии. Если попытаться отнести нашу группу к какой-нибудь категории, мы оказались бы где-нибудь в пятом классе.

Адрес Гималайского общества произвел на меня внушительное впечатление. Однако контору я нашел запертой. Оказалось, президент отправился с официальной миссией в Китай, и неразборчивая записка направляла посетителей в какой-то домишко, расположенный среди притонов. Сбившись несколько раз с дороги, я наконец нашел нужное место. Это был обветшалый чердак куда вела расшатанная лестница. В помещении стоял невообразимый шум, словно там происходил крупный скандал. Когда я постучал и вошел, оказалось, что комната полна людей, похожих на тибетцев. Секретарь, видимо, устроил вечеринку, и к этому времени большинство его гостей уже находилось в состоянии сентиментального опьянения. Я поторопился спастись бегством, договорившись прийти на следующий день.

Когда я появился здесь во второй раз, были заметны попытки привести комнату в порядок, но запах дешевого спиртного еще не успел выветриться. В углу стояла большая медная кровать, спинки которой были завешаны одеждой. На одном ее конце, скрестив ноги, сидел секретарь. Он пригласил меня занять место рядом с ним. Анг Дава, уселся в углу на полу, как наказанный, глядя в сторону. Меня его поведение не смутило: я уже не раз замечал в разных частях мира, что люди монголоидной расы имеют обыкновение во время деловых переговоров всем своим видом выражать полнейшее безразличие.

Он, видимо, не должен был принимать участия в происходящем. Я начал разговор на непали, но секретарь сделал вид, что не понимает меня: он гордился своим знанием английского языка и хотел продемонстрировать его.

перед Анг Давой. К сожалению, понять его было совершенно невозможно, и, хотя я, отвечая, тщательно отбирал только односложные слова, он не понимал ни слова из того, что я говорил. Минут пятнадцать мы не могли сдвинуться с места. Анг Дава начал терять терпение. Наконец ему надоела эта смехотворная ситуация, и он вступил в разговор. Я понял, что его подговорили выдвинуть совершенно абсурдные требования. Ему уже приходилось руководить группой шерпов в одной важной альпинистской экспедиции, поэтому теперь он не просто носильщик, и, если мы хотим воспользоваться его услугами, должны заплатить ему по высшей ставке. Кроме того, он потребовал, чтобы ему выдали полный комплект высокогорной одежды и спальных принадлежностей; и, хотя он прибыл в Катманду по собственным делам, правила Гималайского общества предписывали, чтобы мы оплатили ему все издержки на дорогу — по шестнадцать дней в каждую сторону. Не приняв ни одного из требований, я сказал, что договорюсь с кем-нибудь другим, прекратил переговоры и вышел.

Едва я добрался до своего отеля, как появился Анг Дава. Я этого ждал. Он сразу сказал мне, что действовал по указке общества, и согласился, что требования эти непомерны. Во всяком случае, ему нужна была работа на несколько недель, и он согласился на все наши предложения, но при одном условии: он уже добился определенного положения в обществе шерпов и, чтобы не уронить своего достоинства, хотел нанять помощника. Ему нужен, сказал он, употребляя жаргон гималайских путешественников, «повар-бой»: мальчик на побегушках и для помощи на кухне. Лучше всего будет взять кого-нибудь помоложе из его родной деревни, поскольку «повар-бой» должен был, кроме того, нести груз. Я согласился.

Ранним утром меня вызвали из комнаты. Внизу стоял Анг Дава. Он хотел, чтобы я переговорил с «поваром-боем».

Рядом с ним стояла привлекательная девушка, одетая в яркий тибетский костюм, которые обычно носят шерпы.

— Это моя сестра, — сказал Анг Дава. (Впрочем, термин «сестра» употребляется для обозначения даже случайных знакомых женского пола).

— О да! — ответил я. — А где же повар-бой?

Анг Дава выглядел слегка озадаченным, а его «сестра» начала хихикать.

— Это она повар-бой, — сказал он и пустился в объяснения: мне нечего опасаться — она так же сильна, как лю-

бой мужчина и привыкла носить тяжелые грузы. Она не совсем сестра, но родом они из одной деревни и она составит ему компанию, особенно в холодные зимние ночи. Вначале я притворился, что не понимаю того, что происходит, но долго сохранять серьезное выражение лица было трудно, и Анг Дава наконец разразился восторженным смехом. Как выяснилось, его спутницу звали Анг Дами, но, имея в виду ее должность, и носильщики и мы неизменно обращались к ней: «повар-бой».

Делать покупки в Катманду — занятие весьма изнурительное. Временами казалось, что нам никогда не закончить приготовления. Поэтому, произвольно выбрав дату, мы решили отправиться тринадцатого декабря. Заранее наняв через Гималайское общество пятнадцать носильщиков, мы выдали им часть платы авансом. С тех пор мы их не видели; и, когда я отдал распоряжение, чтобы носильщики доложили о своем прибытии в шесть часов утра тринадцатого, в душе очень сомневался, материализуются ли они.

Я поделился своими сомнениями с Денисом, сказав ему, что во всяком случае первые дни, пока мы как следует не устроимся, возможны всякие неурядицы. Хотя Денис по своему воспитанию и характеру был художником, во время войны он служил офицером ирландской гвардии, где и приучился к дисциплине. Он презирал неприспособленных людей, и я предвидел затруднения, которые могли возникнуть у него с носильщиками, тем более что Денис иногда был немного вспыльчив. Однако он обещал не вмешиваться, и, так как языка не знал, это было ему не трудно.

Все мои страхи оказались напрасными. Вместе с носильщиками появился сам секретарь Гималайского общества. Он осмотрел их грузы и сказал напутственное слово Анг Даве: чтобы тот как следует присматривал за нами. Анг Дава был одет подобающим образом в пышный наряд, видимо усовершенствованный от прежних экспедиций. День обещал быть теплым и солнечным, но Анг Дава натянул на себя помимо клетчатой рубашки еще несколько нейлоновых штормовок и толстый свитер. На нем были великолепные хлопчатобумажные бриджи, чулки ручной вязки, остроконечное кепи и тяжелые горные ботинки. Завершал снаряжение ледоруб. Я с удовольствием отметил, что за спиной у него был огромный рюкзак: в нем еще кое-что из одежды, сказал он. В течение последующих двух месяцев он довольно редко утруждал себя умыванием, зато был

единственным участником нашей экспедиции, который всегда щеголял великолепной одеждой.

В половине восьмого наш караван тронулся в путь. Первую ночь мы собирались провести в Какани, на высоком гребне у северной границы Долины. От Катманду туда проложена дорога, и, поскольку нам надо было доделать еще кое-какие мелочи, мы решили выехать на автомобиле позднее и встретить остальную партию вечером.

Мы рассчитали, что наши расходы составят около ста фунтов, причем большая часть денег пойдет на носильщиков, но на всякий случай сняли со счета сто пятьдесят фунтов. За пределами Долины бумажные деньги, хотя они и являются официальной валютой, вообще не имеют хождения, так что нам пришлось взять кучу серебряных и медных монет всех номиналов; их несла в сумке Бетт. В Непале есть своя денежная система, но до недавнего времени в официальном обращении находилась индийская валюта. Раньше, когда рупия изготовлялась из серебра, индийские монеты употреблялись в качестве женских украшений, и даже сейчас на них есть спрос. Жители гор называют их «кампани»: ведь их впервые увидели в Непале в период существования Ост-Индской компании.

2

Мы прибыли в Какани, когда уже спускались сумерки. Расплатившись с водителем джипа, который привез нас из Катманду, мы сели у дороги, поджидая свою группу. Однако носильщики наши не показывались. Не у кого было даже спросить, не прошел ли наш караван вперед. Вскоре в скалах я заметил светлую точку, которая постепенно приближалась к нам. Жители гор умеют переключаться друг с другом на огромном расстоянии. Секрет заключается в правильном ритме речи — так читают вслух в соборе. Я решил проверить этот трюк на практике: сложил руки рупором и закричал. Мой голос повторило эхо в холодной пустоте, и тут же раздался ответный зов: Анг Дава бежал нам навстречу. Через пятнадцать минут группа была в сборе. Оказывается, носильщики шли не по дороге, а напрямик — вот почему мы не обогнали их на машине. Люди, которые родились и выросли в горах, не устают от постоянных подъемов и спусков. Они считают: путь по прямой — самый короткий, и всегда предпочитают его более легкой, но

окольной дороге. За пределами Долины в Непале дорог нет, и имеющиеся тропы проложены по кратчайшему расстоянию. В этом заключается одна из причин, объясняющая исключительную трудность пешеходных путешествий в горах Непала для европейцев: приходится то и дело подыматься или спускаться по холмам или карабкаться по пересохшим речным руслам.

Анг Дава приступил к нашему воспитанию.

«Палатку разбивать уже поздно», — заявил он и отправился вперед с носильщиками, велел нам подождать. Мы чувствовали себя покинутыми. Все замерзли и проголодались. Я уже собирался идти на розыски, когда за нами пришел Анг Дава. Спотыкаясь в темноте, мы прошли около мили и оказались у какого-то дома. Носильщики уже сложили в кучу свои грузы и сидели вокруг пылающего костра, ожидая ужина. Мы поднялись на верхний этаж, карабкаясь по столбу с зарубками (эти сооружения заменяют лестницы в большинстве непальских домов). Маленькая комната была полна едким дымом, который резал глаза. Анг Дава решил произвести на нас хорошее впечатление: спальные мешки были уже расстелены, и не успели мы вытянуться на них, как он принес нам блюдо дымящегося кэрри*. Денис и Бетт были в восторге: впервые за ними ухаживали по-настоящему; они даже не ожидали подобного сервиса. Мы были слишком возбуждены, чтобы заснуть, и долго лежали, запивая беседу бесчисленным количеством чашек чая. А Анг Дава после длинного и утомительного дня сразу захрапел в своем углу. Через некоторое время мы тоже погрузились в сон, несмотря на непривычно жесткие постели и шум, доносившийся из хлева под нами.

Мы поднялись с восходом солнца. Долина была погружена в ранний утренний туман, сквозь который на юге проступали вершины гор. Пейзаж, выдержанный в зеленых и серых тонах, напоминал яркую акварель. На севере прояснилось; там теснились хребты с погруженными в глубокую тень долинами между ними, заполняя все пространство до горизонта. Масса Гималаев еще находилась в тени, но самые высокие вершины были уже освещены солнцем и сияли в блистательном одиночестве. Легко было понять местные верования, которые населили эти отдаленные твердыни мстительными богами. Было что-то угрожающее в

* Кэрри — национальное блюдо с острым соусом.

их неземной красоте, словно гряда Валгалл * поднималась на горизонте. Далеко на западе можно было различить очертания Мачар Пучхара, пика, имеющего форму рыбьего хвоста. Впоследствии мы прошли гораздо дальше этого пика, но из Какани он казался недостижимым. Мы стояли очарованные, наблюдая игру света и тени в лучах восходящего солнца, и, только когда Анг Дава напомнил нам о предстоящем дневном переходе, зашевелились.

Нам предстояло дойти до Тирсули, места слияния рек. Пункт этот лежал четырьмя тысячами футов ниже нашего привала на расстоянии около пятнадцати миль. Тропа все время вела под гору и, по слухам, была легко проходимой. Хотя для первого дня переход этот был великоват, мы ничуть не беспокоились и тронулись в путь в приподнятом настроении.

За последние тридцать лет мне не часто случалось совершать пешие переходы, и было бы разумным заранее потренироваться. Но я намеренно воздерживался от тренировок, так как боялся, что подобные попытки только докажут мою неспособность к пешему путешествию по гористой местности, а я ведь решил проделать его во что бы то ни стало.

Мы выступили в девять и сначала спускались под гору. Тропа шла по пересохшему руслу — в период обильных муссонных дождей вода по нему стекает с окружающих гор. Я уже отмечал, что за пределами Долины дорог не существует, но следует подчеркнуть, что тропы в горах Непала нельзя даже сравнить с самой несовершенной дорогой где-нибудь в удаленном уголке Европы. В Непале подобные дороги-тропы возникают лишь в результате того, что многие поколения людей ходили одним и тем же путем. Мосты перекинуты только через широкие ущелья, но, как правило, никаких сооружений для переправы нет.

Через четыре часа мы были у реки. Всю дорогу нам приходилось карабкаться по камням: некоторые из них были так велики, что через них нельзя было даже перепрыгнуть. Моим коленям пришлось плохо, но, к счастью, я захватил с собой палку, которая позволяла мне сохранять равновесие.

Анг Дава и носильщики ждали нас у подножия холма. Прямо на свежем воздухе они заварили чай и готовили завтрак. Остался легкий участок пути, сказали они, и

* Валгалла — в скандинавской мифологии дворец в загробном царстве, куда после смерти якобы переселялись души погибших героев.

мы решили как следует отдохнуть, отправив носильщиков вперед готовить лагерь. Теперь мы находились примерно в двух тысячах футов над уровнем моря. Долинка была жаркой и безветренной. Нам не хотелось торопиться, тем более что, как мы полагали, впереди нас ожидала приятная прогулка. Тропа была едва видна — просто ряд следов вился по песчаному ложу реки, — но по крайней мере казалась достаточно ровной. Анг Дава не счел нужным предупредить меня, что моста через реку нет, и вскоре нам пришлось переходить ее вброд. В дальнейшем мы переправлялись через реку еще пять раз, наши башмаки так промокли, что мы перестали о них беспокоиться.

Каждый раз, когда мы встречали путника, я спрашивал, далеко ли нам еще идти. Ответ всегда был один и тот же. Непальцы измеряют расстояние кошами, кош равен примерно двум милям, однако местные жители обращаются с этой мерой весьма произвольно. Когда они говорили нам, что до Тирсули осталось два коша, это отнюдь не означало, что нам надо пройти около четырех миль — просто нам предстоял достаточно долгий путь. Сначала я не понял этого, но вскоре выражение «два коша» стало нашей постоянной шуткой: каждый следующий лагерь находился всегда в «двух кошах» от предыдущего. Через несколько дней я перестал спрашивать о расстоянии*.

* Лоуренс Олифант, первый англичанин, посетивший Непал, сообщает об аналогичном случае. Это говорит о том, как мало изменились условия за прошедшие сто лет. «Я уже шел, — пишет он, — шесть часов по дорогам, куда более опасным, чем большинство горных проходов Швейцарии, и чувствовал себя усталым и голодным, так как ничего не ел с самого рассвета. Меня ждала не слишком приятная перспектива сна на земле с камнем вместо подушки и созерцания собственных страданий вместо ужина.

В этой ситуации мы все свое возмущение обратили против смысленного солдата, которого взяли в проводники: он заявил, что до Пхир Пхинга, места, куда мы направлялись, осталось еще четыре коша (восемь миль). Низкий обманщик! В начале пути он сказал нам, что до места назначения не будет даже четырех кош, а теперь, после того как мы упорно отшагали шесть часов, оказались несколько дальше от цели, чем вначале. Мы весьма сомневались, будет ли конец нашему путешествию. Что касается проводника, то он и не думал сознаться в своей ошибке и признать, что одно из его утверждений было неправильным. Он твердо стоял на своем, призывая нас поспешить и ободряя заверениями, что дальше тропа будет «майдан», то есть абсолютно ровной. Поскольку то же самое он говорил в начале пути, а единственным равным отрезком дороги оказался деревянный мост, по которому нам пришлось проходить, мы, естественно, не смогли отнестись с должным уважением к его словам». — *Прим. авт.*

Вскоре после захода солнца, изрядно уставшие и промокшие, мы пришли в большую деревню. «Нет, это не Тирсули, — сказал нам первый же встречный, — но вы почти на месте». Мы решили отдохнуть и выпить чаю в одной из лачуг у обочины дороги. В конце концов нам понадобилось еще два часа, чтобы добраться до цели. К этому времени стало уже темно. Никаких следов наших носильщиков не было и никто их не видел. Мы долго бродили по темным и извилистым переулкам базара Тирсули и не в силах идти дальше, улеглись прямо на улице. Мы уже совсем смирились со своей судьбой, когда один из носильщиков, который по приказу Анг Давы с фонарем разыскивал нас, буквально споткнулся о наши распростертые тела.

Наших сил хватило только на то, чтобы взобраться на вершину холма, где был разбит лагерь. Анг Дава выбрал для стоянки приятное место в центре манговой рощи. Но нам все было безразлично, хоть окажись эта роща хлевом. Ужин уже ждал нас, и через двадцать минут мы, даже не раздеваясь, легли спать.

Мы не собирались проводить в Тирсули больше одной ночи, но утром у всех так ныло тело от непривычной нагрузки, что мы с трудом поднялись с земли. Я еле двигался, колени не гнулись, словно затвердели намертво. Отшагав несколько часов в полных воды башмаках, мы страшно стерли ноги, но к счастью, не утратили чувства юмора. Поэтому, когда я предложил отдохнуть день, Бетт и Денис вздохнули с облегчением. Позже они мне признались, что не заговорили об этом первым, боясь, что я сочту их неженками.

На другой стороне реки, почти на тысячу футов над долиной, поднимался горный хребет. Это был Навакот. На веошине гребня расположилась крепость. Отсюда Притхви Нарайян начал свой последний поход на Катманду. Крепость была видна из нашего лагерея, и мы решили потратить день на ее осмотр. Но едва начав подъем, признали себя побежденными. Наши мышцы так онемели, что каждый шаг был пыткой. Хромая, как трое престарелых пенсионеров, мы вернулись в лагерь. Мне было тяжелее всех, и носильщики в шутку прозвали меня «ледом». Кличка пристала, и весь остальной путь ко мне обращались только так.

Вечером Анг Дава настоял на том, чтобы сделать нам массаж ног. Чем больше мы протестовали против этой мучительной операции, тем больше усердствовали Анг Да-

ва и его помощница. Но на следующий день, хотя тело все еще ныло, мы могли хотя бы относительно свободно двигаться.

Рано утром мы тронулись в путь, а в полдень собирались хорошенько отдохнуть и позавтракать, отправив проводников вперед. Я не могу похвастаться, что в тот день да и в последующие несколько дней меня интересовал окружающий пейзаж. Все мои усилия были направлены на то, чтобы заставить должным образом работать ноги и легкие. Однако уже через неделю ничто не беспокоило меня, и если только я не спешил и не старался догнать носильщиков, то чувствовал себя превосходно. Я объяснил моим друзьям, что не буду торопиться за ними, потому что собираюсь всякий раз, встретив кого-нибудь на дороге, останавливаться и разговаривать. В конце концов у нас выработался определенный порядок, который устраивал всех троих. Денис оказался хорошим ходоком и прекрасно справлялся со всеми подъемами и спусками. Обычно он обгонял меня и Бетт и, найдя подходящий сюжет, усаживался рисовать. Иногда он оставался на одном месте часами, а однажды пришел в лагерь, когда уже совсем стемнело. Я несколько беспокоился за него: ведь ему не у кого было спросить дорогу, а тропу трудно разглядеть даже при дневном свете. Когда он шел сзади нас, мы чертили на тропе стрелы. Таким образом проблема была решена.

Бетт скоро привыкла ходить со мной. Она не могла поспевать за Денисом. Кроме того, за работой он не любил разговаривать. К моему неторопливому шагу ей было легче приспособиться. Мы часами говорили с людьми на дороге, и, так как они неизменно интересовались нашими отношениями, я сочинил целую историю, не желая, чтобы у местных жителей возникли неверные представления о морали европейцев.

Следует сказать, что во всех примитивных обществах брак для мужчины совершенно обязателен. Сам я холостяк, но, когда я говорил, что никогда не был женат, к моим словам относились с недоверием: с точки зрения гуркхов, мужчина моего возраста не может не иметь жены. Когда я продолжал настаивать и пытался доказать, что Денис и Бетт просто мои друзья, с которыми я вместе путешествую, слушатели с сомнением улыбались, считая, что я хочу скрыть истинное положение вещей. Для них было совершенно очевидно, что если Денис и Бетт действительно муж и жена, то Денис не настолько глуп, чтобы

оставлять ее наедине со мной, тем более что Бетт была молода и очень привлекательна.

Бесплодные объяснения скоро надоели мне, и я стал говорить, что Бетт — моя внучка. Это вызвало новые распросы, и, хотя по натуре я не лгун, мне пришлось сочинить другую историю.

Бетт стала дочерью моего единственного сына, который был убит на войне, и так как я сам служил когда-то в гуркхском полку, то привез ее и ее мужа с собой, чтобы они посмотрели Непал. С каждым разом история все более усложнялась. Несколько недель спустя я рассказал ее одной старухе, которая оказалась дотошнее других.

— Какая печальная история, — сказала она, — хорошо, что у вас есть внучка, она будет присматривать за вами когда вы состаритесь.

Не думая о последствиях, я опрометчиво сообщил ей, что живу в Лондоне один.

— Моя жена давным-давно ушла к другому мужчине, и я совсем одинок.

— Значит, ваша внучка не смотрит за вами?

Мне пришлось согласиться. И тут старуха залилась слезами.

— Здесь с вами не поступили бы так! — всхлипывала она. И это было правдой.

По нашим представлениям, жизнь в гуркхской деревне очень сурова, многие местные обычаи вызывают отвращение, но родственники здесь никогда не бросают на произвол судьбы больных стариков, как это часто случается в так называемых цивилизованных обществах.

Через некоторое время меня разоблачили. Мы встретили на дороге молодого смышленного гуркха, и, когда я отбарабанил свою обычную историю, он поинтересовался, сколько нам лет, а затем спросил, сколько лет было моему сыну, когда его убили. Не задумываясь я ответил, что ему было немногим больше двадцати.

— В таком случае, — сказал он, — эта девушка не может быть вашей внучкой. Вам, видно, крупно повезло. — И надрываясь от хохота, он помчался под гору. Мы с трудом сохранили серьезные лица и, прежде чем тронуться дальше, уселись, чтобы уточнить детали нашей истории.

Отправляясь из Тирсули дальше, мы решили, что в этот день переход надо сделать покороче, чтобы только размять негнувшиеся суставы. Одной из приятных (хотя и не всегда удобных) черт нашего путешествия было то, что

мы никогда не знали, где нам придется провести ночь. У меня была самая современная карта, но для нас она оказалась бесполезной: с известной точностью на ней были обозначены мелкие города, но ничего общего с реальностью она не имела. Некоторые реки, указанные на карте, вообще не существовали, в то время как другие текли в противоположном направлении. Названия немногих деревень, обозначенных на ней, были искажены и часто стояли не на месте. Неразбериха усугублялась тем, что многие реки в Непале имеют по нескольку названий. Поэтому мы почти никогда не могли определить, где находимся. Карта давала великолепное представление о сложном рельефе страны, но в этом мы уже имели возможность убедиться сами.

Никому из нашей группы не приходилось ходить раньше по этому маршруту, поэтому свой день мы начинали с обсуждения плана дневного перехода с местными жителями. Как правило, при этом мы получали весьма противоречивые сведения и, не обладая точным чувством времени, никак не могли спланировать, сколько должны пройти. Затруднения возникли также в связи с тем, что наши носильщики, у которых не было палаток, естественно, предпочитали останавливаться в деревнях, где они могли найти приют на ночь. Непальские деревни очень грязны и отличаются антисанитарными условиями. Иностранцы редко появляются в этой части страны, и, если нам приходилось разбивать лагерь поблизости от деревни, мы не знали покоя. Вокруг палатки усаживались на корточках люди и отказывались уходить. Они всегда были очень дружелюбны, но после долгого дневного перехода мы хотели только одного: чтобы нам дали отдохнуть. Обычно мы старались устраивать лагерь у реки, где можно было искупаться и постирать. Если солнце достаточно хорошо прогрело воду, мы отваживались на купание в горном потоке. Уже после первого погружения вода казалась восхитительной и можно было подолгу лежать в журчащих струях.

Наш дальнейший путь лежал вдоль берегов маленькой речушки, по склону вверх. Впереди высился крутой утес, густо поросший лесом. С трудом поднялись мы по темному и узкому ущелью. Нам сказали, что у выхода из него есть населенный пункт. Место это известно под названием Самри Бханджянг. Однако мы установили, что деревня с таким названием — а в ней мы собирались остановиться — находится в нескольких часах пути; к счастью, дорога шла вниз по склону горы. В течение дня мы встретили

несколько гуркхов-пенсионеров, которые держали путь в столицу за своим годовым содержанием. Мы отдыхали на вершине холма, когда к нам подошел человек. На привязи он вел упирающегося дикого кабана. Он сказал, что поймал его в джунглях и собирается продать в Катманду. Несчастное животное, не привыкшее к такому обращению, находилось при последнем издыхании, кроме того, у него была сильно поранена нога. Владелец попросил у нас какого-нибудь лекарства для кабана. Я высказал, однако, предположение, что несчастное создание больше нуждается в отдыхе.

Тут хозяин разразился целым потоком ругательств:

— Я покажу этому ублюдку отдых, — заявил он и, схватив кабана обеими руками, потащил его вниз по склону.

В эту ночь мы разбили лагерь за деревней. Мы чувствовали приятную усталость, хотя суставы слегка болели, но ощущение одеревенелости прошло.

Следующий день начался обычным восхождением. Проходя через небольшую деревню, я с удивлением заметил женщину, которая кормила грудью мальчика лет пяти. Она сказала мне, что дети часто сосут грудь до десятилетнего возраста. Непальцы считают, что кормящая женщина не может забеременеть, и позднее кормление ребенка используют как противозачаточное средство. Впоследствии я узнал, что этот взгляд разделяют некоторые врачи. Следует все же опасаться, как бы эта привычка не повлияла на последующее развитие психики ребенка, хотя гуркхи не наблюдают никаких отрицательных последствий позднего кормления*.

Хотя зима была в разгаре, цвели многие растения. Часто встречались мелкие желтые и розовые цветы, похожие на альпийские розы, а из зарослей выглядывали крупные алые поинсеттия (poinsettias). Под порывами ветра бугенвилли, росшие одиноко на пустынных склонах холмов, склонялись и выпрямлялись, напоминая издали отблески пламени лесного пожара.

Солнце садилось, когда мы пришли в деревню Селе. Долина осталась внизу. Все кругом уже погрузилось в синие сумерки, и только вдали вырисовывались смутные очер-

* Мой друг, доктор Энтони Сторр, объяснял эту точку зрения гуркхов широко распространенным обычаем, санкционированным обществом. С его точки зрения, неоправданно долгое кормление грудью может привести к нарушениям психики ребенка — *Прим. авт.*

Магарская женщина, кормящая грудью своего
пятилетнего сына.

тания хребтов. На горизонте розовели Химал Чули и Ганеш Химал. Солнце спускалось все ниже, и горы стали сначала желтыми, потом зелеными и, даже после того как темнота скрыла холмы, сверкали какой-то ледяной белизной. Меня очаровала эта фантастическая игра красок, и я никак не мог уйти с своего наблюдательного пункта. В то же время я заметил, что на Дениса эта великолепная картина не произвела впечатления, и мы заспорили на тему о вульгаризме в искусстве. Дениса захватывало меланхо-

лическое одиночество каменистых и пустынных долин, причудливая форма камней, обточенных водой; вообще он любил искать пейзажи с приглушенным освещением. Я считал, что можно не любить ярких красок, но в принципе природа не может быть вульгарной. Он изумился моей наивности и пустился в авторитетные рассуждения об эстетике. Я был вынужден уступить, согласившись, что панорама, открывавшаяся перед нами, несколько напоминает зловещие краски почтовой открытки. Тем не менее я находил ее волнующей. На этом мы и сошлись. Во всяком случае, сказал я, в каждом из нас есть известная доля вульгаризма: его следы можно найти даже в величайших произведениях искусства: что может быть более вульгарным, чем финал Хоральной симфонии *? Наш дружеский спор продолжался до тех пор, пока Бетт не крикнула нам, что стынет чай.

Население большинства деревень, через которые мы до сих пор проходили, было смешанным, но теперь вы вступили в область преобладания гурунгов. В Селе, где мы провели ночь, жили почти исключительно гурунги; многие из них служили раньше в старых англо-индийских войсках.

Обычно на этнографических картах Непала различным племенам отводятся определенные, резко очерченные области. Теперь же я обнаружил, что четкого разграничения не существует, хотя район, расположенный к западу от Катманду, занят в основном магарами и гурунгами, а к востоку — раи и лимбу. Со времен, когда существовала межплеменная вражда, произошло значительное переселение племен, и прежнего географического деления уже не существует. Каждый округ, правда, населен преимущественно одним племенем, но в его пределах можно встретить много деревень, где живут переселенцы из других районов страны. Например, в области преимущественного расселения гуркхов, где мы теперь путешествовали, находилось много деревень, заселенных брахманами и четри **, а мелкие местные магазины, если их только можно удостоить этого названия, были в руках неваров. Подобное положение существует и в Англии, где в любой части страны еще пре-

* Имеется в виду 9-я симфония Бетховена. — *Прим. авт.*

** В данном случае автор противоречит своим предыдущим высказываниям, из которых никоим образом не следует, что четри, а тем более брахманы, селятся отдельными доевнями.

обладает сильное ядро из коренных местных жителей, но благодаря миграции и смешанным бракам чувство принадлежности к определенному графству в значительной степени утратилось. В этом отношении в Непале существуют почти те же самые условия, но с одним важным исключением. Индуистская кастовая система, которая строго регулирует брачные отношения, запрещает вступать в брак вне своего племени. Тем не менее с исчезновением географического разделения племен, племенное чувство, которое было ярко выражено раньше, теперь ослабло. Однако нельзя сказать, что оно вообще исчезло. В северных районах, вдоль тибетской границы, суровые природные условия не способствовали переселению, и там существует много изолированных деревень, жители которых не поддерживают никаких отношений даже с соседними населенными пунктами, отстоящими друг от друга на несколько миль. Но в районе, который можно считать страной гуркхов (плоскогорье в средней части Непала), многие старые различия стерлись, во всяком случае в сфере социальных обычаев и установлений. Чувства принадлежности к одной нации пока еще нет в основном потому, что правительство в Катманду не уделяет должного внимания жителям гор. Когда я впервые познакомился с ними, у них сохранялось чувство племенной обособленности. Теперь я наблюдал нечто другое: пробуждение национального самосознания у гуркхов в противовес непальцам. Теперешнему правительству следовало бы обратить на это внимание, так как именно безыскусные горные гуркхи составляют основу населения страны: без них Непал не был бы известен внешнему миру.

По дороге из Селе нам то и дело попадались носильщики с грузом, направляющиеся в Катманду. Из разговоров с ними я выяснил, что в этом горном районе не хватает соли.

Большинство гуркхов — крестьяне. Почти все они страдают от авитаминоза, однако вызвано это не нехваткой пищи, а неправильной диетой. Основные культуры здесь — рис и маис, причем почти каждая семья выращивает их больше, чем это требуется для ее непосредственных нужд. Но в Непале невозможно достать соль, и излишки зерна или продают, с тем чтобы на эти деньги купить соль, или обменивают на соль непосредственно.

Торговля солью совершенно не организована; каждая семья вынуждена принимать собственные меры, чтобы

обеспечить себя солью. Это означает, что от 20 до 25% всего населения гор один-два месяца в году проводят в походах за солью.

Недалеко от Селе нам стали попадаться группы тибетцев. Это были не пришельцы из-за перевалов, а люди, издавна жившие на непальской территории. Тибетцы предпочитают холодный сухой климат, даже небольшую жару они переносят с трудом; теперь, с началом зимы, они гнали овец на продажу в Катманду. Многие женщины несли щенят мастиффов*: в столице на них был большой спрос. Эти животные, если их воспитывать не как комнатных собачек, становятся очень злыми, и их используют в качестве сторожевых псов.

За время нашего путешествия ни один гуркх ни разу не попросил у нас подаяния, зато всякий раз, когда мы встречались с тибетцем, тот инстинктивно протягивал руку. Я давно забыл тибетский язык, который когда-то немного знал, но того, что я еще помнил, хватило нам для развлечения на целый день — мои неуклюжие попытки произносить тибетские слова встречались каждый раз взрывами добродушного смеха. Почти все тибетцы, которые попадались нам по дороге, были торговцами, но однажды мы встретили нищенствующего отшельника. Что-то монотонно распевая себе под нос, он шел в гору. Наряд отшельника был так убог, что, казалось, попытайся схватить его за рукав, и лохмотья свалятся наземь. В одной руке он нес небольшой барабан, в другой — потрепанный зонтик. Старик был очень мил, но, к сожалению, его давно не мытое тело издавало такой запах, что мы не смогли остановиться и поговорить с ним.

Почти у всех тибетцев, даже у тех, кто постригся в монахи, сильно развит природный инстинкт торговца. Хотя Тибет издавна был закрыт для внешнего мира, сами тибетцы могли путешествовать по нему свободно. До недавнего времени обычным зрелищем в Гималаях был тибетский караван мулов. Особенно часто их можно было наблюдать зимой, когда тибетцы спускались со своего открытого всем ветрам плато, чтобы принять участие в сезонной перевозке товаров. Однажды я встретился с большой группой тибетцев на их обратном пути из Сингапура в Тибет. Обычно летом они переваливали через горы Непала и где-нибудь на юге закупали вытяжку из медвежьей

* М а с т и ф ф — порода охотничьих собак.

поджелудочной железы и растертые в порошок рога носорогов. Эти средства имели большой спрос в Китае, поскольку считалось, что они обладают возбуждающими свойствами. На деньги, полученные от продажи, покупалась дешевая бирюза, которая высоко ценилась в Тибете. Кроме того, сингапурские серебряные доллары благодаря их размерам можно было выгодно продать гуркхам, которые использовали их в качестве женских украшений. Ни один из тибетцев не говорил ни слова ни на одном языке, кроме своего собственного, и все же (как они мне сами рассказывали) каким-то образом они каждый год совершают долгое путешествие в Сингапур.

К этому времени мы настолько привыкли к бесконечным подъемам и спускам, что они уже не досаждали нам, хотя моих собственных сил все еще не хватало. Недалеко от Селе тропа свернула в густой лес и круто спустилась к реке Бури-Гандак. Перед тем как выйти к ней, мы оказались на небольшой прогалине. Стаи бабочек парили над землей, в воздухе носились зимородки. Кругом было совершенно пустынно, и, хотя место это не годилось для лагеря, так как поблизости не было воды, мы не могли оторваться от созерцания буйного великолепия природы, окружавшей нас. Распаковав рюкзаки, мы неторопливо закусили на свежем воздухе и после завтрака уснули. Проснулся я от легкого шороха и, подняв глаза, увидел, как на расстоянии нескольких ярдов от меня листья как-то странно зашевелились. Прежде чем я сообразил, в чем дело, ветви раздвинулись, и появилась огромная голова буйвола. Крайне серьезно животное посмотрело на меня и исчезло так же бесшумно, как и появилось: казалось, передо мной ожила картина Дуанье Руссо.

Пройдя милою или около того дальше по реке, мы попали в деревню. Здесь была небольшая школа, первую, которую мы увидели после Катманду. На земле под открытым небом сидели в кружок дети. Как только мы приблизились, они забыли про занятия и с шумом окружили нас, выпрашивая лекарства. Место это расположено в низине, поэтому здесь распространена малярия, но никаких средств для ее лечения нет. Здесь нам удалось достать самое желанное угощение: огромный ананас. Владелец его был в восторге, расставшись с этим плодом за шесть пенсов.

На следующий день мы наконец прибыли в город Гуркху, где собирались остановиться на несколько дней. Этот переход я запомнил как самый изнурительный за все время

нашего путешествия. Под конец мне казалось, что я просто не дойду. Наш путь начался с крутого спуска почти в четыре тысячи футов. Затем немедленно последовал такой же подъем. Пройдя по высокому гребню несколько миль, мы увидели перед собой глубокую долину: нам предстояло ее пересечь. Но это еще не все: когда, выбиваясь из сил, мы забрались наконец на вершину холма, увенчанного старой гуркхской крепостью, то обнаружили, что сам город лежит на тысячу футов ниже. Эти места я мечтал увидеть больше, чем что-либо еще в Непале, и не только потому, что с ними связано возвышение королевства, — ведь здесь было сердце страны гуркхов. Однако в тот момент мне хотелось одного: спать, и моей энергии хватило лишь на то, чтобы расшнуровать башмаки.

Я проснулся только в девять часов. Накануне вечером, когда мы достигли лагеря, уже спустилась темнота, а сейчас, утром, я увидел, что наша палатка стоит посреди убранный рисового поля, в нескольких сотнях ярдов над городом. Наш лагерь уже окружила толпа любопытствующих жителей. Они сидели на корточках вокруг, как вороны. Всякие попытки прогнать их были совершенно бесполезны. Когда Анг Дава кричал на них, они с визгом разбежались, но через пять минут возвращались обратно.

Гуркха издавна была центром административного округа, а сейчас здесь находится также резиденция местного губернатора. До революции, которая произошла десять лет назад, губернатора назначал сам махараджа обычно из членов своей семьи. Таким образом, они получали неограниченные возможности для личного обогащения. В настоящее время эта должность рассматривается как важный политический пост, хотя взяточничество и коррупция распространены в стране едва ли не более широко, чем во времена господства семьи Ран. Тем не менее к этому вопросу нельзя подходить с европейскими мерками: на Востоке взятка зачастую рассматривается как обязательный элемент деловых отношений.

За неимением более подходящего слова, Гуркху, как и другие местные центры, называют городом. Однако фактически это не более, чем просто большая деревня. На одной из улиц есть несколько небольших магазинов, в которых можно достать только самые простые вещи — сигареты, керосин или ситец. Здесь нет ни электричества, ни канализации. Губернатор занимает нечто вроде большого фермерского дома, а перед его официальной резиденцией

находится маленькая площадь для парадов и казармы местного гарнизона. Эти воинские части, размещенные в различных местах страны, мне кажутся совершенно бесполезными. Но Непал всегда считался военным государством, и, по-видимому, национальная гордость требует сохранения армии. Судя по тому, что я видел, эта армия совершенно не отвечает современным требованиям, к тому же офицерские посты заняты людьми, получившими воинское звание по праву рождения. Огромная часть национального дохода идет на содержание армии (правда, ни воздушных сил, ни артиллерии в ней нет), и приходится сожалеть, что эти суммы не используются в других целях, например на образование или на строительство больниц, в которых так нуждается Непал.

Старая крепость Гуркхи одиноко стоит на вершине горы, на высоте около полутора тысяч футов над современным городом. Я был удивлен, что местные жители не проявляют к ней никакого интереса, но тем не менее в ее маленьком дворе круглые сутки стоит военный караул. Благодаря относительной удаленности и полной непригодности для использования в современных целях эта крепость — твердыня Притхви Нарайяна — сохранилась в своем первоначальном виде. Из того, что мы видели в Непале, это самое старинное сооружение. Особенно великолепна резьба по дереву — в Катманду такой не увидишь. Я думаю, что украшения на крепостных сооружениях были выполнены уже после завоевания Непальской Долины. Ведь трудно поверить, что в Гуркхе неварцы жили в тот период, когда она была еще изолированным княжеством.

В крепость ведет лестница, а в маленькой пещере, вырубленной в скале ниже уровня двора, находится святилище Горакхнат, святая святых первых гуркхов; теперь это национальная святыня. Иностранцам строжайше воспрещается входить в священные храмы Катманду и других городов Непальской Долины, потому что после таких посещений необходима очистительная церемония, прежде чем храм можно снова использовать в религиозных целях. Поэтому мы были удивлены, когда нас радушно приветствовал жрец. Он предложил нам снять башмаки и следовать за ним. Помещение оказалось таким маленьким, что мы вползали туда почти на четвереньках. В углублениях скалы находилось несколько ржавых трезубцев и мечей, но никакого изображения божества не было. В одном углу при тусклом свете можно было разглядеть нечто похожее на

детскую кроватку — миниатюрный трон, на котором, по преданиям, сидел Притхви Нарайян, когда был ребенком. На полу разбросаны цветы ноготков; в пещеру несколько раз влетали голуби. У этой святыни, может быть благодаря полному отсутствию украшений, удивительно умиротворенный вид. На меня она произвела более сильное впечатление, чем любой разукрашенный храм столицы.

Старый жрец рассказал мне, что всю свою жизнь он провел в Гуркхе, большую часть времени присматривая за Горакхнатом. Я удивился, почему он разрешил нам войти в святилище.

— Раньше, — ответил жрец с обаятельной улыбкой, — я не пустил бы вас. Тогда я был молод и глуп. Много лет я провел в созерцании, читая священные тексты, но в них нигде не говорилось, что чужой человек не может входить в наши храмы. Теперь я верю, что перед богом все люди равны: одни из нас хорошие, другие — плохие, но цвет кожи здесь ни при чем.

За все время нашего путешествия этот старик был единственным человеком, который сознательно взял на себя выполнение долга, возложенного на него его брахманским происхождением. Большинство же брахманов, живущих в горах, невежественны и ограничены. Они спекулируют на суевериях и страхах крестьян, многие из которых настолько увязли у них в долгах, что низведены почти до положения рабов. Повседневная жизнь деревни диктуется брахманами: даже определить благоприятный день для начала пахоты могут только они. За все услуги нужно платить; в подавляющем большинстве случаев этот же брахман ссужает крестьянину необходимую сумму денег. В Непале установлен определенный процент на заем, но существует он только в теории. На практике невозможно одолжить деньги меньше, чем за пятнадцать процентов в месяц. Поэтому многие семьи влезли в долги настолько, что только для уплаты процентов они вынуждены расставаться со всем своим имуществом. Подобная пагубная система приводит к тому, что большая часть лучших обрабатываемых земель в горах находится в руках брахманов-ростовщиков. Из-за огромных процентов крестьянин вообще не может рассчитывать когда-нибудь выплатить долг и практически становится рабом брахмана. При этом сами брахманы не стремятся использовать свои деньги, чтобы жить с большими удобствами, чем остальные жители деревни. Эти скряги получают удовольствие от сознания

власти над своими соседями. Меня всегда удивляло, в каких убогих домишках ютятся местные «землевладельцы» (слово «землевладелец» служит в Непале обычно синонимом ростовщика).

Хотя Гуркха и крупнейший центр в горах, иностранцы редко посещают этот город, тем более что основной путь в горы, по которому следуют многочисленные гималайские экспедиции, через него не проходит.

Через несколько дней после нашего отъезда из Катманду там произошел один из обычных политических переворотов. Правительству было предъявлено обвинение в том, что оно не выполняет должным образом своих обязанностей, а премьер-министр и некоторые члены кабинета были посажены в тюрьму по обвинению в коррупции. Состояние связи в Непале оставляет желать лучшего, поэтому до Гуркхи это известие дошло как раз в то время, когда мы прибыли туда, то есть две недели спустя. У населения это сообщение не вызвало особого интереса. Политика, сказали нам, это то, что происходит в столице, и к тем, кто живет в горах, она не имеет никакого отношения. Тем не менее в Катманду нам говорили, что в Гуркхе активно действуют демократические силы, но ничего подобного мы не заметили. В городе несколько раз происходили волнения, но политической окраски они не имели и были вызваны чрезмерными взятками, которых требовали правительственные чиновники от местных торговцев.

Мы провели в Гуркхе несколько дней и, хотя наше путешествие едва началось, я хочу прервать свое повествование, чтобы более подробно описать народ, среди которого мы находились

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

1

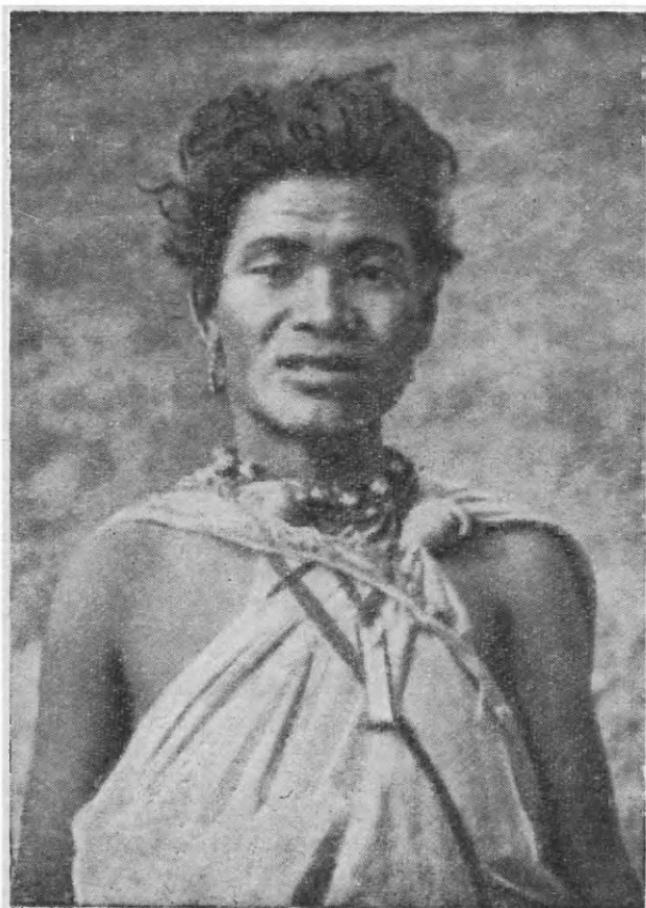
Сведения, которые содержатся в этом очерке, посвященном социальной жизни гуркхов, в основном были почерпнуты мною из бесед с магарами и гурунгами: представители этих племен были солдатами в полку, в котором я служил одно время.

Еще в Кэмбридже, где я изучал антропологию, меня научили никогда не задавать наводящие вопросы, так как на них обычно следуют ожидаемые ответы. Поэтому основой для этого описания послужили сведения, полученные мною в тысячах случайных разговоров.

Перед тем как отправиться в путешествие по Центральному и Западному Непалу, я нарисовал в уме некую гипотетическую картину жизни в этих горах. Мой практический опыт подтвердил реальность этой картины, помог заполнить пробелы и исправить некоторые неправильные представления.

В условиях горного ландшафта, столь характерного для Непала, даже соседние деревни настолько изолированы друг от друга, что в каждой из них существуют местные обычаи, празднества и даже религиозные культы. Особенно заметны различия между племенами, населяющими западные и восточные районы страны: ведь основные западные племена — магары и гурунги — гораздо дольше подвергались воздействию идей индуизма, поскольку именно сюда бежали из Индии раджпуры и их сторонники. Поэтому я намеренно воздерживаюсь от описания таких социальных установлений и обычаев, которые характерны лишь для отдельного района. Полное освещение жизни гуркхов потребовало бы специального изучения каждой из существующих сейчас деревень и вряд ли возможно.

К этническим группам, известным в настоящее время

Гурунг из клана Гхале

под общим названием гуркхов, относятся магары и гурунги, населяющие центральные и западные нагорья, рай и лимбу, занимающие восточные районы, и четри, местожительство которых не ограничено определенным округом.

Кроме них во всех частях Непала есть еще значительное количество брахманов. Жизнь большинства из них несколько не отличается от жизни гуркхов, среди которых они живут. Многие из брахманов — земледельцы, но предполагаемое более высокое происхождение дает им определенные преимущества. В течение многих поколений они приобрели некоторые характерные черты горного народа,

но рассматривать их как гуркхов нельзя, поскольку по происхождению они индийцы.

«Брахманы, — отмечал Брайан Ходжсон в 1874 году, — когда они впервые прибыли в горы Непала, встретили там неграмотных и неверующих туземцев, гордых и суровых. Они увидели, что ум непальцев свободен и готов воспринять их учение, но что дух их нельзя сломить и унижить, и поэтому брахманы стали действовать применительно к обстоятельствам. Самым первым и наиболее отличившимся новообращенным они, вопреки вере, которую проповедовали, пожаловали высокое положение и честь относиться к сословию кшатриев (в непальском произношении — четри)».

«Но брахманам, — продолжает он, — нужно было удовлетворить не только свое честолюбие, но и чувственность. Они нашли, что местные женщины, даже наиболее интересные и высокопоставленные, не заставляют себя долго просить, однако в характере этих женщин всегда было что-то от нрава их соплеменников-мужчин — немедленная реакция обиды на унижение. Эти женщины в самом деле были готовы принять в свои объятия цивилизованных брахманов, но они не желали, чтобы на их детях лежало клеймо позора. И вот брахманы, вопреки своей вере, пожаловали потомству от этих союзов положение второго сословия индуизма. Так новообращенное и незаконное потомство брахманов положило начало современному многочисленному и исключительно разветвленному племени людей, называющихся кхас (четри). „Кхасами“ первоначально называли любого неверующего гуркха. Теперь это слово стало гордым титулом даже тех, кто принадлежит к воинскому сословию Королевства Непал».

Я сам видел людей, называвших себя брахманами, чей облик был точь-в-точь таким, как у гуркхов. Однако со времени распространения индуизма с его настойчивым требованием социальной сегрегации смешанные браки более не допускаются. Тем не менее, по-видимому, нет оснований предполагать, что гуркхские женщины, многие из которых исключительно привлекательны, стали менее сговорчивы в современных, более жестких социальных условиях.

Все племенные языки гуркхов принадлежат к одной семье — тибето-бирманской. Но с наплывом в Непал эмигрантов с равнин Индии и тем более таких эмигрантов, которые благодаря превосходству в образовании и социальном положении вскоре должны были возвыситься до ран-

га вождей неграмотных племен, возникла необходимость в общем языке. В качестве такового на сцену вышел непали, ставший официальным языком двора и правительства. Некоторые племена гуркхов, ж в особенности их женщины, поскольку они остаются дома, до сих пор говорят только на своем племенном наречии, и в течение моего путешествия я время от времени натыкался на изолированные деревни, где не в состоянии был объясняться. Но непали имеет тенденцию постепенно вытеснять другие языки, и я полагаю, что с течением времени они выйдут из употребления.

Непали принадлежит к новоиндийской группе индоевропейской языковой семьи и происходит от санскрита. Никаких диалектов в нем не существует, но произношение меняется в различных частях страны, и, кроме того, имеются небольшие различия в словаре: в некоторых из наиболее отдаленных районов, например, в обычный непальский язык вошли слова тибето-бирманского происхождения. В настоящее время значительная часть мужского населения Непала пользуется двумя языками, разговаривая как на непали, так и на том или ином из племенных наречий.

Распространенная среди непальцев, исповедующих индуизм, кастовая система, которая заимствована из Индии и которую нельзя встретить больше нигде в мире, создает в обществе атмосферу обостренной социальной дифференциации. Не будучи ни чисто социальной, ни чисто религиозной, система каст содержит элементы обеих. Каждый член индуистской общины принадлежит к той или иной касте или подкасте, которых очень много. С одной стороны, каста является организующим началом, а с другой — кастовая система делит общество на группы, которые в силу запрещения смешанных браков и совместного приема пищи, питья и даже курения препятствуют социальной сплоченности.

«Кастовая система... — пишет Л. С. О'Мэйли, — по своей сути противоположна принципу равенства всех людей, поскольку существует иерархия каст, основанная на том принципе, что люди неравны и не могут быть равны. Различные касты занимают высокое или низкое положение в зависимости от того, как к ним относится индуистская община в целом, при обязательном условии превосходства брахманов, образующих как бы вершину пирамиды, в которой слоями, одна под другой размещены остальные касты».

Среди многих гуркхов, живущих в горах Непала, распространена примитивная форма анимизма, в которой можно обнаружить следы буддийского влияния, но присутствие среди них большого числа брахманов вынуждает их соблюдать правила различных каст, к которым они были произвольно приписаны. С моей точки зрения, взгляды, навязанные кастовой системой, чужды складу ума гуркхов; но сохранение и укрепление этой системы во многом отвечает интересам брахманов, чье положение и богатство основаны исключительно на их предполагаемом более высоком происхождении.

Нужно сказать, что в Непале существует определенная религиозная терпимость. Получили разрешение действовать христианские медицинские миссии при строгом условии, что они не будут никого обращать в христианство. Много здесь буддистов, которым всегда предоставлялась полная свобода в отправлении их религиозных обрядов. В течение долгого времени в Катманду была мечеть, которую посещали торговцы-мусульмане, но, к моему удивлению, я обнаружил несколько мусульманских семей еще и в горах. Кроме своих имен, эти люди ничем не отличались от местных жителей — гуркхов — и говорили только на непали. Они не знают о своем происхождении, но я предполагаю, что это потомки беженцев с равнин Индии.

Сомнительно, чтобы в настоящее время можно было точно определить те черты, которые характеризуют религиозную мысль гуркхов, — настолько они переплетены с внешними влияниями. В Тибете и соседних районах Северного Непала большинство населения является последователями той странной формы тантрийского буддизма, которая широко известна под названием ламаизма; и, поскольку гуркхи первоначально имели большую культурную близость с Тибетом, чем с какой-либо другой страной, многие из их философских идей весьма сходны с ламаистскими. Однако большую роль сыграло проникновение индуизма из Индии, и горы Непала стали, таким образом, местом встречи двух религий. Не существует больше какого-либо значительного или даже хотя бы резко заметного расхождения между ними: каждая заимствовала что-то от другой, и кастовая система, вероятно сначала едва признаваемая как таковая, постепенно утвердилась вместе с приходом к власти индуистской королевской династии, которая, само собой разумеется, должна была признать превосходство брахманов.

Хотя никакого настоящего столкновения между индуистской и буддийской мыслью не было, они не слились воедино. В Непале есть много изолированных и недоступных долин, где сохранились старые верования и обычаи, не затронутые воздействием индуизма. Но тот странный способ, каким эти две религии приспособились друг к другу, отчетливее всего виден в столице.

Перемены в Непальской Долине были гораздо более заметны. Катманду всегда поддерживал различные культурные связи с Индией, и мало кто сомневался в том, что невары, населявшие Непал до нашествия гуркхов, получили буддизм непосредственно с юга. Многочисленные святыни, находящиеся в Долине, до сих пор посещаются благочестивыми буддистами не только из соседнего Тибета, но и из таких далеких стран, как Бирма, Цейлон и даже Япония. Но когда невары подчинились завоевателям-гуркхам и последние установили свое автократическое правление, расхождение между двумя религиями, естественно, стало более резким. Ортодоксальный индуизм был религией завоевателей, и в Непальской Долине он поэтому не подвергся большому влиянию идей буддизма. Не так обстояло дело с обратным влиянием, и ни в одной другой части мира мы не встретили столь явных признаков влияния индуистских идей на буддизм, как в Непале.

2

Хотя в облике представителей отдельных племен существуют некоторые различия, все гуркхи, кроме тех, что принадлежат к четири, — ярко выраженные монголоиды с выступающими скулами и эпикантусом (складкой кожи, закрывающей внутренний угол глаза), свойственными всем монголоидным народам. Средний рост мужчины-гуркха — 5 футов 3 дюйма (160 сантиметров), женщины — примерно 5 футов (152 сантиметра). У гуркхов можно найти все оттенки желтовато-коричневой кожи, но я видел многих, чья кожа была не темнее, чем у загоревшего под летним солнцем уроженца Южной Европы. Нередки также розовые щеки. Глаза почти у всех темно-карие. Волосы обычно прямые и густые, черные, но мне встечались и обладатели очень темной каштановой волнистой шевелюры. Растительность на лице и теле скудная, и почти невозможно встретить мужчину, у которого было бы что-

нибудь существенное на лице, кроме нескольких редких волосков над верхней губой, и то вырастающих уже в солидном возрасте. Лишь у немногих возникает необходимость бриться, и бритвы, естественно, не имеют широкого распространения: волосы на лице и подбородке удаляются при помощи небольших щипчиков; этот инструмент большинство мужчин носит постоянно с собой, прикрепляя его к шнурку на шее.

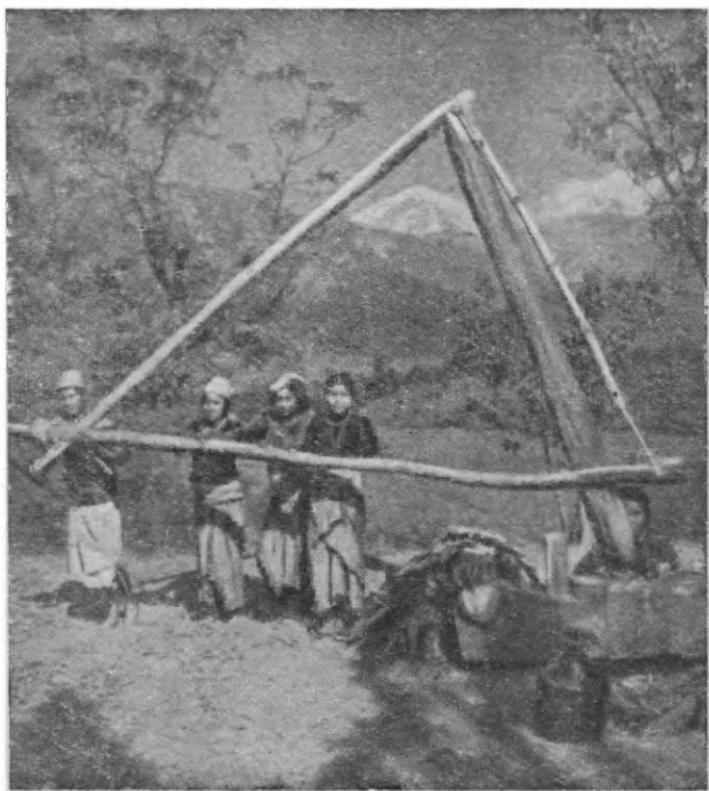
Широко распространенное представление, будто гуркхи — народ исключительной физической силы, неверно и основано на впечатлении от внешности людей, состоящих на военной службе, — единственных из гуркхов, обычно известных внешнему миру. На самом деле эти силачи не более типичны для своего народа, чем гвардейцы для англичан.

В те дни, когда я служил офицером по вербовке, и перевидал тысячи гуркхов, и у большинства из них были следы явного недоедания, малокровие и рахит, а многие парни, как выяснилось, страдали от пиорей и других болезней, связанных с недостатком витаминов. Судя по тому, что я видел потом в горах Непала, там нигде нет настоящего голода, недостатка в пище, так что истощение является следствием напряженного физического труда в стране с исключительно неровным ландшафтом при питании, состоявшем в основном из риса, который имеет низкое содержание белка.

Огромное количество болезней распространенных в горах. — зачастую результат простого невежества, в особенности незнакомства с элементарной гигиеной, что приводит к высокой детской смертности. Часты также случаи заболевания туберкулезом и — из-за физического напряжения при переносе тяжелых грузов вверх и вниз в горных условиях — болезни сердца.

Каждое гуркхское племя состоит из нескольких кланов, одни из которых экзогамны*, другие нет. Клан в свою очередь состоит из групп, которые можно условно назвать родами и члены которых признают общее происхождение из одной семьи либо по линии отца, либо по линии матери. Эти роды строго экзогамны, поскольку гуркхи единодушно считают всех, кто принадлежит к одному и тому же роду, даже совершенно незнакомых людей, состоящими в генеа-

* Экзогамия — обычай избегать браков между мужчинами и женщинами одной и той же общественной группы, рода.

Семья чотри за обработкой сахарного тростника

логическом родстве. После брака женщина считается принадлежащей к роду мужа.

Непальская система родства, определяющая отношение одного человека к другому, объединяет людей, которые никакими иными путями не могли бы быть связаны друг с другом. Таким образом, хотя гуркхи рассматривают всех членов своего рода как происходящих от какого-то одного, пусть неизвестного, предка, чувства общности между членами одной внутренней группировки (одного рода) у них не существует.

Система родства является исключительно сложной, но невозможно понять должным образом организацию общества гуркхов, не будучи знакомым с ней хотя бы в некоторой степени.

Система эта основана на делении общества на поколения. Так, родители гуркха, их братья и сестры (а также супруги последних) образуют одну основную группу. Вторая группа включает братьев и сестер этого человека и всех детей членов первой группы. К третьей группе относятся дети членов второй группы. Число этих групп можно продолжать до бесконечности, но три названные являются основными.

В непальском языке существует около пятидесяти слов для обозначения различных степеней родства, иногда весьма отдаленного. Так, например, есть определенный термин для ребенка двоюродной сестры жены. Однако на практике обычно употребляются только слова, необходимые для различения членов трех главных группировок.

В основе организации гуркхского общества лежит концепция семьи. В большинстве западных стран, хоть и признается существование большого количества родственников, но то, что считается собственно семьей, — единица достаточно немногочисленная и компактная — обычно мужчина, его жена и их дети. В Непале же представление о семье гораздо шире.

Считается, что в семейную группу непосредственно входят все члены одного поколения, то есть мужчина или женщина и все их братья и сестры. Слово «отец», к примеру, употребляется для обозначения не только настоящего отца, но и для всех братьев последнего. То же самое относится к матери и ее сестрам. Таким образом и оказывается, что в следующем поколении те, кого мы считаем двоюродными, обращаются друг к другу как к брату или как к сестре.

Деревня гуркхов — это скорее совместное поселение обширных семей, чем группа не состоящих между собой в родстве индивидов; и поскольку все друг друга знают, не возникает никаких недоразумений при употреблении терминов родства. Существует определенное количество слов, которые в случае необходимости могут быть добавлены к основным терминам с целью их уточнения, но нужда в них возникает только при разговоре с чужими людьми.

Гуркхи обычно обращаются друг к другу не по имени, а при помощи числительных, означающих порядок старшинства в семье: самый старший сын, второй, третий, четвертый сын и так далее до самого младшего. Прибавление этих терминов позволяет определить точное отношение человека к его родственникам. Я встретился с юношей,

шедшим в сопровождении ровесника, которого он называл отцом. Для того чтобы определить их действительное родство, достаточно было спросить, который это отец. Ответ был: «это мой девятый отец», то есть девятый младший брат отца.

В узком семейном кругу люди обоего пола обращаются друг к другу только со словами, обозначающими последовательность их рождения: самый старший, младший, третий, четвертый и т. д., но в непальском языке существуют также слова для объединения в одну группу всех членов семьи одного поколения, которые либо моложе, либо старше определенного лица: старший брат, старшая сестра, младший брат, младшая сестра. Употребление этих слов носит, однако, некоторый оттенок формальности, и они используются только в тех случаях, когда человек редко общается со своими братьями и сестрами или когда, например, существует большая разница в возрасте двух братьев — что довольно часто встречается в больших семьях, — или же когда у человека есть сводные братья, с которыми он состоит в приятельских, но не слишком близких отношениях.

Дети от второго и последующих браков «нумеруются» отдельно. У мужчин может быть четверо детей от первой жены, но все равно первого ребенка от второго брака будут называть самым старшим и т. д. Если у мужчины было несколько жен, то в доме может быть трое сыновей, каждого из которых называют «самый старший». Однако это не приводит ни к какому недоразумению и скорее служит для различения детей разных матерей. Мальчики и девочки в семье получают «порядковый номер» отдельно, то есть, если первые четыре ребенка в семье были мальчиками, то пятая девочка будет называться «самая старшая».

При сравнении с европейской терминологией родства гуркхская кажется громоздкой и излишне усложненной, но это не так, поскольку она дает возможность точно определить место человека внутри его семейной группы с такой простотой и экономией слов, которая невозможна в любом европейском языке. Я должен, однако, заметить, что в силу лингвистических сложностей система родства у гуркхов весьма трудна для понимания иностранцев и создается впечатление, что все состоит между собой в кровном родстве. Но это только на первый взгляд.

Термины родства, помимо употребления для точного обозначения семейных отношений, используются также в

более широком смысле. Допустим, человек вступает в дружеские отношения с каким-то другим гуркхом, с которым он не состоит в родстве. На ранней стадии дружбы они будут называть друг друга братьями, но по прошествии некоторого времени заменяют этот термин словом «шурин» («свояк»), даже если законы касты запрещают брачный союз, который сделал бы такие родственные отношения возможными. Здесь этот термин только обозначает самую тесную дружбу между двумя людьми, чьи семьи не могут породниться по существующим правилам. Но слово «шурин» может употребляться также как оскорбление, и в этом случае подразумевается, что человек, употребивший это слово, как бы хвастает тем, что состоял в близких отношениях с сестрой того, к кому он так обращается. Это не единственный пример: почти все имена родства могут употребляться в обратном смысле, для выражения противоположного значения.

Некоторые из терминов употребляются даже без всякого предположения родственных отношений — как обычные формы обращения. Так, мужчины и женщины обращаются к людям, принадлежащим приблизительно к их поколению, со словами «брат» или «сестра», хотя родства между ними нет. К брахману, даже молодому, обращаются: «дедушка», ибо считается, что раз человек занимает более высокое социальное положение, он должен быть мудрым, как старец. Но часто это слово употребляется в ироническом смысле. Если согласно требованиям касты мужчина обращается к женщине, называя ее старшей или младшей сестрой в соответствии с тем, как она выглядит по сравнению с ним, это значит, что его интерес к ней строго официален. Но после первого обмена любезностями такое обращение можно заменить другим, менее официальным, на которое женщина, если она найдет мужчину привлекательным, ответит в той же самой манере. Если же она хочет осадить мужчину, то продолжает называть его братом. Таким образом, прелюдия ко всяким любовным связям представляет собой разработанную игру, в которой наиболее важную роль играет употребление терминов родства, и, поскольку ходы в этой игре известны обеим сторонам, ее можно прервать, не доводя до конца и не нанося тем самым оскорбления никому из игроков. Деревенская жизнь в Непале, на первый взгляд, очень проста, но приемы гуркхских ухажеров кажутся мне куда более деликатными, чем в развитых странах.

В горах Непала редко встречаются большие деревни. Несколько групп домов, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, образуют одну административную единицу. Однако, с точки зрения их обитателей, каждая из этих небольших групп уже является законченным целым, так как в основе деления общества лежит так называемая большая семья. Такая семья состоит из мужа, его жены (или жен) и детей, его братьев вместе с их семьями и незамужних сестер. Всего в ней насчитывается до двадцати-тридцати человек, так что непальская деревня по сути дела представляет собой большую семейную группу.

Общественное мнение, требующее должного уважения к установленным порядкам, — существенный фактор социальной организации деревенской общины, поэтому местный чиновник или староста обычно принадлежит к самой влиятельной из семей, объединенных в рамках деревни.

В рамках общины, где обычно все члены находятся в отношениях родства, для сохранения всеобщего согласия не рекомендуется пренебрегать условностями. Непальское общество при всей его терпимости в сущности весьма консервативно, особенно в отношении брака. Семейная жизнь скорее дело общины, а не личное дело каждого, и при выборе жены главное внимание уделяется тому, насколько она будет соответствовать существующим социальным требованиям. Но так как многие гуркхи служили в армии, где было устранено влияние семьи, бывали случаи, когда мужчина вступал в брак с женщиной из другого района, иногда весьма отдаленного от его собственного дома. И когда наконец он приводил жену в свою деревню, она иногда оставалась в стороне от местной общины. Это служило причиной домашних конфликтов и часто приводило к разрушению большой семьи. Что касается женщин, то они еще менее мужчин склонны признавать отклонения от установленных обычаев. Причина этого явления лежит, видимо, в том, что женщины вынуждены проводить большую часть времени в обществе друг друга, в то время как мужчины заняты работой вне дома. Более того, поскольку жена старшего члена большой семьи несет ответственность за питание всех ее членов, она склонна рассматривать других женщин как своих служанок. И что еще более важно, только старшая жена имеет доступ к семейному кошельку. В этих

условиях многие женщины становятся сварливыми и могут сделать жизнь других невыносимой.

Из двухсот больших семей, сведения о которых мне удалось собрать, очень немногие — притом самые малочисленные — сохранились в своем первоначальном виде. Большинство из них уже охватил процесс разложения. То один брат отделится, то другой, и мне приходилось встречать семьи, где каждый мужчина жил собственным домом. Причина всегда была одна: неспособность женщин мирно ужиться между собой.

О родственных отношениях в одном из семейств дистрикта Каски мне рассказал исключительно смысленный человек, солдат по имени Манлал (см. схему).

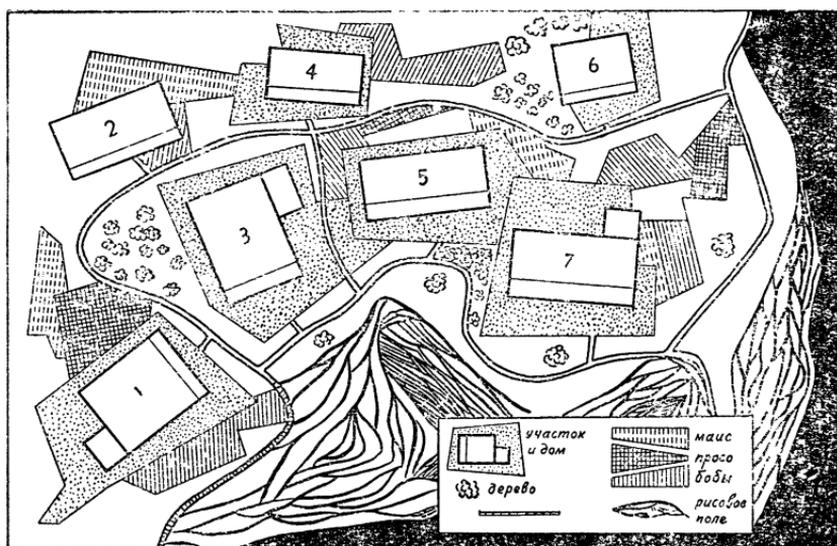
Дом номер 1 принадлежит старшему отцу Манлала, то есть старшему брату его отца, престарелому вдовцу. Дома 2, 3 и 4 являются собственностью настоящего отца Манлала. Площадь каждого из домов около пятнадцати квадратных ярдов.

Весь нижний этаж дома 2 занимает кухня с очагом посередине, как это принято в непальских домах. Как правило, в главной кухне спит старшая жена большой семьи, но в данном случае комнату занимает жена младшего брата Манлала и ее муж.

Старшим в большой семье является обитатель дома номер 1, но так как он вдовец преклонного возраста, то передал бразды правления семьей своему брату, отцу моего информатора. Хотя не существует никаких законов, определяющих положение главы семьи, молчаливо подразумевается, что старший мужчина несет личную ответственность за все семейные ценности и что только он вправе распоряжаться собственностью семьи. Когда пожилой человек хочет избавиться от бремени семейных дел, как обстоит дело в настоящем случае, он отказывается от власти в пользу своего брата или сына. Это принимается как должное и обычно не вызывает никаких трений, хотя и влечет за собой некоторые изменения в домашнем устройстве, так как старшему члену большой семьи принадлежит исключительное право принимать пищу в своем собственном доме.

Таким образом, происходит перераспределение домов внутри семьи.

В доме 3 два этажа. Нижний, как правило, предназначен под кухню, но в данном случае оба этажа служат спальными комнатами.

Дом 4 похож на дом 3, но его нижний этаж используется под хлев.

Дома 5, 6 и 7 принадлежат младшему «отцу» Манлала, то есть младшему брату его отца. Хотя их окружают дома других членов семьи, эти три дома в настоящее время образуют совершенно отдельное хозяйство. Владелец их, умерший в 1933 году, большую часть своей жизни провел на службе в непальской армии, побывал в самых отдаленных районах страны и за время своих странствий приобрел ни много ни мало — семь жен, шесть из которых и занимают сейчас три этих дома. Многоженство распространено в Непале, но крайне редко мужчина имеет больше двух-трех жен. Этот выпадающий из общего правила приведенный факт является исключительным, да и человек этот, по-видимому, не жил одновременно больше чем с одной женщиной, как только она ему надоедала, он отправлял ее в деревню. С семьей до замужества была знакома только первая жена, что и привело к серьезным домашним конфликтам, в результате которых два оставшихся в живых брата решили отделиться.

Решение разделить таким образом семью отнюдь не означает полного разрыва семейных связей или прекращения дружеских отношений. У мужчины, когда он дости-

гает определенного возраста, совершенно естественно возникает желание быть хозяином в своем собственном доме, и после раздела семейной собственности отношения между членами семьи часто становятся даже более близкими, чем прежде.

Иногда во время семейных размежеваний делится и земля. Однако это происходит в случаях полного разрыва, когда члены семьи не желают больше разговаривать друг с другом. В качестве арбитра призывается обычно старший родственник, лично не заинтересованный в собственности. Допустим, например, что три брата из одной семьи хотят разделиться. Сначала между ними делятся дома и прочее имущество, включая кухонные принадлежности, причем самый младший брат получает большую долю. Затем распределяется земля, но сначала нужно удостовериться, вся ли она имеет одинаковую сельскохозяйственную ценность: если нет, приходится делить каждый участок отдельно. Все братья получают равные по качеству и количеству отрезки земли. Практическое неудобство от подобного мероприятия заключается в том, что в результате в руках у каждого из владельцев оказывается несколько небольших клочков земли, подчас далеко отстоящих друг от друга. Из-за семейных неурядиц, произошедших в то или иное время, сейчас лишь немногие владеют землей, сосредоточенной в одном месте. Некоторые участки настолько малы, что их невыгодно обрабатывать, а путь по горным склонам от одного клочка к другому часто отнимает много времени. Несмотря на примитивные способы обработки земли, гуркхи хорошие и прилежные земледельцы; значительным тормозом развития сельского хозяйства является лишь существующая система землевладения.

Иногда братья решают полюбовно разделиться еще при жизни родителей. Обычно родители остаются жить с самым младшим сыном, поэтому ему выделяется большая доля имущества.

Возможность деления семьи в значительной степени зависит от наличия денег, поскольку часто приходится строить дополнительные дома. Место для них выбирается возле дома семьи или на отдаленном участке, который владелец получает при распределении. Так постепенно возникают новые деревни.

Группа домов, занимаемых большой семьей, окружена обычно низкой каменной стеной, внутри которой находится огород. Здесь растут кукуруза, просо, огурцы, тыква, перец

и другие овощи, необходимые для повседневного потребления. Перед каждым домом оставляется необработанной небольшая полоска земли. Ее используют во время брачной и других церемоний, она служит местом детских игр. Здесь же хранится кукуруза, сложенная в стога, подпертые шестью.

Вдоль фасада каждого дома во всю длину нижнего этажа тянется узкая веранда. Эти веранды выходят на полоску необрабатываемой земли и в дневное время служат своеобразными гостиными. Здесь за сплетнями и ссорами проводят свободное время женщины.

Обычный дом непальского крестьянина построен довольно прочно из местных материалов. Фундамент делается из грубо отесанного дерева, стены из камня, смешанного с глиной. Крыша соломенная или шиферная — в тех районах, где можно достать шифер. Если семья хорошо обеспечена, крыша кроется рифленным железом, импортируемым из Индии. Эти железные крыши, хотя удобство их никто не станет отрицать, обезображивают вид многих непальских деревень. Во время своего недавнего посещения деревни Вериян в Корнуэлле я был поражен сходством английских, так называемых круглых домов, от которых осталось только несколько экземпляров, с крестьянскими домами в Непале. Последние также имеют круглую или овальную форму, однако если в Англии эти примитивные жилища прекратили строить еще во времена средневековья, то в Непале они представляют собой современный тип.

Мебели в гуркхских жилищах немного; в каждом доме есть деревянный сундук, а если хозяин служил в Индии — то чемодан из жести, разрисованный яркими красками. Иногда на стене висит небольшое квадратное зеркало и одна-две фотографии в рамках. Если владелец фотокарточки не имеет права носить форму, он ухитряется сняться в некоем подобии европейского костюма, причем особое значение придается ручным часам, которые одалживаются ради этого случая, и яркому галстуку, пририсованному уже на фотографии.

Спят гуркхи на земляном полу или на деревянной кровати того типа, который широко распространен по всей Индии. Часто в одной комнате спят две или три супружеские пары, но это никого не смущает: когда погашен свет, на других обитателей не обращают внимания. Маленькие дети спят обычно с родителями, но после восьми-девяти лет (как это принято почти везде) их переводят в комнату

деда и бабки, которые, как предполагается, перестали исполнять супружеские обязанности.

Гуркхи любят спать, наглухо укутав голову одеялом или каким-нибудь покрывалом. Эта привычка, а также обычай плотно закрывать на ночь дверь и окна, в значительной степени приводит к частым заболеваниям туберкулезом, несмотря на прохладный и здоровый горный климат страны.

Женщины встают незадолго до рассвета, когда мужчины еще спят. Первая обязанность женщины — очистить пол кухни, намазав его смесью навоза, земли и воды. Эта же процедура продельвается и в других комнатах, но, поскольку используют их меньше, пол не требует там ежедневной уборки. В ортодоксальной индуистской общине смесь земли с навозом употребляется в ритуальных целях, но для гуркхов религиозная сторона дела, по-видимому, не имеет большого значения.

После того как пол в кухне вычищен, зажигается огонь в очаге и готовится завтрак — основная трапеза дня. Приготовление пищи — женское дело, хотя этим не возбраняется заниматься мужчинам, и многие из них умеют готовить. В маленьких семьях в определенные дни, когда женщина считается нечистой или во время ее болезни, пищу готовит муж.

Мужчины, проснувшись, слегка закусывают остатками ужина прямо в спальне. После этого они отправляются в поле и возвращаются часов в десять к завтраку. Завтракают не спеша. Когда я ходил по горам между десятью и двенадцатью, мне казалось, что страна необитаема — все сидели по домам.

Работа продолжается с полудня до сумерек. Ужинают гуркхи вскоре после захода солнца, после чего возятся по дому и в огороде. В это время отец играет с детьми и курит в свое удовольствие. Большинство гуркхов — как мужчины, так и женщины — курят хуку*. Наиболее примитивная хука делается из скорлупы кокосового ореха и прикрепленной к ней бамбуковой трубки. Однако все большее распространение получают сигареты, ввозимые из Индии. Причем торговля сигаретами, будучи новым занятием, не связана какими-либо социальными и кастовыми ограничениями, поэтому ею может заниматься всякий, кто пожелает. Если человек спускается в Долину, он часто вкладывает

* Хука — курительная трубка типа кальяна.

вает свои свободные деньги в торговлю сигаретами. Вернувшись, продавец не выставляет их для продажи, но в деревне уже известно, что у такого-то есть сигареты, которые он не прочь с прибылью продать.

Небольшая непальская деревня часто представляет собой чисто семейную группу. Тем не менее связи между отдельными деревнями необходимы, чтобы каждый мог играть подобающую роль в общественной жизни района. Связь между местными властями и жителями осуществляется при посредстве деревенского старосты, и, хотя староста представляет только одну деревню как административную единицу, на практике он наблюдает за несколькими отдельными общинами, рассеянными на большой площади.

Староста деревни отвечает за сбор поземельного налога. Он же доставляет эти деньги в административный центр, который зачастую находится на расстоянии трех-четырех дней пути от деревни. Староста — обычно довольно влиятельный человек — должен заботиться о благополучии жителей деревни. Ему идет пять процентов от всех собранных денег. Кроме того, каждый мужчина деревни должен отработать на него один день в году; эта отработка считается компенсацией за время, затраченное старостой на общественные дела. Должность старосты — наследственная. Однако по желанию общины можно сместить неподходящего человека или назначить нового старосту, если нет наследника.

Еще тридцать лет назад в Напале было распространено рабство. Его нельзя сравнить с рабством, существовавшим в других странах в прошлом, тем не менее система эта заслуживает всяческого осуждения.

Существовали рабы двух типов. К первому типу принадлежали люди, которые или безнадежно запутались в долгах или были вынуждены занять одновременно значительную сумму денег. В этом случае должник обязался работать только на своего кредитора до тех пор, пока долг не будет выплачен. Рабов второго типа можно было разделить примерно на три группы в зависимости от отношения к ним их владельцев: к первой принадлежали рабы, доставшиеся помещику по наследству*, рабы второй группы ис-

* Наличие какого-то количества наследственных рабов было характерно для феодалов. Большинство этих рабов использовались в сфере обслуживания. — *Прим. ред.*

пользовались только в сфере производительного труда, а третьей — для переноски грузов. Старинные правила предписывали гуманное обращение с рабами и запрещали физические наказания, что, впрочем, не распространялось на рабов третьей группы.

28 ноября 1924 года рабство было официально отменено. Владельцы рабов получили денежную компенсацию, а сами рабы объявлены свободными и определены на семь лет в ученики к прежним владельцам. Предполагалось, что в конце концов они там приживутся, как обычные рабочие.

Число освобожденных рабов достигало пятидесяти одной тысячи, что составляло около одного процента населения страны. Число рабовладельцев, получивших компенсацию, составило приблизительно шестнадцать тысяч. Все рабы, освобожденные по закону 28 ноября, вошли в объединение, которое получило название «шива-бхакти» (буквально «приверженцы бога Шивы»). Им разрешается заключать браки только между собой. Сейчас правоверные гуркхи употребляют термин «шива-бхакти» для выражения презрения, и большинство прежних рабов всячески стараются скрыть свое происхождение. За время моего путешествия я лишь раз встретился с человеком, который открыто признался, что раньше был рабом.

Официальная отмена рабства в Непале была неизбежной; ни одна страна не пожелала бы нести на себе пятно позора, которым отмечено существование столь неприглядных обычаев. Тем не менее и сейчас многие гуркхи настолько запутались в долгах, что положение их равносильно рабству. Более того, я встречал людей, которые жаловались на отмену официального рабства; тогда они, работая на хозяина, получали от него пищу, одежду и жилище, а что касается тяжелого труда, — то такова уж крестьянская доля. С отменой официального рабства подобные отношения перестали существовать. Попытка уничтожения социальной несправедливости на практике принесла выгоду только бывшим рабовладельцам, которые ссужают деньги под непомерные проценты.

В Непале и сейчас существуют три вида принудительного труда, включая труд на «государственные» и «административные» нужды. В условиях бездорожья во внутренних районах страны все грузы приходится переносить людям. Кроме того, всякий раз, когда губернатор дистрикта или другой высокопоставленный чиновник отправляется в путь, ему предоставляется право на «бесплатный проезд».

До недавнего времени такие чиновники жили в роскоши, и, чтобы содержать их большие семьи, все нужды которых удовлетворялись благодаря снабжению из Катманду и даже из Индии, требовались услуги многочисленных носильщиков. По первому зову они должны были являться, независимо от того, удобно это им или нет. Я знал людей, которым приходилось в страдную пору оставлять дом на целые недели. Однако компенсации за это они не получали и уклониться от этой обязанности не могли. Правда, во время последней поездки у меня сложилось впечатление, что этот вид эксплуатации стал постепенно отмирать.

Вторая форма принудительного труда — общественные работы по содержанию в порядке мостов, расчистке троп и т. п. Она занимает всего лишь несколько дней в году. Наконец, принудительный труд на деревенского старосту. Сюда входит обработка поля, покрытие крыши, то есть те работы, которые выполнял бы сам староста, если бы не был занят административными делами.

Работа на частных лиц происходит на основе взаимопомощи. Поскольку большинство семей весьма многочисленны, редко возникает необходимость в найме рабочей силы со стороны. Но иногда человек не может сам справиться и нуждается в помощи, например, при строительстве дома. В этом случае к нему приходят соседи, причем подразумевается, что при необходимости он ответит им тем же. Оплаты такой труд не требует, но по обычаю нужно кормить рабочих, будь то родственники или нет, а по окончании работы устроить для них угощение. Строительство непальского дома не требует высококвалифицированного труда: мастер нужен только для изготовления дверей и окон. Подобные работы выполняются членами специальной касты. На этот случай приглашается резчик, который обычно обслуживает несколько деревень. Местные столяры, как правило, не отличаются высоким мастерством, хотя в их произведениях иногда чувствуется влияние традиционной неварской резьбы по дереву, образцы которой можно повсюду встретить в Непальской Долине.

4

В условиях большой семьи дети гуркхов обычно тесно общаются со многими людьми. Детей воспитывают матери. С раннего возраста их приучают к вежливому обращению

с людьми, с которыми они могут иметь дело. Таким образом, даже самые маленькие дети знают термины родства для каждого члена семьи своего отца. Что касается семьи матери, то, если она не живет в этой же деревне или близости (чего обычно не бывает), они, как правило, мало знают о ней. Столь разное отношение к семьям родителей со стороны детей даже в более позднем возрасте обусловлено патриархальным характером большой гуркхской семьи.

Система родственных отношений регулирует поведение членов семьи по отношению друг к другу. Это выражается в формах приветствия, наиболее почтительная из которых состоит в низком поклоне (при этом одновременно надо обнять ноги приветствуемого и слегка коснуться их лбом). С подобным приветствием принято обращаться к лицу, внушающему большое уважение. К этим лицам относятся все старшие родственники, однако, если разница в возрасте невелика, приветствие выполняется весьма небрежно. Все брахманы, независимо от их возраста, также имеют право на эту форму приветствия. Но, как и термины родства, приветствия могут приобретать иногда иронический оттенок.

Так, например, если к неприятному, хотя и влиятельному, соседу обратиться в более уважительной форме, чем та, на которую он имеет право, это будет весьма тонким способом выражения презрения.

Женщины обращаются с теми же формами приветствия, что и мужчины, но им, кроме того, предписывается регулярно оказывать почтение своему мужу. Мужчина еще только проснулся и лежит в постели, когда его жена приходит здороваться с ним, а он может даже не замечать ее присутствия.

Глубина уважения выражается продолжительностью времени, в течение которого обнимают ноги. Приветствуемое лицо, чтобы подчеркнуть свое благоволение, снимает обувь, прежде чем позволит коснуться своих ног. И наоборот, пренебрежительное отношение к приветствию означает отсутствие расположения. За исключением ежедневного приветствия женой своего мужа, все остальные формальности сводятся к минимуму. Обычное приветствие имеет форму поклона с руками, сложенными ладонями вместе перед собой. Во время различных церемоний поклоны совершаются по полной форме, даже если они относятся к чужим.

Матери также учат детей, как очищать себя после испражнений. Для этой цели обычно употребляется вода; там, где ее недостаточно, тело вытирают камнями или травой. В деревнях Непала нет определенных мест, отведенных под уборную, и нередко этой цели служит деревенская улица. Использование чьего-либо поля или сада в качестве отхожего места не считается поводом для жалобы; обратить на это внимание — значит нарушить правила хорошего тона. Если мужчина неожиданно застанет женщину за таким занятием, она избегает его неделю или немного больше, после чего нормальные отношения восстанавливаются.

В хорошо налаженном семейном хозяйстве на веранде хранится небольшой медный кувшин для воды, и его отсутствие служит намеком, что нужно на некоторое время отложить свой визит в поле. Эти небольшие кувшины европейцы, живущие в Индии, часто используют под цветочные вазы, что выглядит весьма странно, как если бы индийская женщина захотела украсить свой дом туалетной бумагой.

Если человеку надо облегчиться, он может прямо сказать об этом. Естественные отправления обсуждаются свободно, но упоминать о них во время еды считается нарушением приличий.

Маленькие дети облегчаются прямо возле дома. Пока детей нельзя оставлять без присмотра, их не заставляют ходить в поле. Чувство стыда, связанное с естественными отправлениями, у гуркхов, таким образом, отсутствует, и, когда однажды я разговаривал с ребенком, он, не прерывая разговора, уселся рядом со мной на корточки и очистил свой кишечник.

5

В большинстве гуркхских семей мужчины и женщины едят вместе, хотя этот обычай и не согласуется с правилами, предписываемыми индуизмом. В деревнях, где влияние брахманов сильно, женщины обычно не начинают есть, пока не закончат трапезу мужчины, как это принято в религиозных семьях Индии. Раздельный прием пищи мужчинами и женщинами считается признаком социального превосходства. Но один из моих собеседников сказал мне, что он считает этот обычай следствием бедности: семья слишком бедна, чтобы обеспечить достаточное количество

посуды для совместной трапезы, поэтому приходится есть по очереди.

Почти все гуркхи в компании будут есть все, кроме риса, и там, где влияние брахманов невелико, кастовые требования сохраняются только в обычае сажать гостя отдельно во время еды. Однако это правило применимо лишь в том случае, если гость находится на том же социальном уровне, что и хозяева, и не принадлежит к рабской касте, с членами которой принимать пищу нельзя, не утратив при этом свою кастовую принадлежность.

Индуизм предписывает принимать пищу только при условии соблюдения ритуальной чистоты. Это означает, что перед едой надо снять обычную одежду и надеть тонкую белую хлопчатобумажную набедренную повязку. Легкость одеяния соответствует теплему климату влажных равнин Индии, где без сомнения и возник этот обычай, но это не слишком удобно в условиях холодного горного климата Непала.

Многие гуркхи презируют жителей равнин. Тем не менее они не могут отрицать тот факт, что на их социальную жизнь в значительной степени повлияла Индия. Сейчас обычай переодеваться перед едой получает все большее распространение, хотя многие продолжают считать, что достаточно просто разуться.

У гуркхов приняты застольные беседы. Темой разговора служит обычно обсуждение поданной пищи. Мужчины могут потребовать вторую порцию, не дожидаясь приглашения. Хозяину полагается все время подкладывать гостю еду на тарелку, но, если хозяин замешкался, гость и сам может попросить добавки, никого при этом не обижая.

Во время еды все усаживаются на полу со скрещенными ногами. Правила хорошего тона предписывают сидеть с выпрямленной спиной. Усесться на корточки, значит зарекомендовать себя невоспитанным человеком. Последнее правило не распространяется на те случаи, когда трапеза организована экспромтом или проходит на открытом воздухе.

Пищу следует брать только правой рукой, поскольку левая предназначена для очищения тела. По этой же самой причине передавать пищу также можно только правой рукой. Иначе будет нанесена жестокая обида сотрапезникам.

В домах гуркхов с хорошо налаженным хозяйством пос-

ле трапезы приносят воду: в бедных семьях — женщины, в богатых — слуги. Ее льют из специального сосуда с длинным носиком, похожего на чайник. Руки слегка ополаскивают, вода, стекая с них, льется в миску, которую держат внизу.

Затем ополаскивают рот, и воду сплевывают в ту же миску. Следование этим правилам поведения за столом считается признаком исключительной воспитанности, но в бедных семьях ими часто пренебрегают.

После еды женщины моют посуду, иногда им помогают дети. Для чистки кухонной утвари применяется смесь земли с золой. За исключением очень бедных домов, в семье у каждого ее члена есть медная тарелка и чашка, но эта посуда не закрепляется за определенными лицами. С пищей тесно связана идея ритуальной чистоты. Так, во время месячных женщина должна принимать пищу отдельно. Готовить ей и обслуживать ее в это время могут другие женщины дома. Однако все, кто общается с такой женщиной, должны быть особенно осторожны, чтобы не запачкаться, коснувшись ее. Существует поверье, что стоит начать месячным у одной, вскоре то же самое происходит и с остальными. В результате нарушается заведенный в доме порядок, поскольку мужчинам теперь приходится готовить себе еду и вообще ухаживать за собой, так как в этот период женщина не имеет права готовить пищу для других.

В течение первых дней после рождения ребенка и до тех пор, пока ему не будет дано имя, за едой не может присутствовать гость. В этот период женщина считается нечистой, и с момента рождения ребенка до самой церемонии его наречения она ест одна. Ребенок тоже считается нечистым, и никто, кроме матери, не должен его касаться. На это время принято нанимать женщину из обслуживающей касты, чтобы она смотрела за матерью, пока ей запрещено пользоваться услугами своих родственников. В бедных семьях мать предоставлена самой себе.

Желательно, чтобы пуповину перерезала женщина из обслуживающей касты. В бедной семье это проделывает сама роженица, чтобы сэкономить несколько рупий, которые необходимо уплатить за услугу.

Ни один мужчина не может присутствовать при родах, и отец не видит своего ребенка до тех пор, пока (после того как перерезана пуповина) мать не приведет себя в порядок. При рождении девочки женщины-родственницы уно-

сят послед и зарывают его на близлежащем поле так, чтобы его не мог найти и съесть шакал или другой зверь, питающийся падалью. При рождении мальчика послед тайком зарывают среди камней возвышения, построенного вокруг большого дерева. Такое сооружение можно встретить в любой деревне. Обычно пожилые люди собираются здесь для бесед. Существует поверье, что зарытый послед приносит мудрость старым людям. Этим же соображением руководствуются, зарывая послед под очагом в кухне — самой важной комнате в любом доме.

Гуркхи верят в симпатическую магию. Однажды я столкнулся с любопытным случаем, связанным с рождением ребенка. Я собирался выбросить старый железнодорожный билет. Вдруг мужчина, который был со мной, попросил меня отдать этот билет ему. Он сказал, что билет — сильное лекарственное средство. До распространения воздушного сообщения железная дорога была самым быстрым средством передвижения, поэтому считалось, что билет как символ быстроты, будучи приложенным к шее женщины, обеспечивает ей легкие роды. Впоследствии я обнаружил, что по всему Непалу существует большой спрос на железнодорожные билеты, и, когда контролер отбирает их в конце поездки, люди готовы пойти на все, лишь бы только не отдать их. Ценятся, правда, только использованные билеты. Железнодорожные билеты вешают также на шею коровы, которой трудно отелиться.

Через одиннадцать дней после рождения ребенка происходит церемония наречения. После этого обряда мать, ребенок и дом ритуально очищаются и возобновляется нормальная жизнь.

Для составления гороскопа и выбора подходящего имени обычно пользуются услугами местного брахмана. Иногда он предлагает только начальную букву имени, а само имя выбирают родители.

Благодаря развитой терминологии родства люди, которые проводят все свое время в родной деревне, в повседневной жизни собственными именами практически не пользуются и часто этих имен просто не знают. Но поскольку многие гуркхи по крайней мере по несколько лет находятся на военной службе, круг их знакомств выходит за пределы узких рамок семьи, и они привыкают называть людей по имени. Тем не менее, когда знакомство перерастает в дружбу, собственные имена заменяются терминами родства, причем употребляются они весьма свободно и

неточно. Обращение по имени рассматривается как нечто неприличное. Сказать свое имя незнакомому человеку — значит отдать себя в его власть. Женщины очень неохотно называют имена своих ближайших родственников по мужской линии и особенно имя покойного мужа. Много лет назад я занимался рассмотрением претензий на получение пенсий и близко столкнулся с этим обстоятельством. Женщина часто категорически отказывалась назвать имя своего покойного мужа. Когда наконец она убеждалась в абсолютной необходимости сказать его, то обычно подходила совсем близко к чиновнику и шептала ему на ухо имя супруга. Женщина боялась, что кто-нибудь услышит это имя и завладеет духом умершего.

Если у молодого мужчины спросить имя его жены, он притворится, что не знает его, а если настаивать, назовет неверное имя. Но я никогда не встречал человека, который колебался бы, называя имя своей жены, если она была уже в том возрасте, когда опасность показаться привлекательной невелика.

В Непале весьма распространены прозвища, в их выборе проявляются большая изобретательность и чувство юмора. Ребенка с румяным лицом назовут «Красный», а светлокожего — «Белый» и т. д.; причем часто детские прозвища закрепляются за человеком на всю жизнь. Причина здесь не только в естественной склонности к прозвищам, которыми все народы выражают обычно хорошее отношение к своему ближнему. По существующему поверью, не следует произносить вслух имена маленьких детей, чтобы они не попали под власть какого-нибудь слоняющегося рядом злого духа.

Если супружескую чету постигает несчастье и она теряет ребенка, чтобы сохранить оставшихся в живых детей, зовут человека из обслуживающей касты — кожевника или слесаря. Он должен надеть браслет на запястье ребенка. Затем ребенку меняют имя. Первоначальное имя больше не упоминается, чтобы «замаскировать» сына или дочь, с тем чтобы окончательно освободить их от «дурного глаза».

Другой обычай, имеющий аналогичную цель, состоит в том, что родители притворяются, будто они кормят новорожденного рисом, особенно если ребенок хилый. Первое кормление рисом совершается обычно лишь тогда, когда ребенок уже может есть сам. Оно сопровождается ритуальной церемонией (вероятно, остаток обряда инициации), кото-

рой руководит брахман. Считается, что это условное «сокращение» периода между рождением ребенка и его первым кормлением помогает преодолеть трудности детского возраста. Ребенка, прошедшего эту церемонию, называют «притворным».

Если ребенок появляется на свет не в доме отца, а в девичьем доме матери, новорожденному дают прозвище, которое на непали означает «Дом Отца Замужней Женщины». Ребенка, рожденного после смерти отца, почти всегда называют словом, обозначающим анатомическую матку.

Прозвища, даваемые взрослым, указывают, как правило, на их физические или другие особенности, причем, когда человека наделяют каким-либо прозвищем, нисколько не щадят его чувств. Так, гуркха с очень темной кожей обязательно назовут «Чернявый». Встречаются и такие прозвища, как «Вывернутые Коленки» или «Ноги Колесом».

Я знал человека, которого называли «Орех Бетеля», причиной чего послужило родимое пятно на бедре в форме ореха. Самым необычным из всех прозвищ, которые я когда-либо встречал в Непале, наградили моего знакомого молодого солдата. Этот парень был очень красив, и, так как многим казалось, что он идеальный образец гуркхского солдата, его часто фотографировали. Друзья солдата заметили, что на большинстве снимков он изображен только по пояс, и ему дали прозвище «Обрубок». Как и в большинстве стран, в Непале прозвища говорят о популярности, так как их редко дают людям, которых не любят.

Кроме терминов родства и прозвищ в качестве фамильярной формы обращения широко используется точный непальский эквивалент наших слов, означающих гениталии и экскреторные органы тела. Но в обычной речи слова эти потеряли свое прямое значение.

Нередко употребляются слова, обозначающие также и другие интимные части человеческого тела. Женщины, обращаясь друг к другу, употребляют иногда как оскорбление слово, обозначающее задний проход. Однако когда мужчина называет таким словом своего ребенка, то это не означает ничего другого, кроме ласки. Подобные слова употребляются вполне свободно, но считается, что пожилым людям следует их избегать: грубость языка не соответствует солидному поведению людей почтенного возраста.

У гуркхов официальный брак может быть заключен только внутри племени. Гурунг, например, не может взять жену из племени магаров. Обычно в случае межплеменных браков молодожены рвут со своими семьями и поселяются в Индии, где им легче скрыть свой проступок.

Браки, как правило, заключаются в возрасте шестнадцати лет — для мальчиков и четырнадцати — для девочек. У всех племен, кроме магаров и гурунгов, юноша или девушка не могут вступить в брак, если они связаны прямым родством через кого-нибудь из родителей. Некоторые мои информаторы утверждали, что браки между братьями и сестрами разрешаются, если они имеют общего предка не ближе, чем в седьмом колене; другие полагали, что в третьем колене. Достаточно набросать грубую генеалогическую схему подобного родства, чтобы убедиться, что на практике установить родственные связи в седьмом поколении довольно трудно, и даже у гуркхов с их развитой терминологией для обозначения всевозможных степеней родства для данного случая нет специального термина.

У племени гурунгов браки между двоюродными родственниками весьма популярны. Самым подходящим брачным партнером для юноши считается дочь сестры его отца и брата матери; для девушки — сыновья этих же родственников. Однако ни при каких обстоятельствах ни юноша не может жениться на дочери брата своего отца, ни девушка выйти замуж за сына сестры своей матери, так как подобные браки рассматриваются как кровосмешение.

Браки между кузенами способствуют укреплению семейной солидарности, и, поскольку они распространены у гурунгов, родственные узы, связывающие жителей одной деревни, у них особенно прочны. Брак, однако, не заключается, если выясняется, что гороскопы предполагаемой пары находятся в противоречии.

Брачная система магаров несколько отлична. Из числа родственников юноша может жениться только на дочери брата матери, но не на дочери сестры отца; девушка может выйти замуж только за сына сестры отца. В этом племени, однако, стараются избегать браков между кузенами.

Ортодоксальные индуисты, и в особенности брахманы, на браки между кузенами смотрят с ужасом. Районы расселения магаров находятся ближе к равнинам Индии, чем

районы расселения гурунгов. Во время мусульманского завоевания Индии именно сюда бежало большинство брахманов. Поэтому влияние индуизма на магаров ощущается гораздо сильнее.

Тем не менее трудно сомневаться, что браки между кузенами были обычны и для магаров. Брахманы, которые поселились среди них, не вели радикальной борьбы с нежелательными с их точки зрения обычаями и первоначально сосредоточили свои усилия на отмене той формы брака, которая им особенно претила. Если эта гипотеза правильна, можно ожидать, что со временем браки между кузенами окончательно исчезнут. Во всяком случае у магаров сейчас они стали редким явлением.

Браки между сестрами и братьями (сколь бы отдаленным родством они ни были связаны) не разрешены ни в одной тибетской общине, живущей в пределах Непала. Благодаря тому, что районы расселения тибетцев значительно удалены от центральных областей, гуркхи не оказали значительного влияния на их социальную жизнь, и у тибетцев сохранились свои собственные обычаи.

Кроме того, человек может жениться на любой девушке своего племени при условии, что она принадлежит к другому клану. Тем не менее я знал случаи, когда на это запрещение не обращали внимания. Одни из моих информаторов считали подобные браки в порядке вещей, другие — нет, но все соглашались с тем, что ни при каких обстоятельствах мужчина не может жениться на девушке из его собственного рода, даже если она совершенно чужой человек и попала сюда из какой-либо отдаленной части страны.

Обычно родители жениха и невесты заранее договариваются о браке, хотя за любой из сторон и сохраняется право отказаться от предлагаемого союза. Благодаря широким родственным связям, предполагаемые брачные партнеры обычно знакомы с детства, и часто брак является лишь оформлением незаконных отношений. Бывает так, что мужчина заранее не видит девушки, на которой хотят его женить родители: она может жить в отдаленной деревне или, как это часто случается, быть дочерью солдата и воспитываться в Индии. Обычно мужчина не отказывается жениться на незнакомой девушке, если он не влюблен в другую. Гуркхи при заключении брака, как правило, руководствуются стремлением укрепить родственные связи, поэтому мать будущих детей выбирают из клана, который в наибольшей степени соответствует этому требо-

Магарская женщина с корзиной для переноски грузов, в которой находится все ее имущество

ванию. В обществе, где от мужчины не требуется соблюдения верности жене, столь альтруистическую точку зрения нетрудно принять. Тем не менее между партнерами в таком «искусственном» браке часто возникает истинная любовь, особенно в последующие годы. Я нередко замечал признаки искреннего горя, когда умирал один из супругов.

Мужчине разрешается иметь столько жен, сколько он

хочет. Но только очень богатые люди могут себе позволить иметь больше одной жены одновременно. Причем, как правило, появление второй жены — следствие бесплодности первой. Иногда женщина берет на себя инициативу выбора для мужа второй жены, чаще всего — одной из своих сестер, что является «наименьшим злом» в смысле сохранения мира в семье.

Официальные разводы возможны, но не приняты, потому что в полигамном обществе они не имеют никакого смысла. Однако бывают случаи, когда женщина убегает со своим возлюбленным. Теоретически для того, чтобы такая женщина могла снова выйти замуж, необходим развод, но на практике все сводится к тому, что мужу возмещают стоимость драгоценностей и другого имущества, с которым сбежала его жена.

В настоящее время женщины имеют официальные права на развод, но практически бегство остается единственным для них способом покончить с неудачным браком. Дочери считаются в семье менее желанными, чем сыновья, и ни один отец не будет рад возвращению дочери, если он уже избавился от нее однажды, выдав замуж.

В отношении мужчин дело обстоит иначе: если муж разлюбит жену, то возьмет себе другую. Первая жена обычно остается в доме, и если она молода и привлекательна, то ей разрешается уйти с другим мужчиной, оставив детей на попечение отца.

Если мужчина берет вторую жену, он, как правило, перестает выполнять супружеские обязанности по отношению к первой. Бездетные браки считаются результатом бесплодия женщины; мысль о бесплодии мужчины вызывает смех. Бесплодие, по представлениям гуркхов, как-то смутно ассоциируется с венерическими болезнями. Видимо, такие представления возникли в результате малопонятных лекций, которые читались гуркхам во время военной службы.

Каждая из жен, если это возможно, занимает отдельный дом, или по крайней мере комнату, даже если вторая жена — сестра первой, так как нет никакой гарантии, что женщины будут жить в согласии. Если между женами существует большая разница в возрасте, их взаимоотношения неизбежно становятся натянутыми. Я часто наблюдал злобные перебранки между женами. Муж даже не пытается успокоить их; более того, это зрелище доставляет ему удовольствие: он чувствует себя мужчиной, из-за которого стоит ссориться.

Ни одна женщина не будет кормить детей своей соперницы. Обычное отношение к пасынкам выражено в двустишии, которое я часто слышал в Непале:

Семь жен-соперниц беспокоят не больше, чем пыль на ногах
Но даже единственный пасынок — гвоздь в сердце

Что касается мужчин, брак не исключает для них случайных связей с другими женщинами. Однако мужчине не пристало хвастаться своими победами, хотя и скрывать их нет необходимости; этот факт подчеркивает привилегированное положение мужчины в гуркхском обществе. За мужние женщины тоже не всегда верны своим мужьям, но свои «дела» должны устраивать в величайшей тайне, ибо разоблачение приводит к позорному изгнанию женщины из семьи мужа. Правда, я знал случаи, когда мужья прощали женам их грехи, однако это скорее исключения из правил.

Супружеские обязанности выполняются один или, что гораздо реже, два раза в ночь. Мужчинам часто приходится оставлять своих жен, отлучаясь на долгое время либо на высокогорные пастбища, либо по торговым делам.

Считается, что зачатие может произойти в течение пятнадцати дней после окончания месячных, и если избежать сношения с женщиной в этот период, то опасность беременности исключена. Насколько я знаю, биологические данные не подтверждают этой теории, тем не менее подобный предрассудок бытует в Непале.

Для мужчины считается неприличным спрашивать у девушки о ее непорочности, и многие женщины пользуются этим, чтобы сойтись с человеком, который им нравится, но брак с которым невозможен.

В непальском обществе, где большинство людей вступает в брак до двадцати лет, половая проблема отсутствует. Крушений надежд, связанных с неудачами в этой сфере (вызывающих много переживаний в более развитых обществах), здесь, как правило, не наблюдается.

Мне кажется, что гуркхи не имеют ясного представления о том, на чем основано взаимное влечение мужчины и женщины. Мои информаторы подчеркивали значение светлой кожи. И, хотя отношение к темнокожему мужчине или женщине не содержит пренебрежения, все же какое-то ощущение неполноценности людей с темной кожей существует. Сама по себе светлая кожа не считается более кра-

сивой, чем темная, но она определенно ассоциируется с благородным происхождением и считается более привлекательной. Большинство хорошо питающихся гуркхов имеют светлую кожу, и я часто замечал, что темнокожий человек, какими бы достоинствами он ни обладал, производит такое впечатление, будто он чувствует себя как-то ниже других, по-видимому потому, что его наружность не соответствует желанному стандарту. Я предполагаю, что предпочтение, отдаваемое светлой коже, возникло в результате индийского влияния, в особенности с введением кастовой системы, которая первоначально уделяла больше внимание цвету кожи. Однажды я взял с собой одного гуркха в Калькутту и во время осмотра города показал ему коллекцию бронзовых статуй прежних вице-королей, которые стояли на большой площади в центре города. Статуи не произвели на него никакого впечатления, и он даже обвинил меня в попытке обмануть его.

— Я простой солдат, — сказал он, — но даже я знаю, что вице-король Индии — белый человек, а это — черные люди.

Наиболее точное определение женской красоты, которое мне удалось получить, было дано одним из моих информаторов:

— Я не знаю, существует ли вообще определенный тип женской красоты, — сказал он, — но иногда даже очень темнокожая женщина кажется привлекательнее других.

Это ему казалось странным. Видимо, он хотел сказать, что иногда люди любят друг друга без всякой видимой причины и вопреки общепринятым канонам красоты.

Что касается мужчин, то физические недостатки и уродства не являются для них препятствием к браку. Я знал двух очень уродливых людей, причем у одного из них половина лица была обезображена огнестрельной раной, что придавало ему зловещий и даже отталкивающий вид; тем не менее у него была жена и семеро детей. Женат был и второй.

В то же время ни один нормальный человек в Непале не возьмет в жены девушку с явными физическими недостатками. Поэтому женщины, лишенные привлекательности, обречены на безбрачие. Вообще различные уродства распространены среди гуркхов: почти у всех на теле я замечал шрамы или следы ожогов (в детстве их роняли на кухню в огонь). Кроме того, в результате падения с деревьев

или по другим причинам дети при отсутствии медицинской помощи вырастают хромыми или увечными.

На проказу, которая распространена в Непале, смотрят с ужасом. С прокаженными обращаются жестоко, их выгоняют из деревень, оставляют без всякой помощи. В горах есть несколько медицинских миссий, которые взяли на себя заботу об этих несчастных. Ведь многих из них можно вылечить. Но страх и отвращение перед болезнью настолько велики, что считается невероятным, чтобы семья приняла обратно того, кто был уже однажды болен проказой, пусть даже в легкой форме.

Альбинизм не служит препятствием к браку, да и встречается редко. Я видел альбиноса в Непале один раз. Кожа у этого ребенка была светлая, как у европейца, а волосы ярко-золотистые. Местные жители рассматривали мальчика с величайшим интересом. Но мать, казалось, ничуть не смутилась, когда зрители предположили, что его отец — европеец.

— Таким бог создал ребенка, — сказала она, — что я могу поделать?

В глазах европейцев монголоидная внешность большинства гуркхов очень привлекательна, особенно в юности, когда их щеки отливают румянцем, хотя сами гуркхи считают, что такой цвет лица свойствен только европейцам. Когда однажды я сидел у дороги, мимо меня прошли гуркхи, которые ранее никогда не видели европейца.

— Какой он румяный, — сказали они, — и какой у него большой нос.

Но, если не считать этих кратких замечаний, они не обратили на меня никакого внимания, не пялили на меня глаза, и их поведение выгодно отличалось от поведения зевак в западных странах, которые часто смущают прохожего, чье платье или цвет кожи выдают иностранца.

Чары и заклинания гуркхов тесно связаны с сексом. И, хотя к этим средствам прибегают обычно для предупреждения и лечения болезней, считается, что их главная сила заключается в том, чтобы приворожить представителя противоположного пола.

Я ни разу не встречал гуркхского крестьянина, если только ему не довелось путешествовать, который бы не вешил слепо в силу заклинаний. Производство магических снадобий является обычно привилегией какой-либо определенной семьи, однако никто не считает, что человек, изготовляющий их, сам обладает сверхъестественной силой: все

зависит от точности рецепта, по которому изготавливаются эти средства. Приготовление их служит выгодным побочным промыслом, и те, кому известны «секреты производства», как правило, неохотно передают их кому-нибудь, кроме членов своей семьи.

Я научился нескольким заклинаниям у одного гуркха, которому их передал его старший брат. Этот человек не имел ни малейшего представления о действительном значении таинственных слов, но был абсолютно убежден в их эффективности. Он сказал, что ни при каких обстоятельствах не откроет их ни одному из своих соотечественников. Меня, однако, он обучил им очень охотно, поскольку, как он сказал, «в Непале они будут для меня бесполезны, зато в своей собственной стране я смогу творить чудеса».

Я пытался перевести некоторые типичные заклинания на английский язык и, потерпев неудачу, показал их профессору сэру Ральфу Тернеру, выдающемуся санскритологу и специалисту по сравнительному языкознанию. Тернер сказал мне, что тексты сильно искажены и, за исключением отдельных слов, перевести их невозможно. Он считал, что происхождение многих из них, вероятно, идет от Атхарваеды (доевнее собрание санскритских магических текстов); при передаче от поколения к поколению они искажались все больше, и со временем отдельные слова окончательно утратили свое значение.

Самое распространенное магическое средство известно под названием «земля». Чтобы прибегнуть к нему, надо внимательно проследить за всеми передвижениями в течение дня того человека, чью любовь желательно «заполучить». Затем берется гоость земли, на которую он наступил, над нею произносится заклинание и имя возлюбленного, после чего земля кладется на место. Когда человек наступит на нее в следующий раз, чары начнут действовать.

Другое средство состоит в семикратном повторении заклинания над цветком, который затем вручается возлюбленному, после чего тот немедленно влюбляется в дарителя.

Простейшее магическое средство заключается в передаче любимому человеку сигареты, над которой надо предварительно прошептать его имя. Прежде чем принять этот дар, девушка может спросить, не содержит ли сигарета каких-нибудь чар. Однако отвечать при этом правду необязательно.

Если чары подействовали слишком хорошо, и эффект их доставляет много хлопот, можно избавиться от них.

прибегнув к противоположному средству, которое уничтожает результаты первого заклинания.

Все гуркхи широко прибегают к магическим средствам, но особенно они распространены в среде брахманов и четри. Представители обеих каст вступают в брак очень рано, часто до достижения половой зрелости, и жена почти всегда намного моложе своего мужа. Это таит в себе опасность, что со временем она может влюбиться в другого человека или стать несчастной, потому что муж ее не станет проявлять к ней должного интереса. Однако муж может предупредить возможную измену, прибегнув к магическому средству, которое не даст его жене обратиться к кому-нибудь другому. Набор магических средств очень богат. Их используют не только в любовных делах, но и для укрощения строптивых домашних животных при спаривании.

До сих пор речь шла о социальной жизни обычной деревни Непала. Однако тысячи гуркхов постоянно живут в Индии, и, хотя большинство из них периодически навещает своих родных, с течением времени они перестают соблюдать обычаи и обряды, к которым были приучены с детства, поскольку святость этих установлений поддерживалась жизнью в тесно сплоченной общине. Многие гуркхи вступают в браки, которые у них на родине считали бы кровосмесительными, и часто они даже не стараются узаконить эти союзы. Гуркхи любят удовольствия и их лучшие качества проявляются тогда, когда они связаны дисциплиной: либо в армии, либо в условиях ограничений, налагаемых организованной семейной жизнью.

Существует, однако, обычай, который строго соблюдается всеми гуркхами, находятся они дома или нет. Мужчина обязан избегать общения с женами своих младших братьев, будь то родственники по крови или же близкие друзья, к которым применяется соответствующий термин родства. Ни одна женщина не обратится первая к старшему брату своего мужа, пока он не заговорит с ней; причем они ограничатся только самыми необходимыми фразами о домашних или семейных делах, не позволяя себе никакой отвлекающей беседы. Мужчина ни в коем случае не должен прикасаться к женам младшего брата, и, если случайно, мимоходом, он заденет платье одной из них, обе стороны должны немедленно совершить очищение, выпив воды, в которую погружен какой-нибудь золотой предмет. Этот обычай так силен, что даже в затронутых цивилизацией

высших кругах Катманду мужчина постарается не садиться на один диван с женой младшего брата и, насколько ему позволяет этикет, будет игнорировать ее присутствие.

Чувство ужаса, которое вызывает у гуркхов несоблюдение этого обычая, можно сравнить только с реакцией благочестивого христианина на поток богохульств. В этом обычае коренится представление, что более молодых женщин вообще лучше избегать. Так, например, когда человек хочет спросить дорогу у встречной девушки, если даже она годится ему в дочери, он обратится к ней как к старшей сестре; таким образом он дает ей понять, что его интересует только ответ на вопрос.

7

Круг ежедневных обязанностей жителей непальской деревни меняется в зависимости от времени года. Начиная с Нового года, который приходится на середину апреля, приблизительно в течение месяца производится пахота и первый сев риса, кукурузы и проса, причем сроки варьируются в зависимости от положения деревни над уровнем моря. В течение мая и июня идет основной сев проса, а в июле, самом напряженном месяце в году, высаживается рис. Муссонные дожди начинаются обычно в середине июля и продолжаются с перерывами до начала октября. В это время надо только очищать поля от сорняков. К концу августа поспевают кукуруза. Неделю спустя собирают просо. С середины октября до конца ноября, в зависимости от высоты места, поспевают основной урожай риса, и в течение последующих шести недель все мужчины, женщины и даже дети усердно трудятся на полях с рассвета до глубокой темноты. Когда урожай риса собран, на полях делать нечего, в это время люди перекрывают крыши домов и занимаются всякими другими ремонтными работами. В феврале мужчины отправляются в горы для заготовки топлива. Дрова оставляют сохнуть на месяц, а затем женщины и дети сносят их вниз в деревню, в то время как мужчины начинают готовиться к пахоте.

В общине, существование которой зависит от урожая, вся жизнь тесно связана с сезонным календарем полевых работ, а это означает, что в Непале большинство семейных и других празднеств приходится на период между концом ноября и серединой февраля. Почти все свадьбы справ-

Гурунгская девушка

ляются в течение трех зимних месяцев, когда легче собрать людей, да и еда имеется в избытке. Даже в Катманду и других городах, где сельское хозяйство не преобладает, праздники приходится на этот период, и только в исключительных случаях свадьбы справляются в другое время.

Большую часть сельскохозяйственных работ выполняют мужчины, но женщины оказывают им посильную помощь. Высаживание рисовой рассады, которое требует ловкости и аккуратности, считается женским занятием, но в нем принимают участие и мужчины. Следует заметить.

что у гуркхов высаживание риса женщиной не связывается с последующим хорошим урожаем, как это имеет место в других странах.

Женщине разрешается работать в поле во время месячных при условии, что она не будет прикасаться к росткам. Считается, что в этом состоянии она может причинить им вред, поэтому ей следует иметь дело только с непроросшими семенами и уже собранным урожаем.

Кроме того, в этот период женщине запрещается смотреть на растущие тыквы и огурцы и трогать их руками — не то они сгниют. Она не может также громко разговаривать, особенно с незнакомцем, вблизи от овощей, поскольку это мешает им вызреть.

Нельзя показывать пальцем на огурцы и тыквы, особенно если при этом просунуть палец сквозь сомкнутые пальцы другой руки. Огурцы и тыквы — но не другие овощи — можно собирать только правой рукой, иначе они будут горькими. Этот обычай перекликается с правилом, тобоющим, чтобы пищу в рот клали только правой рукой. Предрассудки, связанные с огурцами и тыквами, несомненно имеют сексуальное происхождение, хотя мне никто не смог объяснить связи между овощами и атрибутами секса. В настоящее время подобные ограничения не принимаются всерьез, и они по сути дела остались суеверным пережитком.

Изучение социальной жизни гуркхов позволяет рассматривать их как народ, у которого основные воззрения, являясь по своему происхождению буддийскими, подверглись значительному влиянию индуизма. В настоящее время два этих религиозных течения в Непале настолько переплелись между собой, что разделить их мне не представляется возможным. Хотя обычаи и верования варьируются от деревни к деревне, в любой части страны, где пользуются влиянием брахманы, верх берут идеи индуизма. Сохранится это положение или нет, зависит от того, удастся ли этой прослойке удержать свои привилегии. В горах Непала брахманы, многие из которых сочетают в себе высокомерие и невежество, тормозят прогресс, потому что ради своих корыстных интересов сознательно держат гуркхов в темноте и невежестве.

Жизнь гуркхской деревни — это упорный тяжелый труд. Тем не менее гуркхи, довольствуясь тем немногим, что у них есть, никогда не теряют присущей им жизнерадостности, которая не покидает их даже в самых неблаго-

приятных обстоятельствах. Они обладают прекрасно развитым чувством юмора и, что редко встречается среди народов Азии, способностью подшучивать над собой. Последнее обстоятельство, видимо, и способствовало возникновению взаимной симпатии английских и гуркхских солдат, несмотря на языковой барьер.

Существующее мнение, что гуркхи глупы, ни на чем не основано. Как большинство крестьян, они упрямы и непримиримы ко всему, что противоречит их взглядам на жизнь. В течение долгого времени они были лишены всякого доступа к образованию, поэтому и создалось представление об их умственной отсталости. Однако в наше время наука опровергла имевшую ранее хождение теорию умственного превосходства одних народов над другими.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Путешествуя по незнакомой стране без карты, приходится сталкиваться с целым рядом трудностей, связанных с предварительным выбором мест для стоянок, пополнением запасов продовольствия и уточнением маршрута путешествия. Мы ориентировались на маленькие города, типа Гуркхи, где можно купить хотя бы самое необходимое. Носильщикам эти городки представлялись «островами цивилизации», местами желанной передышки после каждодневных трудов. С их точки зрения, наше путешествие должно было состоять в том, чтобы как можно скорее промчаться по стране, останавливаясь в достаточно крупных населенных пунктах, где они могли отдохнуть и насладиться простыми радостями жизни. Нам не удавалось совершенно избегать таких стоянок, хотя, с нашей точки зрения, именно они составляли наименее приятную часть путешествия. Найти подходящее место для палатки было почти невозможно и приходилось разбивать лагерь на рисовом поле, с которого уже убран урожай, или на краю деревни, где с рассвета до темноты толпа любопытных зрителей разглядывала и расспрашивала нас. Ни о каком уединении в такой ситуации нельзя было и думать, даже для отправления естественных надобностей приходилось удирать далеко в сторону или дожидаться наступления темноты.

Гуркха в этом отношении оказалась очень неприятным местом. Десять дней добирались мы сюда. Все это время нам приходилось ограничиваться весьма поверхностным ежедневным умыванием, и наше белье изрядно загрязнилось. Но в Гуркхе вода оказалась на расстоянии мили от нашего лагеря, нельзя было ни постирать, ни искупаться, а мы так на это надеялись.

В путь мы выступили 23 декабря. Тропа круто увела нас вниз, почти на пять тысяч футов. Затем, перейдя вброд реку, мы по густо заросшей долине стали постепенно подыматься к перевалу. Хотя было самое холодное время года, в долинах все еще стояла жара. В сезон дождей жители долин болеют малярией, и мы заметили, что физически они слабее, чем горцы.

Сильно пересеченный характер местности — горы перемежаются с глубокими долинами — оказал влияние на социальные условия жизни населения. В период муссонов и в течение нескольких последующих недель реки, которые в обычное время представляют собой спокойные ручейки, превращаются в яростные потоки, и переправиться через них можно лишь в тех местах, где проложены мосты. Поэтому иногда деревни, расположенные по соседству, совершенно изолированы друг от друга, и гуркхи, как правило, сознают себя членами деревенской общины, а не целого племени.

Мы так задержались на берегу очаровательной реки, что к четвертому часу стало ясно: до намеченной цели сегодня нам не дойти. Мы уже поднялись не меньше чем на две тысячи футов, а кругом все еще был густой лес. Носильщики, уверенные, что кругом полно призраков, торопили нас дальше: они боялись ночевать в этом безлюдном месте. Но мы так устали, что я, не обращая внимания на их мольбы, велел Анг Даве разбивать палатку. Кроме того, Денис, который задержался в долине, заканчивая свой этюд, намного отстал от нас, и я боялся, что он заблудится в темноте.

Эта стоянка оказалась столь удачной, что мы задержались здесь еще на один день. Кругом было много топлива, сразу после ужина носильщики разожгли огромный костер. Вокруг него они пели и танцевали, и приятная перспектива получить плату за следующий день, ничего не делая, заставила их забыть про недавние страхи. Наша стоянка была тем более приятной, что в сотне ярдов от нее протекал небольшой ручей: местами он бежал тоненькой струйкой, но кое-где образовались небольшие озера глубиной в несколько футов. Мы решили с наступлением темноты омыть наши пропотевшие тела в этих водоемах. Холодный горный воздух не располагал к промедлению, я быстро разделся и бросился в воду. Уже в следующий момент вода показала удивительно теплой. Я получил истинное удовольствие, плескаясь в этом озере. Раньше я испытывал глубо-

кое отвращение к холодным ваннам, но зимние купания в прозрачных горных потоках Непала были так приятны, что, вкусив однажды это удовольствие, мы все время старались разбивать лагерь в стороне от жилья, поближе к ручью или речке. Носильщики относились к нашему купанию, как к какому-то извращению, и терпели его только потому, что оно сулило им добавочный день отдыха.

Наш путь шел через лес к открытому всем ветрам перевалу. Мы, как обычно, не стали задерживаться на высоте. Тропа круто пошла вниз и привела нас в долину, столь обширную, что ее можно было принять за равнину. Видимо, здесь в какую-то прежнюю геологическую эпоху было озеро (подобное происхождение имеют многие географические образования в Непале). Переход был довольно долгим, и мы с удовольствием шли по ровной поверхности без всяких подъемов и спусков. Пока мы завтракали, носильщики обогнали нас; никто из встречных, которых мы расспрашивали по дороге, их не видел. Мы уже начали бояться, не заблудились ли, когда вдруг вдали послышался долгожданный звук вбиваемых в землю колышков для палатки. Мы сразу взбодрились, забыли о ноющих ногах и поспешили вперед, где нас ждал большой котел с чаем.

Лагерь был разбит в манговой роще. Неподалеку расположилась большая группа тибетцев, сопровождавших обоз мулов. Животные разбрелись вокруг по роще, пощипывая траву, и в вечерней тишине тихо позвякивали их колокольчики. Разноголосый звон что-то напоминал мне, и, уже засыпая, я вспомнил: это была музыкальная пьеса Пьера Булэ «Молоток без хозяина». Перед отъездом из Лондона я был на концерте, где исполнялась эта вещь. Мне она тогда показалась бессвязным набором лязгающих ударов, несколько напоминающих звон колокольчиков. Конечно, в этой пьесе был какой-то музыкальный рисунок, но я не смог его уловить. Теперь я понял, что музыка Булэ почти полностью воспроизводила звучание колокольчиков. Шум этот был в общем приятен; да и почему, собственно, формальная композиция должна иметь начало и конец.

Когда мы пришли в лагерь, стало уже темно, и только на следующее утро мы увидели вблизи Мачар Пучхар пик в виде рыбьего хвоста. Гора эта с двойной вершиной не принадлежит к числу гималайских гигантов.— высота ее меньше 23 тысяч футов, но стоит она уединенно и кажется выше, чем на самом деле. Мы наблюдали ее во всевозмож-

ных ракурсах, и только когда спускались, она становилась невидимой, но и тогда ощущалось ее присутствие.

На следующий день, через час после отправления, мы пришли в довольно большую деревню, решив остановиться здесь и добыть сигарет. Около простенькой лавки стоял, беседуя с приятелем, хорошо одетый молодой человек в европейской обуви. Пожилой почтенный крестьянин приблизился к этой паре, не произнеся ни слова, опустил на колени и, посыпая себя пылью, коснулся лбом башмаков молодого человека. Брахман — а этот молодой человек был брахманом — не подумал обратить внимание на столь униженное приветствие и продолжал свой разговор. Через некоторое время он соблаговолил заметить наше присутствие и обратился ко мне на ломаном хиндустани, но, когда я ответил ему на непали, мгновенно оставил свой покровительственный тон и стал подобострастным. Я сразу почувствовал к нему антипатию. Чувство это усугубилось, когда позднее он стал пытаться снискать наше расположение. Однако я все-таки спросил его, почему он не обратил внимания на смиренное приветствие старика.

— Буду я отвечать ему! — сказал он, — Я брахман, человек высокого рождения. а он простой крестьянин, да еще и мой должник.

К рождеству мы добрались до Таркугхаты. Это небольшая грязная деревня с несколькими лавками. Значение ее определяется тем, что здесь через быструю Марсенгди, одну из крупнейших рек Непала, перекинут мост. Как и другие мосты во внутренних районах страны, он был привезен из Англии около пятидесяти лет назад; и так же, как и большинство мостов, его не красили и не ремонтировали со дня постройки. Настил его почти совсем сгнил и в нем зияли огромные дыры, прикрытые кое-как бамбуком. Переходить этот мост приходилось с большой осторожностью. Когда путешествие уже шло к концу, нам стали попадаться мосты, которые из-за отсутствия должного ухода окончательно развалились — починить их было невозможно. Я спросил местного старосту, почему это произошло. Он пожал плечами.

— Это не входит в мои обязанности.

Не доходя до Таркугхаты, мы наткнулись на деревенскую школу, одну из немногочисленных школ, которые были недавно созданы во внутренних районах страны. Здания у нее не было, и дети, смешанная группа мальчиков и девочек, сидели под деревом, хором повторяя свой урок.

Учитель, полуобразованный брахман, заставлял их заучивать наизусть священные индуистские тексты, даже не пытаясь объяснить их. Осуждать его не следует: в ходе разговора с ним мы поняли, что и самого брахмана думать никогда не учили. Его жалованье, составляющее несколько шиллингов в месяц, не выплачивалось ему с момента назначения, то есть уже больше года. В горах Непала существует настоятельная необходимость в начальном образовании, и, хотя в тех деревенских школах, которые мы видели, преподавание велось абсолютно неправильно, следует помнить, что несколько лет назад за пределами Непальской Долины нельзя было вообще получить какое-либо образование.

Несмотря на просьбы носильщиков, мы отказались остановиться в деревне и нашли прекрасное место для лагеря с видом на далекие вершины в нескольких сотнях ярдов от нее вверх по реке. Едва мы устроились, как появился пожилой человек и уселся на корточках перед палаткой. Я вежливо попросил его уйти, но он притворился, что не понимает меня, после чего я велел Анг Дава прогнать его. Уже вечером, когда мы готовились ко сну, этот человек ворвался к нам в палатку.

— Послушайте, — сказал он, — я брахман и я не привык, чтобы со мной обращались так неуважительно. У вас, конечно, есть разрешение на путешествие по нашей стране. Но вы плохо знаете наши обычаи, и я должен указать вам, что путешественники обычно делают подношения нашему храму. Вы — богатые иностранцы, но с меня хватит пятидесяти рупий.

Нам так понравилось это место, что мы решили остаться здесь еще на один день и побродить по реке. Когда мы вернулись к полудню, старый брахман снова ждал нас, сидя неподвижно на корточках возле палатки, как черный ворон, ожидающий добычи. Он был здесь с утра и, несмотря на просьбы Анг Дава, уйти отказался. Я вежливо дал ему понять, что его присутствие здесь нежелательно. Он никак не прореагировал на мои намеки; тогда я приказал ему оставить нас в покое. Преувеличенное мнение о своем высоком происхождении он сочетал с дурными манерами недоучки.

— Почему я должен уйти? — захныкал он. — Ведь я не сделал вам ничего плохого!

Когда я наконец стал решительно гнать его, он рассердился и выпустил последний заряд.

— Я по крайней мере чист, — сказал он, — и сейчас буду совершать свое ежедневное омовение в реке.

Он побрел к ближайшей луже пониже нашего лагеря. снял башмаки и уселся на камень у воды. Некоторое время брахман шевелил губами в беззвучной молитве, сложив руки ладонями вместе. Потом он опустил ноги, так что кончики пальцев едва коснулись воды, обулся и побрел прочь, бросая угрожающие взгляды в нашу сторону.

— Он сумасшедший, — сказал потом Анг Дава, — да и вообще эти брахманы — проклятье нашей страны.

Мы прошли по шаткому мосту и сразу же оказались перед крутым склоном; к тому времени мы уже привыкли к непрерывным подъемам и спускам. В окрестностях Таркугхаты мы встретили почтальона — за спиной у него была сумка с письмами, а в руках — палка со связкой колокольчиков на верхнем конце, звон их предупреждал жителей о его приближении. Он сообщил нам, что ему повезло, так как зарплата почтальона недавно повысилась с тридцати до тридцати пяти рупий в месяц; хотя, добавил он, последние восемь месяцев никакой платы он не получал. Я спросил его, зачем же он тогда утруждает себя работой. Вопрос был наивным, я прекрасно знал, что, как прочие государственные служащие, он мог получать известный доход, вымогая взятки, но меня интересовало его собственное объяснение.

— Я работаю, — сказал он, — потому что, если откажусь, на мое место назначат кого-нибудь другого, а так у меня всегда есть надежда, что когда-нибудь они выплатят мне деньги.

В Непале уже давно существует внутренняя почтовая служба, в некоторых деревнях мы видели красные почтовые ящики — точные копии английских, но почту из них вынимают нерегулярно, и иногда письма лежат несколько месяцев, прежде чем отправиться в путь.

В тот же день мы встретили старого тибетца с двумя молодыми учениками. Даже Анг Дава (язык шерпов близок к тибетскому) с трудом понимал его. Как оказалось, старик отправился в путь из деревни неподалеку от Лхасы два года назад. Собирая подаяние, он шел в Катманду, надеясь спокойно провести там остаток своих дней. Он предложил нам купить какие-то жалкие безделушки, но милостыню не просил. Мы подарили ему несколько рупий и пожелали счастливого пути.

Ночь мы провели на краю небольшой деревни, кото-

рая расположилась на вершине холма. Палатку пришлось натянуть на крошечном участке сжатого поля; она едва поместилась там, но в наступающей темноте мы не смогли найти ничего лучшего. На рассвете нас неожиданно разбудили звуки горна. Снявшись с лагеря, мы поднялись к перевалу и увидели воинскую часть, развлекавшую жителей веселыми песнями и танцами. Часть эта направлялась в Покхру, чтобы сменить батальон, который должен был вернуться в Катманду. Командовал ею капитан; оказалось, что он начинал свою военную службу стрелком в том самом полку, где служил и я, но только много лет спустя после моего ухода из армии.

Тропа была узкой. Чтобы избежать толкотни, мы решили пропустить воинскую часть вперед, переждав полчаса: они везли свой багаж на мулах и двигались гораздо быстрее нас. Кунча расположена на границе двух административных районов; хотя в ней насчитывается не больше дюжины домов, там есть даже небольшое правительственное учреждение. Несчастный с виду чиновник, присланный сюда из столицы, решил показать свою власть и потребовал визы. За время путешествия это был единственный случай, когда кто-то усомнился в нашем праве на передвижение по стране. Удостоверившись, что все наши бумаги в порядке, он стал очень дружелюбен и предложил по чашке чая. Чиновник пожаловался, что жизнь его в Кунче сплошное наказание невесть за что. Никаких развлечений нет, а все местные жители поголовно неграмотны. Он умолял меня замолвить за него слово, когда мы вернемся в Катманду, чтобы его сменили. Что угодно, только не это безнадёжное существование.

Мы сидели в вымощенном дворике его дома, окруженные пышным великолепием красок: в одном углу пламенели кирпичные бугенвилли, в другом росло апельсиновое дерево, усыпанное плодами, круто вниз спускалась долина, полная раннего утреннего тумана, а чистый горизонт открывал бесконечную цепь хрустальных вершин; их четко очерченные грани напоминали гравюру. Я никогда не видел более великолепного пейзажа—в такое место многие мечтают удалиться. Однако потом я стал сочувствовать чиновнику, для которого окружающая природа не представляла интереса. Человек не может без конца рассматривать один и тот же пейзаж, если его дни не заполнены трудом, как у земледельца.

Мы спустились в долину и целый день шли вниз, сбра-

сывая на ходу одежду, по мере того как жара усиливалась. Из одной маленькой долины попадали в другую, из другой — в третью, и к исходу дня вышли на широкую равнину, через которую мчались бурлящие воды реки Мади. В Сисагкхате была переправа, там мы и провели ночь.

С самого начала пути в Катманду мы все время шли в северо-западном направлении, постепенно приближаясь к гигантскому барьеру Гималаев. Но масштабы этой горной страны так велики, что и после двух недель пути горы казались почти такими же далекими, как и в тот момент, когда мы увидели их впервые с хребта Какани.

Все же в Сисагкхате мы впервые почувствовали, что Гималаи стали ближе. Одиноким вершиной выглядел теперь Мачар Пучхар, хотя он еще и не доминировал над окружающей местностью. Вечер был безоблачным. Темнота спустилась на нашу долину, но огромный ледяной барьер на горизонте еще долго освещало заходящее солнце. Из желтого он постепенно превратился в оранжевый, потом стал зеленым. Наконец горную гряду словно залило ярко-фиолетовое сияние и затем угасло, будто кто-то выключил рубильник, и темнота сразу стерла границу ледяного массива. Такого потрясающего зрелища я не видел ни в одной горной стране! Эффект был совершенно театральным, и мне пришлось сразу согласиться с Денисом, что весь этот вид вульгарен.

Вскоре после чая появился посетитель. На нем были пижамные брюки, форменный френч и тяжелые военные ботинки, а голову он укутал шерстяным шарфом. Так как лицо его скрывали темные очки, я не сразу узнал командира воинской части, которая опередила нас утром. Он принес нам в подарок две большие рыбы: их поймали его солдаты сетью в реке. Мы питались в основном консервами, поэтому рыба оказалась приятным добавлением к нашему однообразному меню. К сожалению, по вкусу она напоминала мокрую промокательную бумагу и была очень костлявой. Однако разочарование наше быстро прошло благодаря сюрпризу, который приготовил Анг Дава. Он подал ананас, извиняясь, что потратил на него наши деньги, и опасаясь, что мы сочтем его расточительным.

— Сколько вы заплатили за него? — спросил я

— Три пенса, — ответил он.

На следующее утро мы поднялись на рассвете: нам предстояла переправа через реку. Так как в наличии имелась только одна лодка, в которой могло разместиться не

больше четырех человек, то, для того чтобы перевезти нас и наш багаж на другую сторону, пришлось совершить несколько рейсов.

На корме лодки из выдолбленного ствола сидел на корточках старик-перевозчик, по виду — переселенец с равнин Индии. Руля не было, и этим суденышком он управлял с помощью гребка. Нам велели усесться на корточках на дно лодки, где было около четырех дюймов воды. При этом старик сказал, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не меняли своего положения, иначе бурные волны опрокинут его хитрое приспособление. С пугающей скоростью лодка тронулась в каком-то странном направлении и тут же попала в водоворот. Взмах гребка — и другой поток подхватил нас в нужном направлении. Три-четыре тревожных минуты, и наше плавание закончено. Старик оказался опытным лодчиком. Течения, сказал он мне, меняются каждую неделю, но переправа опасна только в месяцы муссона: тогда в стремительном потоке воды очень трудно маневрировать достаточно быстро; случается, что лодку уносит вниз по течению на несколько миль, прежде чем ему удастся пристать к берегу.

На противоположном берегу реки мы вышли на одну из основных дорог, ведущих к равнинам Индии. До этого мы встречали на своем пути немного народу, но теперь люди толпой шли по дороге и во многих деревнях появились лавки, где путники могли купить все необходимое. Заправляли в них женщины из племени тхакали. Еще в Катманду нас предупреждали, чтобы мы держали наших носильщиков подальше от них: об этих женщинах шла молва, что они с исключительной ловкостью обирают тех, кто попадает к ним на удочку. Тхак — отдаленный район, расположенный высоко в горах возле склонов Аннапурны. Видимо, племя тхакали — тибетского происхождения, и те немногие иностранцы, которым удалось посетить эту часть Непала, отзывались о тамошних женщинах, как о чисто-плотных и смысленых. Я беседовал с некоторыми из них, они действительно охотно прибегали к непристойным намекам и остромам и шутливо сердились, когда я давал понять, что не ищущих благосклонности.

Как только мы переправились через реку, начался неизбежный подъем. Час за часом пришлось тащиться по поросшим лесом холмам, из одной долины в другую и временами казалось, что мы крутимся на одном месте. Ночь мы собирались провести в Деорали, большой деревне у самого

перевала, но когда наконец добрались до нее, то даже носильщики признали, что место это слишком грязно для стоянки. И мы медленно потащились дальше, решив остановиться у первого же источника. Путешествие по такого рода местности имеет одно существенное неудобство: разбивать лагерь приходится в традиционных местах стоянок — иначе иди еще несколько часов, пока найдешь воду, годную для питья. Однако в Деорали жители успокоили нас, сказав, что в долине есть ручей; тропа все время спускается вниз, и мы за полчаса дойдем туда.

Неправильная информация, однако, достаточно часто вводила нас в заблуждение. Я сразу же вспомнил, что у этих людей нет ни малейшего чувства времени и пространства. Через три часа после выхода из Деорали мы все продолжали идти по местности, где никаких признаков реки не было заметно. Становилось темно. Отшагав еще с милю, мы вышли на небольшое плато, усеянное галькой, и решили остановиться, примирившись с тем, что на этот раз нам придется обойтись без воды. Минут десять мы печально сидели около палатки, как вдруг раздался крик одного из носильщиков и прибежал радостно ухмыляющийся Анг Лава.

— Вода, — сказал он, показывая в сторону скального обнажения на расстоянии около двухсот ярдов.

Это была всего лишь маленькая струйка, но в нескольких местах образовались небольшие лужи. Сбросив одежду мы улеглись в их животворную прохладу и барахтались до тех пор, пока Анг Лава не стал звать нас к чаю.

Трудно было преодолеть желание остаться здесь еще на день, но мы знали, что следующий переход до административного центра Покхра будет долгим и жарким. Хотя мы несколько сократили его, не остановившись в Деорали, пришлось идти еще около двенадцати часов. Теперь мы спустились до высоты немногим больше двух тысяч футов над уровнем моря. Стало так жарко, что мы — такая уж извращенная человеческая натура — теперь мечтали хотя бы о небольшом подъеме, сулившем прохладу.

По дороге я встретил весьма толкового молодого учителя, который некогда служил в индийской армии. Правительство платило ему сорок пять рупий в месяц, а местные жители сложились и удвоили эту сумму: его официальное жалованье, как правило, задерживалось на несколько месяцев, и иначе он просто не смог бы существовать. В течение долгого времени он прилагал все усилия к тому, чтобы

правительство начало строительство школьного здания, но в конце концов ему надоели бесконечные отсрочки, и теперь учитель делал всю работу сам с помощью учеников — каждый из них должен был принести на стройплощадку хотя бы одну каменную глыбу в день. За все наше путешествие это была единственная встреча с человеком, который, не рассчитывая на вознаграждение, искренне старался улучшить судьбу своего народа.

Город Покхра (в переводе с непали «Озеро») — самый крупный центр внутренних районов Непала. Как и Катманду, он лежит на широкой плоской равнине, окруженной горами. Население его насчитывает около десяти тысяч человек. Хотя Покхра не относится к числу богатых городов, его значение весьма велико: это крупнейший центр, второй по размерам на равнине Непала (после долины Катманду). Большинство путей из Центрального и Западного Непала сходятся у Покхры, откуда легко попасть на равнины Индии. Совершенно очевидно, что в раннюю геологическую эпоху долина эта была озером. Но сейчас, кроме нескольких водоемов в горах, сохранилось только одно озеро площадью в несколько квадратных миль, расположенное в северо-восточной стороне равнины. Это озеро, напоминающее Камберленд, дало имя всему дистрикту.

Над долиной Покхры, которая лежит на высоте 2500 футов над уровнем моря, возвышается Мачар Пучхар. Из Покхры видна только одна из вершин-близнецов. К Мачар Пучхару относятся с особым уважением: ведь там обитают могущественные боги. В 1957 году группа альпинистов Уильфреда Нойса из уважения к местным традициям повернула обратно, не дойдя немного до его вершины.

До Покхры еще оставалось несколько часов ходьбы. Бетт и я едва тащились, изнемогая от жары. Вдоуг мы услышали звук приближающейся автомашины. В облаке пыли поямо на нас выскочил «джип» и, хотя мы подавали знаки шоферу, он не остановился. Обрадовавшись, было, возможности закончить переход с удобствами, мы сразу сникли, как только автомашина скрылась вдали, и почувствовали себя такими усталыми, что около получаса сидели на обочине дороги, собираясь с силами, чтобы закончить переход.

Уже было темно, когда мы добрались до Покхры, но тут узнали, что нам предстоит пройти еще несколько миль. В Покхре есть небольшой аэродром. в настоящее время

единственный в горах, и еще в Катманду мы получили разрешение остановиться в расположенном на его территории здании, которое правительство построило для размещения будущих туристов в надежде, что они массами двинутся в это прекрасное место. Здание еще не функционировало, но мы знали, что оно уже обставлено и заранее мечтали, как будем спать на кроватях и сидеть в креслах.

А так как Покхра находилась как раз в середине нашего пути, мы собирались остаться там на четыре-пять дней, чтобы восстановить свои силы перед дальнейшим путешествием. Мы и так боялись, что эта часть пути будет самой трудной (так это и оказалось в действительности).

Денис отстал от нас утром, чтобы порисовать. Теперь, когда было уже совсем темно, мы забеспокоились, как бы он не заблудился среди беспорядочных улиц города. Мы сами не были уверены, что идем правильно. Миновав базар и спросив дорогу, мы очутились в каком-то пустынном месте, которое казалось необитаемым. Еще полчаса мы тащились сквозь густую пыль и наконец увидели фонарь «летучая мышь», раскачивающийся где-то впереди. Мы устремились к нему, чтобы узнать, где находимся. Человек с фонарем оказался... Денисом. Отправившись в путь на три часа позже нас, он попал в гостиницу вскоре после захода солнца, устроившись на джипе, который не захотел подобрать нас. Мы не знали, что есть более короткий путь, минуя город, потому и разошлись с Денисом. Джип, как оказалось, принадлежал местному губернатору. Когда мы его встретили, он ехал решать какой-то деревенский спор.

Бунгало находилось в нескольких сотнях ярдов. Нас ждал ужин и спальные мешки. Деревянные кресла оказались жесткими и неудобными, но для разнообразия посидеть на них было приятно. В течение нескольких дней я предвкушал, как буду спать на кровати, но мне пришлось разочароваться. Деревянные кровати, рассчитанные на низкорослых гуркхов, оказались дюймов на восемнадцать короче, чем необходимо, и мои ноги торчали наружу. Было так неудобно, что последующие ночи я предпочитал спать свернувшись на полу.

Эту гостиницу, отвратительное стандартное металлическое здание, привезли из Америки. В районе Покхры сколько угодно леса. Ничего не стоило построить здесь деревянное здание, которое прекрасно вписалось бы в окружающий пейзаж, но кто-то выдвинул идею, что американские туристы, которых предполагалось привлечь сюда

предпочтут что-нибудь более современное и напоминающее их родину (возможно, это рассуждение не лишено некоторых оснований). Основной приманкой для туристов в Покхре является возможность со сравнительно близкого расстояния посмотреть Гималаи. В ясную погоду с аэродрома открывается потрясающий вид. Зимой горизонт часами бывает затянут облаками и только изредка очищается на несколько минут. Путешественникам пришлось бы подолгу ждать, когда чудо появится перед ними. Поэтому я был изумлен, обнаружив, что веранда бунгало выходит как раз на противоположную сторону. Чтобы увидеть хоть что-нибудь, кроме летного поля, нужно обойти здание вокруг и стать прямо перед уборной.

Путешествие от Катманду до Покхры заняло у нас семнадцать дней. Самолетом мы могли бы долететь сюда за час с лишним, да и стоило бы это гораздо дешевле, но тогда мы не увидели бы страны. Гостиницей временно заведовал чиновник из столичного департамента туризма, рассматривавший свое назначение как наказание. Чиновника страшно удивило появление. Ему понятно, сказал он, что путешественникам интересно взглянуть на снега, но уж если правительство решило обеспечить воздушное сообщение, то зачем идти сюда пешком, тем более что и стоит это дороже. Хотя мы стали добрыми друзьями, он был совершенно уверен, что все мы слегка сумасшедшие и не делал из этого тайны. Что можно увидеть в горах: ничего, кроме кучки грязных варваров.

На следующее утро мы устроили пикник и отправились осматривать озеро. На берегу король выстроил виллу (трудно найти что-либо более безобразное). Местность сама по себе очень приятна, но благодаря близкому соседству гор большую часть дня она лежит в тени. Здание представляет собой бетонную коробку с окнами из цветного стекла. Чуть ниже крыши светится неоновая надпись на хинди — «Ратна Махал» (первое слово означает имя непальской королевы, второе — «дворец»). Небольшой сад украшен гирляндами электрических лампочек, а клумбы выполнены в виде нагромождения камней, вмозанных в бетон, в щелях между которыми борются за существование несколько жалких гераней и петуний. Во время нашего посещения здесь трудились сотни кули, заканчивая огромную поистань, которая строилась к визиту королевы Елизаветы в феврале 1961 года.

Королевская вила на Покхре считается выдающимся

образцом современной жилой архитектуры. Хотя она совершенно неприемлема с точки зрения западных вкусов, я ничуть не сомневаюсь, что посредственный западный архитектор, если его попросят спроектировать здание в восточном стиле, создаст что-нибудь столь же отвратительное и нелепое. Нужно какое-то исключительное художественное чутье, чтобы приспособить традиционные черты архитектуры одной страны к архитектурным требованиям другой, в особенности если они столь же отличны, как страны Европы и Азии. Наиболее удачные примеры подобного синтеза можно видеть в Нью-Дели. В Непале, и в особенности в Катманду, строительство ведется случайными людьми, в результате чего всегда получается нечто ужасное. Но современные непальцы мало ценят красоту своей собственной уникальной архитектуры.

Милях в трех от аэродрома расположена британская медицинская миссия, первая из созданных во внутренних районах Непала. Когда страна была закрыта для иностранцев, эта организация работала в Индии, в непосредственной близости от непальской границы, и людям, спускавшимся с гор Непала, оказывалась медицинская помощь. Местоположение станции предполагало ее перемещение в Непал при первой же возможности.

Персонал больницы, о которой идет речь, состоит в основном из женщин-врачей. В ней лечат по большей части гинекологические заболевания, которые весьма распространены в Непале. Бытующее в Европе представление о том, что простая женщина меньше страдает от недомоганий, связанных с рождением ребенка, совершенно лишено основания. Широко распространены всевозможные осложнения, вызванные неправильным строением таза и другими аномалиями. Кроме того, гинекологические заболевания нередко возникают в результате неподходящего или недостаточного питания.

Доктор Уотсон, главный хирург миссии, сказала мне, что сейчас уже нетрудно убедить местную женщину рожать с помощью кесарева сечения. Многие обращавшиеся к ней женщины больше не могли вынашивать детей, но она разрешала сделать аборт только в том случае, если у них уже было не меньше шести детей, причем с согласия мужа.

Существует очень стойкое поверье, что, если женщина умирает от тяжелых родов, перед тем как кремировать ее, ребенка следует удалить из тела матери, иначе духи обоих

будут являться в деревню. Обычно подобную операцию производит брахман, причем за определенную плату в пятьсот рупий. По масштабам гуркхов это огромная сумма, и крестьянин, выплативший ее, попадает в пожизненную долговую кабалу.

Я спросил — довольно нетактично — у доктора Уотсон, делает ли она такие операции в случае необходимости, чтобы уберечь семью от ненужных расходов, но она ответила, что как истинная христианка не может потворствовать этому языческому обычаю.

Медицинским миссиям разрешено работать в Непале при одном условии: они не должны ни проповедовать христианство, ни обращать в него местных жителей, но, как сказал мне один из работников миссии, «никто не может помешать нам говорить». Я не хочу сказать, что кто-нибудь из медицинского персонала миссий, работающих в Непале, пренебрегает этим условием, поставленным непальским правительством, но христианский миссионер, по самому характеру своего призвания, не может довольствоваться только оказанием медицинской помощи.

Сам я являюсь убежденным христианином, поэтому мне едва ли удобно рассуждать о мотивах, лежащих в основе миссионерской деятельности. Я процитирую лишь доктора Карла Юнга, который, помимо того что много занимался этим вопросом, и сам принадлежал к последовательным христианам. «Я полностью убежден, — пишет он, — что огромное количество людей принадлежит к пастве католической церкви и ни к какой больше, потому что они находят там духовное прибежище. Я уверен в этом, так же как и в том факте, что примитивная религия более подходит примитивному народу, чем христианство. Последнее настолько непонятно и чуждо этому народу, что он может только подражать ему самым отвратительным образом». Далее Юнг рассуждает о мании величия на Западе, которая заставляет нас утверждать, что единственная истина — христианство, а единственный спаситель — белый Христос*.

Мне кажется, что основная ошибка заключается в высокомерном предположении, будто бы добродетельная жизнь является прерогативой тех, кто исповедует христианство. На собственном опыте я убедился, что это совсем неверно. Буддийский и индуистский каноны, особенно по-

* «Morden man in search of a soul», 1933.

следний, содержат огромное количество моральных предписаний. Их не всегда соблюдают. Но ведь и не все христиане ведут достойную жизнь.

В Непале самое большое препятствие на пути социального прогресса — жесткие рамки кастовой системы. В Индии эта система уже разрушается и с распространением образования окончательно исчезнет. Но в Непале, с его разобщенностью (по крайней мере в горах) и почти сплошной неграмотностью, дело обстоит по-другому. Непальское общество, по-видимому, еще долго будет оставаться разделенным на касты, и, на мой взгляд, искать новообращенных среди людей, которые и так разделены на взаимно исключающие группы, будет неправильным и приведет к возникновению еще одной касты. Более того, миссионеры исповедуют христианство различных толков и часто активно выступают против взглядов других христианских сект.

Тем не менее миссионерские больницы проводят в Непале работу исключительной важности. Мне хотелось бы только, чтобы там было поменьше фисгармоний и молитвенников.

Больница в Покхре, как и первая британская резиденция в Катманду, расположена в месте, которое, по верованиям местных жителей, населено духами и считается непригодным для жилья. Это не мешает непальцам пользоваться услугами больницы. Подобные предрассудки возникают, как и следовало ожидать, под влиянием брахманов и (в несколько меньшей степени) четри. Эти две касты, представители которых отказываются прикасаться к пище, приготовленной людьми не их касты, создают ненужные трудности в работе. Прочие пациенты, в особенности если они служили в армии, не доставляют никаких хлопот персоналу, хотя на них иногда влияют угрозы тех, кого они привыкли считать выше себя. Единственное практическое решение этого вопроса было найдено: в больнице не стали кормить пациентов, а разрешили заботиться о них родственникам. Человек, привыкший к порядкам, царящим в самых маленьких европейских больницах, был бы поражен зрелищем, открывающимся в больничном флигеле в Покхре — сорок-пятьдесят человек одновременно готовят пищу на отдельных очагах. Правда, в результате этой системы персонал не может контролировать пациентов, и иногда возникают осложнения. Тем не менее до тех пор, пока не будут преодолены предрассудки и невежество, разрешить эту проблему другим способом невозможно.

Я давно питал к гуркхам ничем, казалось, не обоснованную симпатию и убеждал себя в том, что для них характерны только немногие недостатки, которые распространены в большинстве остальных обществ. Поэтому я был особенно доволен, когда одна из сиделок, до этого работавшая во многих частях света, подтвердила мое мнение. По ее словам, за исключением брахманов и четри, гуркхи самые чудесные люди, которых она встречала: они добры друг к другу, очень честны и трогательно благодарны за все, что для них делают.

В настоящее время больница в Покхре более или менее окупает себя. Даром здесь лечат только бедняков, но установленная плата является скорее номинальной. Считается, что простые люди подозрительно относятся к бесплатному обслуживанию, но у больницы уже сейчас заявок на хирургические операции больше, чем она может выполнить. Многие семьи не могут сразу уплатить по счету, но в конце концов все долги бывают оплачены, хоть иногда и с трудом. Искушенный читатель, вероятно, увидит в этом не более чем нормальные честные деловые отношения; ведь все мы привыкли платить наши долги. Но в обществе, где люди привыкли к гнету взяточничества и коррупции, это обстоятельство прекрасно демонстрирует высокие достоинства гуркхов.

2

Как правило, в Гималаях в конце декабря в течение нескольких дней идет дождь. Планируя наше путешествие, мы собирались пересидеть сезонные ливни в Покхре. Так и случилось.

Тяжелый шум дождя, падавшего на крышу металлической гостиницы, заглушал все; даже разговаривать было невозможно. Но по крайней мере мы не мокли, а в баках собралась вода, позволившая постирать одежду. Аэродром был пуст — летное поле превратилось в болото. Между Катманду и Покхрой существует регулярное воздушное сообщение, но, поскольку эти города не имеют ни телефонной, ни радиосвязи, только отдаленный гул приближающегося самолета предупреждает начальника аэропорта о том, что нужно прогнать с летного поля пасущийся скот. Делает он это с помощью автомобильного рожка. Взлетной дорожки в Покхре нет, но, так как местность здесь от-

крытая, посадка гораздо менее рискованна, чем в Катманду.

Опасаясь, что мне не удастся получить разрешение на путешествие по стране, я в свое время слетал в Покхру, вернувшись в тот же день в Катманду. Не успели мы вылететь, как спустились облака, внизу ничего нельзя было разглядеть, кроме серовато-коричневых клочков пейзажа. Тем не менее полет этот я запомню надолго. На обратном пути из Покхры самолет легит прямо на массивную гряду гор, и непосвященным кажется, что сейчас он разобьется о них. Рядом со мной сидел и нервно молился садху, индийский нищенствующий монах. На самолете летать ему не приходилось, и он был охвачен ужасом. Когда мы буквально перепрыгнули через хребет, все время маячивший перед нами, монах издал пронзительный вопль и, бросившись на колени, стал умолять своих богов защитить его. Секунду или две казалось, что и другие пассажиры поддадутся панике, однако здравый смысл все же победил. Вскоре они осознали, что им ничто не угрожает. Мой спутник продолжал молиться, пока мы не приземлились в Катманду.

Прибытие самолета — единственное развлечение в Покхре. На аэродроме собирается по меньшей мере двести человек в ожидании этого события. За порядком в толпе никто не следит, и пассажирам приходится с трудом прокладывать себе путь через заслон из глазающих зевак, которые жаждут своими глазами увидеть чудесную машину. Много лет назад, путешествуя вдоль непало-индийской границы, я с интересом прислушивался к рассуждениям гуркхов, которые впервые увидели поезд. Они никак не могли понять, каким образом он движется, и приходили к выводу, что дело здесь не обходится без «западной магии». Но теперь я заметил, что самолет не вызывает у местных жителей подобной реакции и воспринимается ими как обычное явление. Сначала я не мог понять причины этого, но однажды, стоя в аэропорту Покхры, услышал, как пожилой человек бранит своего сына за чрезмерное восхищение самолетом. «Ты ведь знаешь, что в древние времена, — сказал он, — наши боги постоянно перелетали из одного места в другое. Они навещали друг друга на вершинах гор. Как же, ты думаешь, они могли это делать, если бы не было самолета?»

В аэропорту мы покупали восхитительные мандарины по двадцать пять штук на шиллинг. Я знал, что Покхра славится своими цитрусами, и удивлялся, почему их нет в

других частях страны. По-видимому, в далеком прошлом некий предприимчивый фермер ради эксперимента привез и посадил несколько деревьев, от них и произошли современные цитрусовые рощи. Фрукты отправляют вниз и продают на равнинах Индии. Промысел этот не организован: обычно человек на свободные деньги покупает фрукты, несет их вниз, на равнину, и продает там по сходной цене. На большей части территории Непала условия благоприятствуют выращиванию разнообразных фруктов. Садоводство здесь могло бы стать выгодным делом, пример тому долина Кулу, что находится в горах Восточного Пенджаба.

Незадолго до отъезда из Покхры мы случайно услышали, что две недели назад был распущен кабинет и премьер-министр посажен в тюрьму по обвинению во взяточничестве и коррупции. Новость эта, однако, не вызвала никакого интереса.

— Нам все равно, что делается в Катманду, — сказал мне старый гуркх, офицер на пенсии. — Беда наших политических деятелей в том, что они слишком торопятся разбогатеть, поэтому их быстро разоблачают. После них приходят новые, и все повторяется сначала.

Когда дожди прекратились, мы увидели, что снеговая линия сильно опустилась, и на горах пониже появились снеговые шапки. Атмосфера была так чиста и прозрачна, что, казалось, до самой далекой горы можно дойти за день.

5 января мы покинули Покхру в прекрасном настроении; утро было великолепное. Мы направлялись в Баглунг, собираясь повернуть оттуда прямо на юг и добраться до тераев, где был небольшой аэродром, чтобы улететь обратно в Катманду. Наши друзья миссионеры уверяли нас, что Баглунг находится на расстоянии одного длинного дневного перехода: даже самые слабые из них легко проделывают этот путь за два дня. Я знал, что карта, которой мы располагали, весьма неточна, но даже с учетом этого обстоятельства не мог предположить, что мы доберемся до Баглунга быстрее, чем за неделю. Так оно и случилось. Позднее я понял, что для врачей было делом чести передвигаться в горах так же быстро, как это делают местные жители. Благодаря длительному общению с последними они приобрели такие же смутные представления о времени и пространстве.

К концу дня мы поднялись на две тысячи футов над долиной. Тропа шла чуть пониже гребня длинного хребта,

который совершенно закрывал вид на горы. Внизу, прямо под нами, лежало озеро Покхра, изумрудно-зеленое в угасающем свете дня. Была ясно видна вилла короля, но сейчас ее оскорбительное безобразие смягчалось расстоянием. Так как поблизости не было деревень, мы разбили лагерь возле маленького ручья.

Мы уже перешли границу административного дистрикта Каски. В свое время Каски и соседний дистрикт были наследным владением Джанга Бахадур и его преемников. Насколько я знаю, Джанг Бахадур ничем не был связан с этими местами и даже никогда не был здесь, но он являлся их сюзереном, и это обеспечило ему и его потомкам титул махараджи. Премьер-министров из семьи Ран везде ошибочно считали махараджами всего Непала. Но, хотя они являлись фактическими правителями всей страны, махараджами были только в Каски и в Ламджанге.

На следующий день мы пришли в Каски. Это селение утратило свое прежнее значение, превратившись в группу разбросанных крестьянских хозяйств. Однако нетрудно понять, почему оно так долго оставалось независимым. Расположенное под гребнем высокого хребта, который господствует над окружающей местностью, селение оказалось совершенно неприступным для войск, вооруженных на уровне восемнадцатого века.

На вершине хребта, на высоте около тысячи футов, над селом все еще стоят развалины старой крепости. Подъем туда обещал быть трудным, а нас ожидал долгий переход. Поэтому мы решили не осматривать крепость. Все мы, но не Денис. Пока Бетт и я разбирали лагерь, он отправился вверх на гору. Мы уже собрались тронуться дальше, когда сверху раздался его крик. Слов разобрать было нельзя, но мы поняли, что он призывает присоединиться к нему. Отправив караван вперед, мы довольно неохотно стали карабкаться на гору. Никакой тропы не было, и дорогу просить было не у кого. Однако на окраине Каски перед нами вдруг появился неизбежный брахман, который безапелляционно заявил, что мы должны вернуться.

— Туда идти нельзя, — сказал он, — здесь святая земля. Гора священна, а в крепости — наш храм.

Убедившись, что мы все равно пойдем туда, он несколько успокоился.

— Ладно, — сказал брахман, — только снимите ваши башмаки и идите на гору босиком, а то оскверните святое место.

В этот момент я случайно взглянул вниз и убедился, что стою как раз рядом с местной импровизированной уборной.

— Если это святая земля, — сказал я, — вы могли бы постараться держать ее в чистоте.

После этого мы зашагали вверх на гору, не обращая более внимания на крики брахмана.

Крутая тропа была вымощена неплотно пригнанными камнями, и мы все время скользили назад. Я задыхался и уже готов был сдаться, если бы не Денис, советовавший нам поторопиться. Он, по-видимому, был чем-то взволнован. Когда, наконец, запыхавшись, мы одолели подъем, перед нами развернулась изумительная горная панорама. Я никогда не видел ничего подобного; это было настолько потрясающее зрелище, что в течение нескольких минут никто из нас не произнес ни слова.

Отсюда начинался отвесный обрыв, глубокий, в несколько тысяч футов. У подножия его лежала широкая долина, усеянная пятнами крошечных деревень, окруженных апельсиновыми рощами. Река — светло-голубая лента, извивающаяся по долине, — с этой высоты казалась неподвижной. На противоположной стороне местность круто поднималась к другому хребту, а за ним вставала одинокая вершина Мачар Пучхара, который рвался вверх из окружающих его долин. Направо высился пик Аннапурна, но он казался ниже из-за соседства другой, более близкой горы. Каждая грань Мачар Пучхара, каждый его ледник были высечены словно из хрусталя. На небе не было ни облачка, и оттуда, где мы стояли, виднелась вторая его вершина, которая и придает горе сходство с рыбьим хвостом. Мы находились так близко от Мачар Пучхара, что можно было разглядеть непрерывно меняющийся узор теней, отбрасываемых лучами восходящего солнца, и гора уже больше не выглядела неподвижной массой, а, казалось, обрела свою собственную жизнь. Я не склонен ко всяким мистическим переживаниям, но в этот момент испытывал ошеломляющее чувство ничтожества человека, тщетности людских желаний.

Небольшая крепость из камня и дерева не ремонтировалась уже в течение многих лет и постепенно разрушалась. Крепость не представляла особого интереса и в архитектурном отношении. Перед ней была небольшая мощеная терраса, в углу которой стоял выкрашенный киноварью камень с прислоненным к нему старым ржавым трезубцем.

Это и была святыня, которую, по мнению деревенского брахмана, мы могли осквернить своим присутствием. Все здесь, впрочем, свидетельствовало о том, что место это посещалось довольно редко.

На Дениса явно подействовала красота пейзажа, и он, естественно, захотел зафиксировать свои впечатления. По своим склонностям Денис — беспредметный художник; однако, сделав несколько эскизов, он сказал, что сюжет слишком сложен и объемен, чтобы сразу дать его абстрактное изображение. Поэтому Денис принялся за целую серию рисунков. Когда их потом скленили, образовался огромный набросок размером с четыре газетных листа. Предполагалось, что, вернувшись в свою студию, Денис сможет вновь схватить общий вид пейзажа. Было похоже, что работа над эскизами займет целый день, поэтому Бетт и я, проведя на хребте около часа, решили идти дальше, чтобы приготовить лагерь.

Около полумили мы прошли по хребту; он закончился седловиной, и другая тропа повела нас вниз, в долину. Там находилась большая деревня. На краю ее стоял одинокий дом с великолепным видом на горы. В саду работал согрбленный старик. Поздоровавшись с ним, я выразил вслух восхищение превосходным местом, которое он выбрал для своего дома.

— Да, ответил он, — я прожил здесь много лет и выбрал такое место, чтобы можно было смотреть на горы, молясь богам, которые живут там. Но богам наплевать на меня, я остался таким же бедняком, каким и был раньше. Даже корова ни разу не принесла мне теленка...

В нескольких милях от деревни мы обнаружили небольшое рисовое поле и рядом с ним ручей. Снежные вершины были скрыты хребтом, но зато открывался широкий вид на юг. Отсюда еще виднелся аэродром в Покхре и кусок озера. Заходящее солнце отражалось на металлической поверхности крыши бунгало для туристов, и она сияла, как свет маяка. Хотя в этот день мы прошли не очень много, все же решили остановиться, чтобы Денис не сбился с пути в темноте.

К обеду он все еще не появился, и я послал за ним двух носильщиков с фонарями. До восьми часов ничего нового не произошло. Но вдруг я увидел вдалеке светящуюся точку, которая двигалась в нашем направлении. Прошло двадцать минут, но она, казалось, ничуть не приблизилась. Тогда я отправился через поле узнать, в чем дело, и с

ужасом увидел Дениса, который еле передвигался, поддерживаемый обоими носильщиками. Я испугался, что он сломал ногу. Выяснилось следующее: Денис углубился в работу и, лишь закончив ее, заметил, что уже стало темно. Стараясь наверстать время, он пошел напрямик, без тропы и так сильно стер себе пятку, что не мог наступить на ногу. К счастью, потертость оказалась несерьезной, хотя на какое-то время вывела Дениса из строя.

На следующее утро Деннис сказал, что как-нибудь сможет тащиться дальше. Он все еще сильно хромал и, очевидно, испытывал сильную боль, но так или иначе прошагал с нами весь день. После долгого и утомительного подъема мы сосновым лесом спустились к Тилхару. Деревня эта расположена на отмели при слиянии двух рек. Мы нашли идеальное место для лагеря. Здесь было так хорошо, что мы, пожалуй, все равно решили бы остаться на этой стрелке еще на день, даже если Денис не нуждался бы в лечении и отдыхе.

Вечером долину застелил туман, но темно-синее небо над ней сияло звездами. Позднее, когда поднялась луна, белый свет залил горы, и мы сидели около палатки, наблюдая меняющуюся картину под убаюкивающие звуки спокойно текущей реки.

Проснулись мы на рассвете; очарование яркого солнечного утра затмило волшебство ночи. Небольшой ручей быстро бежал из боковой долины. Перед завтраком мы искупались в его глубоких прозрачных заводях, лежа в стремительном потоке воды до тех пор, пока тела не ооченели.

В деревне оказалась небольшая школа, которой руководил бывший солдат. Во время моего посещения он обучал своих учеников, мальчиков и девочек, начаткам армейской муштры, покрикивая, когда они приветствовали его не по-военному.

— А как обстоит дело с обучением чтению и письму? — спросил я.

Солдат посмотрел на меня с полным недоумением:

— Это здесь ни к чему, — сказал он, — детям нужна дисциплина.

С первого дня нашего совместного путешествия всякий раз, когда Денис сидел за работой, я, словно зачарованный, наблюдал за ним. Кроме всего прочего у него оказался врожденный талант учителя: Денис постоянно подбивал меня попытаться изобразить что-либо. Втайне я давно

желал этого. Мы решили задержаться на стоянке, пока не поправится нога Дениса, а так как делать было нечего, я, попросив у него класки и бумагу, отправился в небольшую боковую долину. Выбрав вид, который показался мне простым по композиции, я уселся на камень и начал рисовать. После тщетных попыток изобразить что-либо, продолжавшихся примерно в течение часа, стало ясно, что ни малейших способностей к рисованию у меня нет. Тем не менее мои неумелые каракули имели некоторое сходство с изображаемым пейзажем. Подняв голову, я видел, что рядом уселся солдат-учитель.

— Вы рисуете карту, — заметил он, — но русло реки начеотили неверно.

Самым поразительным было то, что в Тилхаре жил дантист, хотя в принципе это слово означает более высокую степень мастерства, чем та, которой обладал местный деятель. По профессии он был кузнецом, но в качестве побочного занятия изготавливал искусственные зубы, поскольку на них в округе был спрос. Считается, что у примитивных народов великолепные зубы, но в больнице в Покхре мне сказали, что болезни зубов, особенно кариоз, весьма широко распространены здесь. Большинство гуркхов (за исключением тех, кто служил в армии или побывал в более развитых районах) не чистят зубы, и крахмалистая пища, которую они в основном потребляют, приводит к быстрому разрушению зубов.

Было очень интересно наблюдать за работой тилхарского дантиста. Он не знал, что зубы можно пломбировать. По требованию он пытался удалять их, для чего употреблял свои обычные кузнечные клещи, но гораздо большее удовольствие получал, изготавливая искусственные челюсти из золота. По словам дантиста, ему не нужно было видеть пациента; заказывая зубы, следовало лишь указать свой возраст и пол. В Катманду я часто видел гуркхов с гор, которые таким же образом приобретали очки для своих родственников, оставшихся дома. Но если очки еще могут подойти, скажем, для пациента лет шестидесяти, то при изготовлении вставных зубов этот номер не проходит. Както раз я видел старика, который наловчился запихивать в свой беззубый рот подобную челюсть: у него был такой вид, словно он постоянно сосал большой кусок металла, болтающийся во рту. В горах Непала такие зубы скорее служат символом богатства, чем применяются на практике.

Покинув Тилхар, мы прошли несколько миль вниз по

течению реки. В месте ее слияния с рекой Мади был перекинут шаткий мост, крайне нуждающийся в ремонте. Едва мы перебрались через реку, как нам снова пришлось подниматься. Стояла жара, укрыться в тени было негде, но я все время останавливался, чтобы полюбоваться открывающимися видами. Во время одной из таких остановок ко мне подошел прохожий и сел рядом. Это был человек средних лет, с виду довольно сообразительный, и я спросил его о положении в стране. Он знал, что в последние годы в Катманду появилось какое-то новое правительство — как-то раз к ним в деревню пришел человек из столицы и рассказал об этом, — но никто ничего не понял. Однако этот приезжий был хорошим человеком; он раздавал всем сигареты. Я спросил моего информатора, не слышал ли он о том, что премьер-министр смещен.

— Ничего удивительного, — сказал он, — но нам все равно. Может, вы знаете, кто сейчас премьер-министр?

— Разве вы не слышали о мистере Койрала? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — но, судя по его имени, это один из проклятых брахманов.

Мы снова спустились, на сей раз к руслу Гандака. Даже зимой река эта представляет собой бушующий поток. Несколько миль мы двигались вдоль берега, пока не дошли до переправы: желающих перевозили с одного берега на другой в обычном выдолбленном каноэ. Мы ждали лодку, когда к нам подошел молодой тибетец, говоривший на непали. Он спросил нас о расстоянии до какой-то отдаленной деревни, о которой я, естественно, никогда раньше не слышал. Я почувствовал, что он будет разочарован, если я отвечу отрицательно. Пришлось прибегнуть к обычному стандартному ответу.

— Два коша, — сказал я, и он, улыбаясь, пошел своей дорогой.

На противоположном берегу реки нас ожидал крутой подъем, потом мы углубились в восхитительный лес, прохладный и ровный. В таких путешествиях человек учится ценить простые удовольствия. После того как вы долгие мили карабкаетесь по скалам и сбиваете себе ноги о камни, чувство облегчения при ходьбе по ровной земле приближается к экстазу.

Несколькими милями дальше тропа опять спустилась к реке, а затем мы постепенно поднялись к Баглунгу. Это приятный городок с населением около восьми-девяти ты-

сяч, расположенный приблизительно в тысяче футов над долиной. Мы разбили лагерь на рисовой террасе за городом, возле ручейка. Вода в нем, правда, была такой грязной, что годилась только для стирки. Но ничего другого нам не оставалось: жителям Баглунга приходится носить воду из реки, протекающей в долине. Целый день туда и обратно нескончаемой вереницей тянутся женщины и дети с большими медными или глиняными кувшинами. Внизу, в долине, была колония прокаженных: больные, изгнанные из дома своими семьями, жили в ужасающей нищете. Как только стало известно о нашем появлении, некоторые из них пришли и стали просить лекарств. Они ни за что не хотели уходить; несчастные и заброшенные люди не понимали, что мы ничем не можем им помочь, и смотрели на меня с упреком, когда с сознанием своей вины я просил Анга Даву прогнать их. Все время, пока мы оставались здесь, они сидели неподвижно на земле в сотне ярдов от нашей палатки.

На другой день мы с удивлением услышали гул приближающегося летательного аппарата, а вскоре, скользя над долиной, появился вертолет и приземлился в поле за городом. Его сразу же окружили бегущие со всех сторон люди. В то самое время в долину направлялась похоронная процессия. На несколько мгновений жалобные завывания раковин слились с гулом мотора, но вскоре любопытство взяло верх, и, бросив покойника, вся процессия устремилась к вертолету.

Через пятнадцать минут вертолет поднялся в воздух, а вечером мы услышали, что на нем улетел в Катманду глава местной администрации, но никто толком не знал зачем.

Правительство Непала приняло обширный план строительства сети дорог в горах. Но если эти дороги и будут когда-нибудь построены, польза от них окажется невелика. Кроме того, их сооружение и содержание потребует больших затрат. Я всегда считал, что вертолеты могли бы решить проблему сообщения в Непале, а появление одного из них в Баглунге подтверждало мою правоту. Путешествие из Катманду заняло у нас месяц, вертолет же может покрыть это расстояние за два часа; а стоимость тридцати-сорока таких машин, которые могут приземляться почти везде, будет во много раз меньше, чем затраты на строительство дорог.

Через Баглунг не проходят важные пути, но он является одновременно и административным центром и единствен-

ным значительным населенным пунктом в большом дистрикте. Поэтому лавки здесь гораздо богаче, чем в любых других городах, которые мы успели посетить. В Баглунге торгуют ситцем и разными простыми товарами, импортируемыми из Индии. Как правило, эти лавки принадлежат неварам. У одного из них мы заметили батарейный радиоприемник (впервые после отъезда из Катманду), который постоянно был включен на полную мощность. Владелец сказал мне, что он слушает только индийские музыкальные передачи из Бомбея. Постоянный аккомпанемент радиопомех делал шум этих передач невыносимым. Что касается ежедневного вещания небольшой радиостанции Катманду, то, насколько я мог убедиться, ее никто не слушает.

Теперь мы достигли самого северного пункта нашего путешествия и, отдохнув несколько дней, повернули на юг.

С севера на юг направлены основные транспортные артерии Непала.

Огромные параллельные хребты, отходящие от Гималаев, делят страну на ряд долин, орошаемых бесчисленными потоками, берущими начало в окружающих горах. Все они текут к равнинам Индии и, сливаясь друг с другом, образуют несколько крупных рек, даже не успев достигнуть первой ступени предгорий. Поэтому, путешествуя по Непалу, все время приходится преодолевать непрерывные крутые подъемы и спуски, в чем мы и убедились на собственном опыте. Естественно, пути через горы с запада на восток нет, и жители отдаленных районов, если им нужно попасть в Катманду, предпочитают, спустившись на равнины, добираться до столицы длинным круговым путем по железной дороге через Раксаул, от которого в Катманду идет шоссе.

Мне казалось, что стоит нам добраться до Баглунга, все трудности останутся позади: дальше нам придется идти в основном вдоль хребтов на юг, и мы будем постепенно спускаться к равнинам. Мои предположения не оправдались. Именно последняя часть нашего путешествия оказалась самой тяжелой, в основном потому, что нас подстерегали неожиданности. Дорога шла вдоль реки Гандак, но временами долина становилась совсем узкой, превращаясь в обрывистое ущелье, поэтому мы все время взбирались на горы, чтобы как-то продолжать путь в нужном направлении. Распространено мнение, что в Непале сравнительно легко путешествовать с севера на юг, однако оно основано на изучении карт и на проверке оказалось ми-

фом. Рельеф страны так запутан, что для уставшего путешественника все равно, в каком направлении он двинется.

Выйдя из Баглунга к концу дня, вместо того чтобы выбраться из долины, мы все еще шли вниз по течению Гандака. Деревни, которые попадались нам по пути, находились где-то высоко над нами, и, почувствовав, что с нас хватит на этот день, мы разбили лагерь на песчаной косе возле реки. На противоположном берегу высился крутой утес, высотой почти в тысячу футов. Он закрывал весь пейзаж, только клочок неба виднелся над головой, и, когда стало темно, в окружающем мраке он засиял, усыпанный звездами.

Я поднялся рано утром. Тонкое покрывало тумана тихо плыло вниз по долине и над ним, лениво взмахивая крыльями, летели два больших баклана. Пока я наблюдал за ними в предрассветной прохладе, из какой-то деревни сверху к реке пришла стирать девушка. Она несла небольшой медный поднос, полный алых поинсеттия. Прежде чем войти в воду, она на секунду опустилась на колени в молчаливой молитве. Сложив руки ладонями, девушка поклонилась реке и бросила в воду свое подношение из цветов. У нее осталась только один цветок, который она воткнула себе в волосы. Меня глубоко тронула красота этого простого поклонения. «Вот истинно религиозное общение с силами природы, никто не захочет поменять его на чужую веру», — подумал я.

Следующий день снова был очень утомительным из-за непрерывных подъемов и спусков по крутым склонам. К концу его мы оказались высоко над рекой, на плато, усеянном деревнями. Наша тропа соединялась здесь с прямой дорогой, идущей из Покхры к равнинам Индии. Движение по ней было очень оживленным: из Индии носильщики тащили на себе железный лом, керогин, сахар; из высокогорных районов, граничащих с Тибетом, переправлялись тюки с шерстью. Большинство носильщиков производили впечатление людей слабого телосложения, по внешнему облику они несколько напоминали индийцев. Среди них были жители низменных тераев. Было видно, что они страдали от малярии, широко распространенной в этих областях. Носильщики жаловались, что только необходимость заставляла их работать в горах и они с трудом переносят здешний холодный климат.

Плато, на котором мы разбили лагерь, было маленьким, не более одной квадратной мили. Вокруг теснились

горы, а по их склонам расположилось множество мелких деревень. Местность эта слишком неровна, а климат сух для земледелия, поэтому жители занимаются главным образом скотоводством — выращивают жалких коз и овец и продают их или обменивают на рис. Когда мы проходили через одну из деревень, ко мне обратился с дружеским приветствием брахман-крестьянин. Он бездельничал возле своего уютного дома. Когда я ответил на его приветствие, он стал, однако, жаловаться на свою бедность.

— У меня ничего нет, — сказал он, — только дом, да немного жалкой земля, да несколько коров и буйволов...

Я прервал его, спросив, чего еще он хочет от жизни.

— Чтоб всего было больше! — ответил он коротко.

Мы нырнули в следующую долину и побрели вдоль реки. Путь был очень тяжелым, потому что даже зимой, когда вода стоит на самом низком уровне, река подступает к самым скалам, не оставляя места даже для узкой тропинки, и нам нередко приходилось взбираться по отвесным склонам на высоту несколько сот футов. Это было не столько опасно, сколько утомительно. Кроме того, мы продвигались вперед с такой черепашной скоростью, что ломались все наши планы. К концу дня долина стала расширяться и впервые за день мы увидели хорошо утоптанную тропу. Но тут нам стало ясно, что она, круто извиваясь, ползла вверх тысячи на две футов по скамистым уступам, на которых невозможно устроиться на ночь. Уже стемнело, когда мы добрались до вершины, где находилась какая-то жалкая деревушка. Искать подходящее место времени не было, поэтому мы установили палатку на самой вершине утеса, на крошечном рисовом поле площадью несколько квадратных ярдов, куда с трудом взобрались. Всю ночь дул ветер, брезент палатки хлопал и мешал заснуть. Утром мы увидели, что лагерь разбит на самом краю обрыва: прямо перед нами была пропасть.

Мы собирались отдохнуть денек, но, если не считать прелестного вида, место было довольно негостеприимным.

Местные жители заверяли нас, что следующий переход будет очень легким; нам надо было постепенно спуститься к Рани Гхату, где мы предполагали ненадолго остановиться. К тому времени я уже хорошо знал, что на информацию полагаться нельзя; однако одна старуха сумела нас убедить, и вопреки здравому смыслу мы решили идти дальше. Кроме того, нас прельщала перспектива приятного купания в конце пути.

С рассветом мы выступили, но до цели добрались только через тринадцать часов, причем нам пришлось преодолеть не меньше четырех невероятных подъемов и спусков. Около полудня мы оказались перед очаровательной узкой долиной. Поблизости был и ручей. Поскольку мы наивно полагали, что все худшее уже позади, то решили остановиться и неторопливо позавтракать. Попутчики-носильщики (их было человек тридцать) разделяли наши планы; побросав тяжелые тюки с шерстью рядом с собой, они разлеглись вокруг нашего костра.

Пока Анг Дава готовил чай, мы задремали, убаюканные болтовней спутников и шумом бегущей воды. Спустя несколько минут нас разбудили звуки песни: к костру приближалась группа женщин в ярких одеждах с цветами в волосах. Продолжая хором петь, они остановились около большого дерева и стали медленно обходить его кругом. Так они кружили не меньше пятнадцати минут, причем поочередно останавливались на мгновение, срывали несколько листьев с ближайшего куста и затем подносили их дереву. К концу церемонии у подножия дерева лежала груда листьев, а кусты стояли голые. Женщины уселись рядом с отдыхающими носильщиками, которые не проявили никакого интереса к происходящему. Я обратился к женщине средних лет, руководившей церемонией, попросив объяснить значение этого обряда. Она сказала мне, что все они брахманки и пришли сюда почтить дух дерева.

Выбор дня для этой церемонии не имеет особого значения: каждый раз, когда семь-восемь женщин одновременно свободны от домашних дел, они приходят сюда. О происхождении обычая она не смогла мне рассказать. Женщина помнила только, что, когда была маленькой, ее мать совершала обряд почитания; теперь, сама уже мать, она считает нужным продолжать эту традицию. Никаких особых причин для почитания именно этого дерева не было, но, как она сказала, не было и причин заменить его, тем более что обычай существует очень давно.

Мы слишком долго задержались в приятной роще, очарованные пением женщин, да и горячее послеполуденное солнце не располагало к продолжению трудного путешествия. Кроме того, мы ведь уже одолели самую тяжелую часть дневного перехода — по крайней мере так мы думали; носильщики, отдохавшие с нами, заверили, что до цели осталось не больше традиционных двух кошей, да и

идти придется все время вниз, под гору — предстоит просто легкая прогулка.

Я послал наш караван вперед, распорядившись, чтобы лагерь разбили на берегу реки. Дав время носильщикам значительно опередить нас, мы пошли дальше обычным неторопливым шагом. Три-четыре часа спустя мы все еще тащились вверх и вниз по бесконечным утесам. Никаких признаков человеческого жилья не было видно, и, когда наконец с вершины высокого утеса мы увидели вдалеке Рани Гхату, я усомнился, хватит ли у меня сил добраться туда. Эта маленькая деревушка лежала в трех тысячах футов под нами. Вела туда усеянная камнями тропа, спирально извивающаяся по всему склону. Я уже настолько устал, что только усилием воли заставлял себя идти дальше, уставившись глазами в землю. Я давно уже потерял интерес к окружающему пейзажу и, когда через несколько часов мы все же добрались до лагеря, выдохся окончательно. Но не хочу преувеличивать. Двадцать лет назад я не обратил бы внимания на все эти тяготы. Тогда я счел бы это нормальным дневным переходом по пересеченной местности. Тем не менее Денис и Бетт согласились, что с них тоже на сегодня хватит. Мы сидели и пили одну чашку чая за другой, не в силах снять даже ботинки. Позже, уже совсем ночью, мы отправились к реке и погрузились в живительные струи воды. Когда мы проснулись, солнце уже стояло высоко над горами.

Рани Гхата, то есть «Пляж Королевы», получил свое название из-за виллы, построенной там одним из махараджей для своей любимой жены. Постройка представляла собой фантастическую смесь индийской архитектуры с архитектурой Палладио и, окруженная буйными джунглями, выглядела здесь до странности неуместно. Даже в период господства Ран виллой пользовались редко и уже много лет не ремонтировали. Сквозь каменный пол террасы, выходящей на реку, проросли деревья, а стены покрылись узором из лишайника. В углу примостился индуистский храм, за которым смотрел старый брахман. Он и показал нам виллу. В стороне виднелся длинный низкий навес, где раньше размещалась охрана, которая всегда сопровождала в путешествиях всех членов поворяющей семьи. Крыша, кобытая железом, обвалилась, и, судя по кучам золы на полу, путники в основном использовали виллу в качестве кухни. Однако местные жители гордились своими «королевскими связями»: когда-нибудь махараджа опять

почтит деревню своим присутствием, говорили они, не понимая, что семейство Ран, как и заброшенная вилла, пришло в упадок. Здесь царила грусть запустения, и мы с радостью вернулись в наш залитый солнцем лагерь на другой стороне реки.

Теперь мы находились на высоте немногим более тысячи футов над уровнем моря, и, хотя нас еще окружали горы, долина Гандака по мере приближения к равнинам все расширялась, а горный поток постепенно становился широкой рекой с песчаными берегами. Нас отделяло от тераев не более двадцати миль, но между нами лежало несколько высоких хребтов, и, прежде чем начать борьбу с этими последними препятствиями, мы решили день-два отдохнуть в Рани Гхате.

Во время нашего пребывания в деревне один плотник, магар, свалился с утеса и разбился насмерть. После полудня его родственники принесли тело к реке и соорудили на берегу костер. Я пошел посмотреть, что происходит. Брахмана там не было, никакой церемонии не происходило, не было заметно даже никаких проявлений скорби. Присутствующие на похоронах сидели и болтали друг с другом, а когда я стал уходить, поднялись и пошли за мной к лагерю, выпрашивая сигареты. Я спросил их о покойнике. Он уже стар, сказали они, и ему пришло время умирать. К реке они не вернулись. Ночью в темноте еще вспыхивал багровый отблеск костра, а на следующее утро от покойника осталась только горсть пепла и несколько полуобгоревших костей, которые один из наших людей бросил в реку.

Носильщики, почувствовав, что путешествие близится к концу и они скоро получат причитающееся им жалованье, целый день провели в азартной игре, даже не позаботившись приготовить себе обед.

Двинувшись дальше, мы вскоре с удивлением обнаружили, что тропа превратилась в довольно широкую, хотя и запущенную, дорогу. Встречный крестьянин сказал нам, что много лет назад перед приездом махараджи в Рани Гхату тропу специально расширили. Иначе он не мог бы проехать по ней на слоне. Для этого все окрестное население сгонялось на принудительные работы.

В густом лесу тропа круто пошла вверх. Когда я остановился отдохнуть, появился носильщик с необычной ношей: у него в корзине сидел молодой парень. Выяснилось, что этот парень сломал ногу, кость кое-как вправили, и теперь его больная нога при помощи веревочного приспособ-

ления была укреплена в корзине. Он просил, чтобы я подлечил его, но, если бы я и был врачом, тут вряд ли можно было хоть что-нибудь сделать. Даже моему неопытному глазу стало ясно, что кость снова придется ломать, чтобы потом правильно соединить ее. Уже четыре дня он путешествовал в корзине, и только через два дня они рассчитывали добраться до больницы христианской миссии в Тансинге. Я утешил его, как мог, однако, если учесть, что он отправился в путь только через две недели после перелома, бедняга мог остаться калекой на всю жизнь. Когда носильщик со своей ношей удалился, я погружился в грустные размышления, не столько из-за своей неспособности чем-либо помочь, сколько из-за того бессердечного пренебрежения, с которым повсюду сталкиваешься, наблюдая, как относятся здесь к этому прекрасному народу.

В тот же день я встретился с умным молодым брахманом, одним из тех немногих, которые сознают, что их высокое рождение и образование возлагают на них определенные обязанности перед обществом. Юношей брахмана послали учиться в Катманду, но его отец умер прежде, чем удалось закончить обучение. Брахман был старшим сыном, и ему не оставалось ничего другого, как вернуться в горы, чтобы заниматься хозяйством. Строго говоря, он не был гуркхом, но причислял себя к ним. Ему хотелось как-то улучшить их жизнь. Поэтому брахман стал членом одной из новых политических партий, так называемой партии независимых. Однако вскере он понял, что деятельность большинства ее членов сводится к борьбе за власть и деньги. Еще больше он разочаровался, убедившись, что правительственные чиновники, называющие себя демократами, безразлично относятся к судьбе жителей гор. Он был даже склонен думать, что в целом народу лучше жилось в период господства Ран, хотя раны были продажны и деспотичны.

— Не следует осуждать гуркхов за их безразличное отношение к политическому положению страны, — сказал он. — Большинство из них неграмотны, а правительство не сделало ничего, чтобы объяснить им перемены, происходящие в столице.

Я посоветовал брахману поселиться на некоторое время в Катманду, чтобы рассказать там о положении в горах. Он ответил мне:

— Я простой деревенский житель и то немного из английского языка, что знал мальчиком, уже забыл. Кроме

того, у меня нет средств, чтобы, прибегнув в взяткам, принять участие в политической жизни.

Вечером мы разбили лагерь над Тансингом, административным центром дистрикта Палпа. Это самый важный после Покхры населенный пункт Западного Непала, поскольку здесь сходятся большинство путей, ведущих с гор на равнины. Сам город невелик — это беспорядочное скопление крытых жестью хижин и лавок, многие из которых держат индийцы. Единственный большой дом занимает губернатор, поблизости находятся казармы и полковой плац (полк издавна квартирует в Тансинге).

Я давно хотел попасть в Тансинг. Тридцать лет назад я видел его издали. Тогда махараджа дал мне редкое для того времени разрешение пресечь на несколько миль в глубь Непала. Махараджа подчеркнул, что ни при каких обстоятельствах я не должен пытаться проникнуть в этот город, и указал название хребта, дальше которого я не имел права заходить. Естественно, я питал романтические иллюзии относительно Тансинга, для меня он стал землей обетованной, куда мне никогда не будет дано проникнуть. Теперь, когда мечта эта стала реальностью, я был совершенно разочарован из всех городов, которые мы видели за время путешествия, Тансинг оказался самым непривлекательным. Сначала мы собирались задержаться здесь на несколько дней, но место это было настолько скучным, что на следующее утро мы снова тронулись в путь.

Тансинг расположен по обе стороны невысокого хребта: внизу простирается большая долина, окруженная горами. Очевидно, подобно долинам Катманду и Покхры, здесь было когда-то озеро.

Дорогу заполнили люди, идущие в обоих направлениях. Если бы все они не несли грузы, я решил бы, что это какой-то праздник. Январь — время торговых передвижений, а к этой дороге со всех сторон подходило множество троп. Я заговорил с одним человеком, который шел с партией, переносившей из Батоли в Тансинг — пять-шесть дней изнурительного пути — железные балки. Это был щуплый субъект, и трудно было поверить, что он может выдержать большую физическую нагрузку. Однако его ноша оказалась такой тяжелой, что я даже не смог приподнять ее с земли. Носильщик сказал, что за работу ему платят двадцать две рупии. На эту сумму он должен прокормиться. С сооружением автомобильной дороги от равнин

до Гансинга отпадает необходимость этого мучительного труда (по крайней мере теоретически). В то же время множество людей, которые зарабатывают себе на жизнь переноской грузов, останутся без работы. Даже здесь, на сравнительно удобном участке, строительство дороги, которое длится уже несколько лет, оказалось трудным делом. В нескольких местах полотно уже разрушилось, а поскольку поверхность дороги представляет собой утрамбованную землю, магистраль будет часто выходить из строя. Группы чернорабочих орудовали какими-то, напоминающими садовые, инструментами, бессмысленно пересыпая землю с места на место. Я спросил надсмотрщика, какие цели преследует строительство этой дороги.

— Мы страна современная, — сказал он, — у нас должны быть дороги.

— Да, конечно, — ответил я, — но вот эта дорога, для чего она нужна?

Он посмотрел на меня в недоумении и, прежде чем ответить, на минуту задумался.

— Ну, — сказал он, — губернатору будет удобнее: вместо того чтобы идти пешком, он будет ездить на машине.

Мы пересекли обширную долину и прошли густым лесом вверх по склону последнего хребта, отделяющего нас от равнины. Массианг — село, расположенное на вершине этого хребта (около пяти тысяч футов над уровнем моря). Отсюда открывается широкий вид. На севере — с Гансингом на переднем плане — возвышалась громада Гималаев, на юге, под нами, лежали тераи, отсюда они напоминали море, постепенно таявшее в туманной дымке. На этом самом месте тридцать лет назад стоял наш лагерь.казалось, здесь ничто не изменилось. Вечером я поднялся на небольшой холм (помню, что тогда я провел здесь многие часы, ожидая, когда горизонт прояснится, будут видны горы и я смогу их сфотографировать). Теперь небо было безоблачным, и вдалеке сияли вершины-близнецы Мачар Пучхара. Сейчас, когда совершены восхождения на многие высочайшие вершины Непала, кажется почти невероятным, что еще недавно — в двадцатых-тридцатых годах — даже точное местоположение большинства из них было неизвестно. В те дни мы знали о непальских Гималаях очень немного. Визуально были установлены местоположение и высота самых значительных вершин; резиденты в Катманду производили опрос местного населения, хотя полученные сведения были весьма туманны, а зачастую и просто могли

ввести в заблуждение. Подборка фотографий, сделанных мною с Массиангского хребта, была напечатана в «Гималайском журнале» в 1934 году (том VI). «Эти иллюстрации, — комментировал их издатель, — хотя нельзя ручаться за точность подписей к ним, изображают различные части Гималаев, сфотографированные, по всей вероятности, впервые». Я был чрезвычайно доволен, когда выяснилось, что в свете последних данных, мои предварительные наблюдения и расчеты оказались совершенно точными, хотя в то время я основывался, конечно, не на научном исследовании, а только на анализе сведений, полученных мною от местных жителей.

До самой темноты я оставался один на вершине холма. Я знал, что, после того как мы спустимся с Массианга, нам больше не увидать горы, и мне было как-то грустно при этом последнем взгляде с высоты на страну, которую так долго скрывали от глаз европейцев. Кроме того, в том, что наше путешествие должно было окончиться именно в этом месте, крылось нечто символическое. Сидя в сумерках на вершине холма, я вспоминал, что значил для меня Непал раньше. Еще тогда с пылом, свойственным молодости, я решил, что когда-нибудь отправлюсь путешествовать по внутренним районам этой страны. Теперь путешествие подходило к концу, и вряд ли можно было надеяться, что я снова попаду в эти прекрасные горы. Я поднялся и побрел обратно к палатке, но еще долго мне не хотелось разговаривать; Бетт и Денис, чувствуя, что происходит в мой душе, тоже сидели молча.

Дорога, которая идет от Массианга вниз, представляет собой наиболее оживленный торговый путь, но тем не менее она сплошь загромождена камнями, и для нас этот участок был едва ли не самым трудным за все время путешествия. В долине много деревень. Почти в каждой из них есть придорожная закусочная. Мы остановились позавтракать, когда к нам подошел крупными шагами факир — индеец с далекого юга. Он так усиленно тренировал себя, что его правая рука все время оставалась поднятой вверх: опустить ее он уже не мог. Факир носил длинные спутанные волосы и с головы до ног был усыпан пеплом. Его обнаженное тело едва прикрывали небольшие клочки материи, болтающиеся на железной цепи вокруг талии. Он уставился на нас с глубочайшим презрением и затем, не сказав ни слова, пошел дальше. Впервые я почувствовал физическое отвращение при виде человеческого существа,

На протяжении нескольких миль тропа шла по извилистому ущелью. Наконец после очередного поворота мы вышли на равнину. Пройдя несколько миль, я оглянулся назад. Передо мной сплошной стеной стояли заросшие густым лесом предгорья, словно неприступный бастион, выросший посреди равнины. Ущелья, через которое мы вышли, уже не было видно.

В таях дул горячий ветер, и, как только мы пришли в Батоли, сбросив мокрую от пота одежду, искупались в реке, которая теперь превратилась в широкий и величавый водный поток. Большую часть населения Батоли составляют не непальцы, а индийцы. Этот населенный пункт, застроенный ужасающими лачугами и хижинами, — важный торговый центр: здесь происходит обмен товарами между жителями гор и равнин. Шерсть и другие продукты с гор продаются в Батоли, а затем отправляются на грузовиках в Индию. Полученные в обмен сигареты, керосин и прочие товары носильщики доставляют в горы.

В Батоли мы провели неуютную ночь. Засыпая палатку мелким песком, дул ветер, и хлопанье брезента мешало заснуть. Но мы были в хорошем настроении, считая, что все испытания кончились. Дальше нам предстояло путешествовать на автобусе или грузовике. Рано утром Анг Дава отправился в транспортную контору; автобусов было много, и он заказал места для всей группы. По расписанию мы должны были отправиться в десять часов. К вечеру автобус доставит нас в Бхайрува, к индийской границе, мы проведем там ночь, а утром полетим прямо в Катманду.

В половине десятого мы заняли места. У меня уже был опыт путешествий на индийских междугородних автобусах, и я не ожидал, что мы отправимся вовремя. Так и случилось. Прошел час, а водитель все еще не появлялся. Все остальные автобусы уже ушли, и я пошел узнать, в чем дело. Заведующий что-то непрерывно жевал.

— Что вам угодно? — спросил он напыщенно по-английски, сплевывая бетель к моим ногам. Я сделал вид, что ничего не заметил, и вежливо спросил, когда мы отправимся.

— Все места на рейсовые автобусы были забронированы, — сказал он. — Вам придется ехать на специальном. Это стоит сто рупий, заплатите, тогда поедете.

Я решил не поддаваться на обман, но и торговаться мне не хотелось, и я вернулся к автобусу, объяснив положение Бегт и Денису. Мы решили не уступать и отпра-

виться в Бхайрува пешком. Спустя десять минут мы тронулись в путь. Через лес тянулась длинная прямая дорога, было жарко и пыльно. Мы скоро стали с тоской вспоминать о горных подъемах и спусках. Через час нас обогнал автобус, на котором мы должны были ехать: в нем сидели обычные пассажиры.

Вскоре после полудня мы вышли на небольшую приятную поляну с ручейком. решили остановиться на ней и вскипятить чай. Черно-белые зимородки стремительно носились над водой; кругом было безлюдно. Нам понравилось это место, и мы захотели разбить здесь лагерь на ночь. Носильщики не возражали: они были довольны нашим отказом уступить этому нахальному чиновнику. Но как только мы стали распаковываться, на дороге затарахтел грузовик. Я решил остановить его. Водитель (по его словам — непалец) согласился довезти нас, запросив по шесть пенсов с человека, но, так как его хозяин не должен был знать, что он подрабатывает на стороне, шофер просил нас при проезде через населенный пункт ложиться на пол кабины. Последние несколько сотен ярдов перед Бхайрува мы прошли пешком.

Лагерь пришлось разбить на дальнем конце летного поля, где не было ни тени, ни воды, но делать было нечего: все пространство вокруг аэропорта покрывал толстый слой мелкой пыли, которая при малейшем дуновении ветерка спирально поднималась в воздух. В сотне ярдов от нашей палатки лежали останки «дакоты» — она разбилась несколько недель назад. Причины катастрофы еще не расследовались. Два солдата непальской армии круглые сутки стояли на часах возле груды искореженного металла. Когда мы хотели подойти поближе, они попросили нас удалиться.

Утром я пошел к начальнику аэропорта. По расписанию между Бхайрува и Катманду три раза в неделю самолеты совершали рейсы, но, как я узнал, две недели назад их сняли с гражданской линии и направили на перевозку цемента в Покхру (это было необходимо для окончания строительства пристани на озере перед виллой короля). Пострадавшая «дакота» также использовалась для этой цели, и катастрофа произошла, вероятно, из-за перегрузки.

Поскольку ни телеграфной, ни радиосвязи между Бхайрува и Катманду не было, никто не знал, когда возобновятся рейсы на гражданской линии. Около сотни пассажиров (и число их с каждым днем увеличивалось) с надеждой

ожидали самолет (по большей части это были гуркхи-пенсионеры). Начальник аэропорта считал, что в течение ближайших двух недель он сможет нас отправить.

Хотя торопиться нам было некуда, мы единодушно решили, что оставаться в этом лагере больше одного-двух дней невозможно. Выход был один — перейти границу с Индией, добраться до железнодорожной станции и оттуда ехать через Горакхпур в Раксаул: то есть проделать круговой путь в несколько сот миль со многими пересадками. Из Раксаула можно добраться до Катманду только с пересадкой — поездом, а затем автобусом. Мы рассчитали, что такое путешествие займет около пяти дней, если не задерживаться в дороге.

Существовали и другие осложнения. Перед отъездом из Катманду в министерстве иностранных дел меня предупредили, что, если во время путешествия мы покинем территорию Непала, без новой визы уже не сможем вернуться, а за визой придется ехать в Дели, ближайшее место, где есть непальское консульство. Но даже в Дели нельзя получить такое разрешение без согласования с Катманду. Я тогда предложил сделать соответствующую пометку в наших паспортах, чтобы предупредить возможные осложнения, но чиновник МИДа отказался на том основании, что в инструкции подобный случай не предусмотрен.

На следующий день приходился один из многочисленных непальских праздников; все учреждения и даже некоторые лавки были закрыты. Плоский невыразительный пейзаж навевал скуку. Предгорья были скрыты туманной дымкой, и знойный, несущий мелкий песок ветер носился по равнине. Делать было нечего. Мы весь день валялись на земле возле палатки: даже разговаривать не хотелось. Мы уже перечитали все книги, которые захватили из Катманду, и я снова, второй раз за время путешествия, взялся за «Братьев Карамазовых».

На следующее утро я решил попытаться удачи у местных властей, отправившись после завтрака к «бара хакиму», то есть губернатору дистрикта. Со мной пошел Анг Дава. По случаю столь важного события он натянул на себя практически весь гардероб: толстые бриджи, несколько свитеров, толстые чулки, тяжелые альпинистские ботинки и темные очки. Он нес ледоруб и выглядел как настоящий альпинист, каковым собственно и являлся. На мне была моя обычная одежда: износившиеся за путешествие шерстяные брюки и фланелевая рубашка с открытым воротом. Анг

Дава ничего не сказал, но его безукоризненный вид и на-смешливый взгляд, брошенный на меня, ясно говорили, что, с его точки зрения, мне не хватает чувства собственно-го достоинства.

Резиденция губернатора — большое, беспорядочно построенное в англо-индийском стиле двухэтажное здание, одиноко стоявшее в поле за городом. К нему вела дорога, покрытая таким толстым слоем пыли, что мы шли словно по сыпучему снегу. У ворот болтался часовой, куривший сигарету. Он и не подумал спросить, что нам нужно. Чувствовалось, что в свое время предпринимались попытки раз-вести здесь сад. Об этом говорила большая клумба с пла-менеющими каннами и живая изгородь из олеандр, густо покрытых пылью: казалось, их розовые цветы покрасили серой краской. Посреди высохшего газона лежала груда скамеек, видимо предназначенных для посетителей. Ставни были закрыты, и дом казался необитаемым. Мы обошли его кругом, но никаких признаков жизни не заметили. Я крикнул несколько раз — никто не отозвался — и вер-нулся к воротам, чтобы посоветоваться с часовым. Я спросил его, туда ли мы пришли. Он не стал утруждать себя отве-том, а просто кивнул утвердительно головой и показал большим пальцем в направлении дома.

Я вернулся и снова начал кричать. Наконец наверху открылись ставни и в окне появилась седая коротко стри-женная голова. Это был сам губернатор. Часы показывали почти половину одиннадцатого, но он выразил недовольств-во, что его потревожили в такую рань.

— Приходите завтра, — проворчал губернатор и со стуком захлопнул ставни.

Нам ничего не оставалось делать, как уйти, и мы уже повернули к воротам, когда на веранде раздался топот. Обернувшись, я увидел, как распахнулась передняя дверь и оттуда стремительно выскочил губернатор, небритый, в одной пижаме. Он просто не понял, оправдывался он, что иностранный джентльмен — без сомнения американец — оказал ему любезность своим посещением, и поэтому хочет извиниться за свою грубость. Но мы должны понять, про-должал он, что в этом варварском месте у него не так ча-сто бывают посетители, здесь нетрудно забыть хорошие манеры. Он говорил на правильном английском языке, хотя и несколько старомодно (в подобном стиле выдер-жаны диалоги в забытых викторианских романах).

Губернатор повел нас в комнату наверху, где стояла

большая конторка, диван и два кресла, из которых лезли пружины. Когда я сел, раздался мелодичный звон и из-под меня вылетел столб пыли. Губернатор открыл окно и закричал в пустоту, чтобы принесли чай. Никакого ответа не последовало. Анг Дава не снимал своих очков, которые скрывали большую часть лица, поэтому его национальную принадлежность нельзя было определить сразу. Губернатор, приняв его за одного из моих соотечественников, обратился к нему по-английски. Непалец, конечно, не понял ни слова. Не подумав, я стал переводить.

— Вот как, — сказал губернатор, улыбаясь и слушая только самого себя, — первый раз встречаю американца, котоый взял на себя труд выучить наш язык.

Как только мне удалось вставить слово, я рассказал ему свою историю.

— Вот как, — повторил он, — значит, вы англичанин и были солдатом, как и я. Но это великолепно! Вы будете моими гостями. Я устраю охоту на тигров, носорогов или на других зверей. Сделаю все, что вы захотите. У меня есть слоны. Все к вашим услугам.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что он, по его собственному выражению, «ублюдок» из семейства Ран. Как и другие многочисленные незаконнорожденные отпрыски этой семьи, он еще юношей поступил на военную службу.

— Но я всего лишь ублюдок и сын ублюдка, — продолжал он, — и поэтому я никак не мог подняться выше полковника.

Однако у него было одно ценное качество — знание английского языка, но поскольку он не мог принимать участия в дворцовых интригах, то получил назначение на гражданскую службу. Он пробыл в Бхайрува два года и теперь собирался оставить свою должность.

— Звание губернатора, — сказал он, — славы не приносит, но этот пост, — он замялся, подыскивая подходящее слово, — как бы это сказать, не без выгоды, вы понимаете?

Разговор продолжался на непали. Анг Дава не принимал в нем участия; он сидел выпрямившись на краю своего стула, пригвожденный к месту речами губернатора. Потом он признался, что его очень шокировала бесстыдная и циничная откровенность губернатора.

Некоторое время мне не удавалось направить разговор на цель моего визита: бедный старик был очень одинок, и

ему хотелось поговорить о себе. Наконец, когда речь его стала иссякать, я высказал свою просьбу.

— Нет ничего легче, — сказал губернатор, — мне принадлежит верховная власть в этом дистрикте, и я прикажу начальнику аэропорта посадить вас вместе с цементом.

«Ни за что в жизни», подумал я, вспомнив о разбившейся «дакоте», которая лежала на краю летного поля.

— Мы не спешим, — ответил я, — и лучше нам вернуться через Индию. Там, может быть, удастся пополнить запасы перед возвращением в Катманду.

Как я и подозревал, губернатор не имел права выдавать визы, но он сразу не хотел сознаться в этом.

— Как бы там ни было, давайте ваше разрешение на путешествие, — сказал он и, вынув из конторки печать, оттиснул блистательный герб Непала, под которым написал «возобновлена» и поставил свою подпись.

— Благодарю вас, генерал, — сказал я, производя его в чин, о котором он мечтал.

— Я рад услужить вам, полковник, — ответил губернатор, возвращая мне комплимент, после чего мы расстались. Когда мы вернулись к нашей палатке, было уже поздно; Бетт и Денис начали опасаться, что нас арестовали.

Сейчас, как и раньше, на границе с Индией находится конечная станция железной дороги. Дальше путешественник должен идти пешком, хотя теперь Бхайрува и Горакхпур связывает великолепная автомобильная дорога, протяженностью шестьдесят миль. Мы были изумлены, обнаружив в этом отдаленном уголке Индии налаженное автобусное сообщение. Движение шло строго по расписанию, на линии ходили автобусы последних моделей с нумерованными местами, которые закреплялись за пассажирами. После стольких недель утомительного путешествия пешком мы испытывали восхитительное ощущение, мчась по равнинам Индии с огромной (как нам сначала показалось) скоростью, словно мы были в Европе.

Вечером мы прибыли в Горакхпур, важный деловой центр и железнодорожный узел. Нас высадили на автобусной станции, где мы сразу же направились в буфет. Мне приходилось бывать тут раньше: тогда это было грязное засиженное мухами место, посетители проводили здесь время за бесчисленными чашками переваренного, тепловатого чая. Теперь все преобразилось: на столах — чистые скатерти и салфетки, в углу — большой холодильник, комната ярко освещена. Нас приветствовал европеец-управ-

ляющий. Он счастлив, что ему выпала столь редкая в наши дни удача угостить посетителей европейскими кушаньями, однако придется немного подождать. Тем временем мы можем выпить: есть пиво и вообще все, что мы пожелаем. Я объяснил ему, что мы прибыли из Непала и не успели запастись необходимыми медицинскими свидетельствами, говорящими о нашем хроническом алкоголизме (без таких удостоверений во многих частях Индии нельзя получить алкогольные напитки).

— Все в порядке, — сказал он, — мы запишем это в счет как содовую воду.

Если подходить к нашему обеду с обычными мерками, он был не очень хорош, но мы так давно не сидели за столом со скатертью и прочими аксессуарами! Кроме того, после неизменной довольно безвкусной рисовой похлебки, которую мы ели во время нашего путешествия, жесткая и волокнистая баранина казалась нам восхитительной и даже розовое бланманже — аппетитным. Наш поезд должен был отправиться только через три часа, и мы задумались, как провести оставшееся время.

— Но ведь я еще не наелся! — заявил Денис.

Пришлось заказать второй обед, и мы снова начали с супа.

Я дал Анг Даве денег, чтобы он покормил носильщиков, но их невозможно было увести с платформы. Большинство из них впервые видели поезд, и каждый раз, когда прибывал новый состав, они стремительно бросались на посадку, словно для них это был последний шанс вернуться домой. Попав в непривычную обстановку, они выглядели заброшенными и сбитыми с толку, как люди с другой планеты, но, когда мы присоединились к ним после обеда, лица носильщиков расплылись в улыбках: они боялись, что мы их совсем бросили.

Когда поезд прибыл в Горакхпур, он был уже набит битком, но, к счастью, стоял здесь десять минут. Анг Даве и мне удалось рассовать носильщиков, правда, мы не смогли посадить их всех вместе. Те, кому предстояло путешествовать в одиночестве, жалобно хныкали. У нас не было времени объяснять им обстановку, и на каждой остановке, а их было немало, один из нас выходил и смотрел, чтобы они случайно не сошли с поезда.

Индийское правительство по праву гордится своими основными железнодорожными магистралями — поезда, которые обслуживают их, весьма удобны, снабжены уста-

новкой кондиционирования воздуха и ходят с большой скоростью. К сожалению, этого нельзя сказать о железнодорожных ветках такого типа, по которой мы ехали. Они очень запущены. Мы взяли билеты первого класса, но вагонов подобной категории вообще не было. Поэтому нам пришлось приютиться в переполненном вагоне второго класса, который, очевидно, не убирали много дней.

В четыре часа утра нам предстояла пересадка. Ждать следующего поезда надо было около двух часов. Было прохладно и темно; и где еще, кроме Индии, вам подадут среди ночи на железнодорожной станции великолепный завтрак из бэкона и яиц!

На следующий день мы были в Сегаули. Теперь это небольшой железнодорожный узел, расположенный в центре открытой долины. В 1815 году Сегаули пережил короткий период славы — ведь здесь был подписан договор между Непалом и Британией. Отсюда до Раксаули, где нам снова предстояло вступить на территорию Непала, не более двадцати миль по небольшой ветке, но поезд ходит только раз в день, а до его отхода оставалось несколько часов. Я объяснил все Анг Даве, поручив ему собрать носильщиков. Между тем, поскольку торопиться было некуда, Бетт, Денис и я, медленно прогуливаясь, направились к центру платформы, откуда как раз отходил какой-то поезд. С изумлением я обнаружил, что большинство наших носильщиков сидит в вагонах этого поезда!

Пока Анг Дава тщетно пытался их собрать, они увидели, что поезд вот-вот отправится и, будучи не в силах сдержать свое беспокойство, бросились по вагонам. Теперь, радостно улыбаясь, они неистово махали нам, проезжая мимо. Я напряженно соображал, как вернуть их обратно, когда до них наконец дошло, что они едут в неправильном направлении.

Открыв двери вагона, двое или трое из них выпрыгнули, кувыряясь, на насыпь. Поезд набирал скорость, и я боялся, что наше путешествие может закончиться плачевно, но, к счастью, остальные, увидев, что случилось с их товарищами, оробели и остались в вагоне. Анг Дава от ярости потерял дар речи. Я рассмеялся и заверил его, что путаница произошла не по его вине; он несколько успокоился. Оставалось одно: позвонить по телефону на ближайшую станцию и попросить прислать носильщиков обратно в Сегаули встречным поездом. Клерк, однако, оказался бюрократам. Он грубо ответил мне, что телефоном

можно пользоваться только для служебных надобностей. Лишь с трудом мне удалось взять у него трубку.

Раксаул, куда мы прибыли на следующий день, несколько не изменился с тех пор, как я был здесь последний раз тридцать лет назад. Конечная станция непальской линии находилась по ту сторону границы, на расстоянии около милн через поле. Так как единственный поезд отходил в шесть часов утра, я велел Анг Даве разбудить нас в пять. Когда я проснулся и посмотрел на часы, было уже без четверти шесть. Сунув ноги в ботинки, я побежал через границу, надеясь, что удастся убедить непальского начальника станции задержать поезд. Он действительно согласился отложить отправление на десять минут. Перед уходом я разбудил Дениса и Бетт, велел им собираться и как можно быстрее следовать за мной. Ни носильщиков, ни Анг Давы не было видно. Миниатюрный локомотив пускал пары, прозвучал колокол, объявляющий об отпадении. Поезд мог уйти без нас. Я с беспокойством поглядывал на начальника станции, собираясь попросить его задержаться еще немного, но тут увидел всех членов нашей группы во главе с Бетт и Денисом, бегущих через жнивье. Я сделал им знак поспешить. Поезд был уже набит, и некоторые пассажиры даже забрались на крышу и буфера, но мы ухитрились кое-как протиснуться в вагон. Мы поздравляли друг друга с удачей, однако поезд простоял на станции еще два часа.

Среди пассажиров нашего вагона оказался местный агент непальского королевского воздушного флота. В тарах, приблизительно на полпути между Раксаулом и предгорьями, есть местечко, называемое Симра, с небольшим летным полем. Оттуда, как мы узнали, в Катманду ежедневно вылетает самолет, и вместо утомительного путешествия по дороге мы могли попасть туда за 40 минут. Как выяснилось, места на самолет были, и мы купили билеты у агента тут же в поезде. Анг Дава и носильщики поедут поездом дальше и встретятся с нами в Катманду. Мы же забрали только свои спальные мешки.

Симра являла собой беспорядочное скопление крытых тростником хижин. Летное поле находилось в миле от станции. Когда поезд скрылся вдали, мы пошли через поле в сопровождении агента, который, отправив самолет, вечерним поездом должен был вернуться в Раксаул, где он жил. Теперь он признался нам, что за последние четыре дня ни один самолет не прилетел в Симру. Но не стоит бес-

покоиться. Это небывалая задержка, и он уверен, что сегодня же мы улетим.

Мы присоединились к безутешной толпе пассажиров, расположившихся около глинобитной хижины, единственного помещения, которым располагал аэропорт. Самолет должен был прилететь в два часа дня, но и в четыре никаких признаков его появления не было.

— Ничего, — сказал агент, — значит, он прилетит завтра.

Мы поплелись обратно к станции в поисках какой-нибудь еды. Владелец одной лачуги предложил нам крутые яйца и чай. Вскоре, пыхтя, отошел вечерний поезд; с ним уехал агент, заверив нас, что вернется утром. К счастью, у нас были с собой спальные мешки. Нужно найти только достаточно чистое место, чтобы расстелить их. В дальнем конце взлетной полосы виднелась палатка с керосиновыми бочками, но пол в ней был чист. Сторож сказал, что мы можем здесь спать, нельзя только курить и зажигать фонарь. Этот человек сообщил нам также, что он христианин из Южной Индии, и, хотя правила запрещали посторонним лицам пользоваться палаткой, не мог отказать в приюте своим собратьям-христианам.

Делать было абсолютно нечего. В кармане у меня оказались «Братья Карамазовы», но через несколько часов я устал от чтения. Как только стало смеркаться, мы пошли на станцию, еще раз поели крутых яиц и выпили чаю, после чего улеглись в свои спальные мешки. Спать было еще рано, и мы, лежа, болтали. Около десяти часов неожиданно появился наш сторож и принес котелок чаю. Пока мы чаевничали, он сидел снаружи на корточках, а когда кончили, он вошел в палатку и сказал:

— Теперь время спать, но перед сном давайте преклоним колени и возблагодарим всемогущего за его благодеяния.

Я притворился, что не понимаю его, и в конце концов он, разочарованный, удалился.

Мы провели беспокойную ночь на жесткой и холодной земле. Из-за сильного падения температуры окружавшие нас бочки с керосином каждые несколько минут издавали звуки, похожие на пистолетные выстрелы. Мы поднялись еще до рассвета и вернулись на станцию. Я чувствовал, что мне не вынести очередную трапезу из крутых яиц, но выхода не было. В десять часов прибыл поезд из Раксаула, а с ним для выполнения своих ежедневных обязанностей

приехал агент. Грязные и небритые, мы просто не могли больше ждать самолета и уже решили ехать дальше поездом и автобусом. Но агент оказался упрям. Он напомнил, что за билеты уплачено и заверил нас, что никакой задержки не будет. Как только поезд скрылся вдали, я почувствовал, что мы снова совершили ошибку.

Утром ничего нового не произошло. В два часа дня мы сидели на корточках в пыли и поглощали крутые яйца. Неожиданно раздался отдаленный гул самолета. Однако определить, наш это самолет или рейсовый, летящий над нами в Индию, было невозможно. Но мы решили не рисковать. Задыхаясь от бега, добрались до аэродрома: долгожданный самолет заходил над деревьями на посадку. Через пять минут мы были в воздухе. Путешествие по горам окончилось.

Ч А С Т Ь П Я Т А Я

1

Без нас в Катманду произошло много перемен. Парламентское правительство ушло в отставку, премьер-министр и несколько членов его кабинета были арестованы. Страной управлял небольшой комитет во главе с королем. Многие гражданские служащие были смещены, а те, кому удалось остаться, не особенно беспокоились о своих служебных обязанностях. Сингх Дарбар, который в прежние дни напоминал переполненный муравейник, сейчас выглядит пустынным; исключение составляли самые мелкие чиновники, которым не приходилось опасаться, что их выгонят с работы. Комитет находился у власти уже два месяца, но никакого заявления о политическом курсе не было; несмотря на всевозможные слухи, все было спокойно, и только на главной улице, которая проходит прямо перед королевским дворцом и заканчивается у правительственной гостиницы (раньше здесь была резиденция кого-то из семейства Ран, а теперь тут размещают высоких гостей), трудилось множество рабочих.

Привыкнув попрошайничать, они, завидев иностранца, бросали инструменты и начинали выпрашивать милостыню. В Катманду в скором времени ожидали королеву Елизавету, и местные власти, видимо, решили, что узкая немощеная улица, по которой королеве предстояло ехать, недостаточно хороша для нее. К несчастью, дорогу расширить было невозможно, не снеся целый ряд домов. И теперь это делалось без согласования с их владельцами. Официальное объявление сообщало им, что вопрос о компенсации будет рассматриваться. Но власти надеются на предъявление претензий только со стороны тех, кто находится в стесненных обстоятельствах. Между тем работы продолжались день и ночь, и некоторым препятствием служили

теперь только священные быки, не видевшие особых причин покидать свои «насиженные» места, да маневры паровых катков, которые неопытные водители гоняли с опасной небрежностью, не обращая внимания на трудившихся рядом рабочих.

Решение о расширении дороги было вынесено давным-давно, но никаких практических шагов в этом направлении не предпринималось. За это время над улицей была протянута исключительно дорогая телефонная линия (дар Соединенных Штатов). Теперь, когда дорогу стали расширять, телефонные столбы, вместо того чтобы стоять на обочине, оказались посреди улицы; все пришлось сносить и воздвигать снова. Это стоило многие тысячи долларов. Мне пришлось разговаривать с инженером, закаленным человеком со Среднего Запада, который усвоил презрение к стране, откуда эмигрировали его предки.

— Посмотрите-ка, — сказал он, — шесть месяцев работы насмарку. Теперь эти сукины дети велят мне передвигать столбы. И все ради вашей королевы.

— Да, — ответил я, — а платят за это Соединенные Штаты...

Подобно иронизирующему Пилату, я не стал ждать ответа.

Дарбар Сквер, главный архитектурный памятник города, также подновили. Кирпичные лестницы, которые вели ко многим храмам и зданиям, под влиянием времени приобрели красивый красновато-коричневый оттенок (искусство изготовления таких кирпичей давно забыто), и хотя плитусы и ступени стали уже крошиться, их, вместо того чтобы отремонтировать, покрыли толстым слоем цемента. Самый большой храм на площади в изобилии украшен резьбой по дереву на эротические темы, а на углах крыша поддерживается фигурами приапических божков. Местные газеты высказали предположение, что следует принять меры, чтобы скрыть эту забавную фантазию от королевских глаз. Фигуры грубо раскрасили. Цельность архитектурного ансамбля площади была нарушена: теперь она походила на безвкусные декорации кино.

Маленький домик в Чобаре еще не был полностью оборудован, и первые дни мы провели в Катманду. В разгар туристского сезона было нелегко найти пристанище. Денис и Бетт нашли комнаты в индийском общежитии — дешево, но неудобно. Я мог бы остановиться там и потом даже пожалел, что не последовал примеру моих друзей, но

в моем возрасте уже хочется спать в уютной постели и умываться теплой водой — а ни того, ни другого нельзя было получить в примитивных приютах для паломников. В конце концов я снял комнату в «Империял Отеле», бывшем дворце семьи Ран. Здание это, по-видимому, не чистилось и не ремонтировалось со дня постройки — около пятидесяти лет назад. Моя спальня, лучшая комната во всем доме, как заверял управляющий, представляла собой сырую клетушку, со стен которой обваливалась зеленоватая, покрытая лишайником штукатурка. Там было всего одно маленькое окно без стекла, закрывавшееся деревянными ставнями с тяжелым наружным засовом. В примыкающей к спальне ванной комнате на полу из пузырчатого бетона одиноко стоял жестяной ковш, а три каменные ступени вели в уборную, которая представляла собой простое отверстие. Однако я с удовольствием отметил, что в ванной есть водопроводный кран, а уборная снабжена сливным бачком. К сожалению, в течение всех трех дней, пока я был в городе, ни одно из этих приспособлений не действовало: снабжение города водой было временно прекращено, чтобы заполнить резервуары в здании, где должна была жить королева. За гостиницу я платил три фунта в день. Сюда включалось и питание, но, кроме завтрака, который я обычно не ем, все остальное оказалось несъедобным.

Но питаться где-то было надо, и мы воспользовались услугами ресторана «Аромат». В местной газете он описывался как «единственный роскошный ресторан в Непале». Я спросил хозяина, почему он так назвал свое заведение.

— Потому что, — ответил тот, подыскивая английское слово, — оно хорошо воняет, не правда ли?

«Аромат» — с тех пор прозванный нами «Зловоние» — размещался в бывшем магазине на главной торговой улице. Столы были накрыты грязными клеенками, стены окрашены ядовито-зеленой краской. В одном углу висела большая раскрашенная олеография, изображающая короля и королеву Непала с многочисленными драгоценностями, сделанными из блесков. Позднее к ним присоединился портрет королевы Елизаветы, разукрашенный таким же образом, а также фотография ее супруга. Садиться на кресла, рассчитанные на шуплых непальцев, нам было довольно трудно. Освещалось помещение при помощи бра, выполненных в стиле индийского «art nouveau»* в форме аляпова-

* Art nouveau (фр.) — новое искусство, модерн.

тых тюльпанов; красные, желтые и зеленые лампочки все время мигали, так как напряжение то падало, то поднималось. Через весь потолок проходила неоновая трубка, которая с шипением выпускала розовато-фиолетовый свет. Когда это устройство работало, лица посетителей приобретали нездоровый серый цвет, и казалось, что они страдают какой-то непонятной кожной болезнью.

Кухня находилась снаружи, на заднем дворе, и пока вы не замечали повара, сидевшего на корточках среди груды усеянных мухами отбросов, пища казалась вам сносной. Там подавали великолепный кэрри, а если оно надоедало — чай и взбитые яйца. Единственному официанту, веселому молодому невару, очевидно, когда-то сказали, что европейцы — люди нервные и придирчивые; и, как мы ни старались, нам так и не удалось отучить его вытирать тарелки своим замусоленным шарфом.

«Аромат» посещали в основном местные гуляки и прислуга из американской колонии. Скоро мы стали постоянными посетителями, и мне удавалось подслушать там многие городские сплетни. Только раз я видел в этом заведении еще одного иностранца. В зал влетела американка в узких брюках, которые подчеркивали размеры ее обширных бедер. Видимо, страдая с похмелья, она потребовала стакан молока.

— Я хочу пастеризованного, — сказала она, — понимаете, пастеризованного!

— Да, — сказал хозяин, — молоко, я понимаю.

Перед ней поставили стакан голубоватой жидкости, которая по всей Азии выдается за молоко. Она выпила его залпом и скрылась. После ее ухода хозяин подошел к нашему столу.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, — что значит «пастеризованное»?

Мы очень полюбили «Аромат» и, приезжая из Чобара за покупками, встречались здесь. Почти все американцы панически боятся микробов. Когда наши знакомые узнавали, где мы питаемся, они всегда поражались, как безразлично мы относимся к инфекциям. Я принадлежу к категории счастливых, чей желудок редко восстает против дурного обращения, и в конце концов никто из нас не пострадал от частых посещений «Аромата».

Хотя во время путешествия в горах мы не принимали никаких мер предосторожности (за исключением кипячения воды), никто из нас ничем не болел. И когда я сказал од-

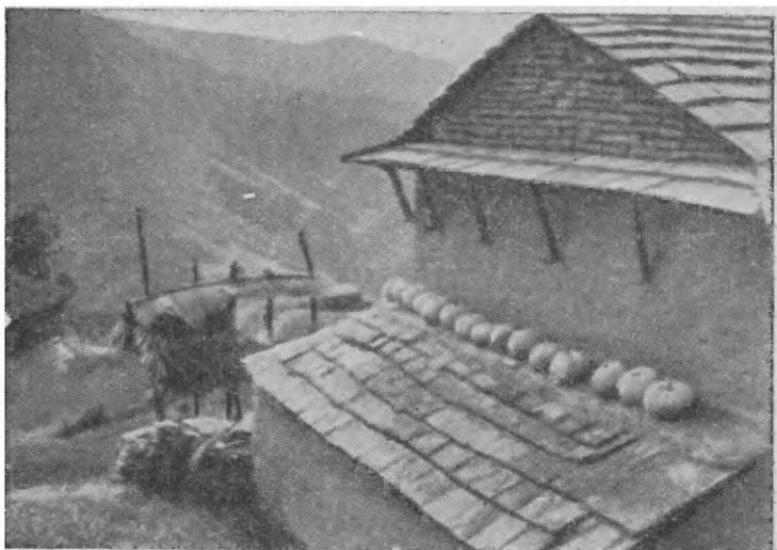
нажды моему знакомому американцу, что не только не измотан путешествием, но уже много лет не чувствовал себя так хорошо, как в эти дни, он мрачно произнес:

— Вы напрасно так спокойны, вы должны подвергнуть тщательному осмотру и, если сейчас даже не чувствуете себя больным, потом вам не избежать неприятностей.

Он был крайне озадачен, когда я объяснил ему, что в Англии мы не обращаемся к врачу, пока действительно не заболеем.

Через несколько дней мы переехали в Чобар. Стены и пол коттеджа просохли и стали чистыми, но надо было еще много потрудиться, чтобы сделать дом пригодным для жилья. Мы вырыли в саду глубокую яму и огородили ее циновками — теперь нам не надо было по утрам совершать прогулки в соседние поля. К сожалению, мебель, которую мы заказали два месяца назад, все еще не была готова, и первые несколько недель мы спали на земляном полу. Бетт готовила, сидя на корточках перед керосинкой в углу. Она, казалось, наслаждалась домашней работой, но я решил, что нам должен кто-нибудь помогать. Мои мотивы были не совсем альтруистическими: просто я не склонен проводить оставшиеся недели в хозяйственных заботах, тем более что в этих примитивных условиях конца им не было.

Свой дом мы разыскали случайно, какой-то молодой человек, заметив незнакомца, подошел ко мне и спросил, что мне нужно. Звали его Викрам; как выяснилось, он был четири — то есть принадлежал ко второй касте после брахманов. Его состоятельная семья владела большинством домов в нижней части Чобара. Викраму было девятнадцать лет, он говорил немного по-английски и гордился тем, что принадлежит к новому эмансипированному поколению, которое сбросило кастовые узы, — по крайней мере так он думал. Уже в течение нескольких месяцев дом был занят. Хотя он не принадлежал семье Викрама, но был окружен их владениями, и Викрам обещал присматривать за ним. Перед тем как отправиться в путешествие в горы, мы заключили официальный договор и по его условиям имели право жить в этом доме в течение года. Но теперь, когда мы наконец въехали, начались неприятности. Никто из округа к нам не приходил, жители деревни, когда мы встречали их на дороге, отворачивались. Только Викрам иногда навещал нас, но я заметил, что его поведение вскоре изменилось. Он признался, что чем-то обеспокоен,

Гуркхская ферма (дистрикт Баглунг): тыквы и кукурузные початки, сложенные для хранения.

но не хотел объяснять мне причину, а когда я настоял, выяснилось, что наше присутствие в деревне нежелательно. Большинство простых крестьян были настроены дружелюбно, но три-четыре местных брахмана уговорили их бойкотировать нас. Они убеждали жителей, что мы оскверняем их землю и принесем деревне несчастье. Понимая, что мы имеем официальное право жить здесь, брахманы хотели выгнать нас, сделав нашу жизнь невыносимой. Викрам был на нашей стороне, но, хоть он и считал себя эмансипированным, у него был слишком слабый характер, чтобы идти против своей семьи, находившейся под сильным влиянием брахманов. Я сказал ему, что нам нужны двое слуг. Если же местные жители не захотят работать на нас, я привезу слуг из горда, где уже привыкли к иностранцам и меньше беспокоятся о кастовых предрассудках.

Один из дядей Викрама жил в большом доме на склоне горы сразу же за нашим домом. Он считался богатым, но в деревне его не любили. Большинство жителей, включая его родственников, были у него в долгу. Викрам ненавидел его, но дядя был главой семьи, и с ним следовало посовет-

товаться относительно слуг. Я сказал, что зайду к нему. Однако дядя велел передать, что после моего визита придется совершать церемонию очищения дома, поэтому он придет сам. Я сразу же невзлюбил его. Беспеременно кланяться, дядя уверял, что наше пребывание в деревне — великая честь. И у нас нет слуг? К счастью, он знает одного человека, который ищет работу. Это сын его друга, он пришлет его к нам.

На следующее утро, когда мы спустились к завтраку, нас ждал хитроватый на вид молодой парень. Я спросил, что ему нужно.

— Я ваш повар, — ответил он.

Когда я попытался выяснить, какую работу ему пришлось делать, он угрюмо замолчал. Мне он не понравился; я сказал ему, что наведу справки, и отпустил парня.

Вечером, когда стемнело, опять пришел Викрам,

-- Вы наняли человека, которого прислал мой дядя? — спросил он.

Я сказал, что у меня сложилось самое неблагоприятное мнение о дядином кандидате. Викрам улыбнулся:

— Он только что вышел из тюрьмы. Был осужден на шесть месяцев за кражу со взломом. Его отец должен моему дяде столько денег, что не смог больше выплачивать даже проценты и передал ему все свое имущество. Теперь он раб моего дяди, и, если сын будет работать на вас, его не нужно будет содержать.

Через несколько дней появился другой кандидат, пятнадцатилетний юноша приятной наружности и с хорошими манерами. Он был очень робок и односложно отвечал на наши расспросы. С нашей помощью и подсказками он признался, что никогда не работал слугой и не имеет представления, что от него требуется. В то же время юноша заявил, что ни за что не станет готовить и подавать на стол, ибо это унижает его кастовое достоинство. Я спросил его, зачем он тогда пришел. Оказывается, его послал один из деревенских брахманов.

Паренек собирался жениться, и деньги, которые он зарабатывает у нас, пошли бы на оплату брачной церемонии, с которой связаны значительные расходы. Его отец — бедняк, у него много долгов, и он не может помогать сыну.

Мальчик казался понятливым. Хотя польза от него как от слуги была невелика, мы решили, что ему стоит помочь. Я велел ему прислать отца.

Через день он пришел. Это был благовоспитанный чет-

ри, мелкий полицейский служащий, уже утративший простоту и одержимый кастовыми предрассудками. Чтобы не обидеть нас, он принял чашку чая, но не выпил ни глотка и не стал курить сигарету, которую я ему предложил.

Мы обсуждали предстоящую женитьбу сына. Он рассказал нам, что на свадьбу придется пригласить не менее семидесяти родственников и друзей; кроме того, надо позвать музыкантов и приготовить денежные подарки для всех местных брахманов, а то они не благословят этот союз. Расходы должны были составить около ста пятидесяти фунтов, сказал он. Его собственное жалованье составляет пятнадцать фунтов в месяц. Он уже задолжал брахману после свадьбы старшего сына и теперь не может оплатить все возрастающие проценты. Но у него есть два поля и немного скота. Со временем их придется отдать кредитору. Я спросил, знает ли он, что правительство установило максимальный процент на заем и превышение его считается уголовным преступлением. Да, он знает об этом, но правосудия нельзя добиться без взяток; никакой практической пользы от этого не будет, а брахманы подвергнут его остракизму и навсегда откажут в ссуде.

Я решил заговорить на другую тему. Не думает ли он, спросил я, что его сыну еще рано жениться: ему только пятнадцать, а выглядит он еще моложе. И если уж отец готов истратить такие большие деньги, то не лучше ли будет использовать их на образование сына?

Ни на мгновение не задумавшись, он ответил. Сейчас самое подходящее время для заключения браков, и брахманы уже установили, что этот год будет особенно благоприятным для его сына, а потом много лет созвездия не будут столь благосклонны. Кроме того, он человек с положением и как член одной из высших каст обязан подавать пример всей общине. С одной стороны, он понимает, что не будет большого вреда, если сын повременит с женитьбой. Но с другой — ранние браки считаются признаком респектабельности. Женить сына в молодости — значит подтвердить свое богатство и завоевать еще большее уважение в деревне. А что касается образования, то хотя он и признает его пользу, но считает излишней роскошью: во всяком случае, на него не стоит тратить хорошие деньги.

Через неделю нас разбудили звуки раковин. Мы спустились вниз посмотреть, что происходит. Наш молодой жених отправлялся за невестой. Как это положено по обычаю, его несли на носилках. На нем были белые одежды и шляпа,

украшенная мишурой. Перед процессией, состоявшей из мужчин, родственников жениха, и брахманов, шли трое музыкантов. Звуки их расстроенных инструментов соперничали с воем раковин жрецов. Мелодия что-то напомнила мне, хотя я не разобрал, что именно. Раковины на мгновение замолчали, и тогда я понял, что оркестр играет свой собственный вариант песенки «Потому что он веселый добрый малый», исказив мелодию и исполняя ее в ритме панихиды. Через несколько часов процессия вернулась обратно с невестой. Ее тоже несли на носилках, завешанных простыней, которая совершенно скрывала невесту от людских глаз. Музыкальный грохот продолжался всю ночь, и, даже когда мы спустились на следующее утро к завтраку, он еще не умолк. Конец зимы — время свадеб. Каждую неделю либо по нашей деревне, либо по соседству проходили брачные процессии, и вскоре мы привыкли к почти непрерывному хриплому вою труб, перемежающемуся с грохотом барабанной дроби.

Мы все еще не нашли слугу. Кроме того, нашу жизнь значительно усложняли трудности со снабжением водой: приходилось ходить за двести ярдов к подножию крутого склона. В это время мы познакомились с деревенским старостой, которому, как я теперь узнал, брахман запретил иметь дело с нами. Я и раньше пытался войти с ним в контакт, но безуспешно: он или отсутствовал, или был так болен, что не мог нас принять. Его ответы всегда были уклончивы и противоречивы, и я пришел к выводу, что он решил не замечать нашего существования, чтобы не брать на себя ответственность за наше присутствие в деревне.

Теперь я понял, что мои предположения были далеки от истины. В Катманду и других городах Непальской Долины местное управление находилось в руках людей, которые рассчитывают в конце концов заняться политической деятельностью, считая, что эта карьера позволит им в кратчайший срок обогатиться. Хотя Чобар находился в нескольких милях от столицы, дело здесь обстояло по-другому. Как и в других деревнях, власть принадлежала старинному панчаяту, то есть совету старейшин (система эта заимствована у Индии). Кроме того, Чобар, хотя сейчас в нем живет много богатых семей — брахманов и четри, первоначально был неварской деревней и наш староста тоже был неваром. Еще не старый человек и не обладавший богатством, он получил свой титул по наследству; члены его семьи из поколения в поколение занимались административными

делами деревни. Староста умел читать и писать, но в остальном был человеком невежественным. Тем не менее он был очень умен и, что гораздо важнее, исключительно честен. Староста искренне верил, что после уничтожения режима Ран Непал будет управляться в интересах большинства. Последние события его несколько разочаровали, но он все еще надеялся, что дела в конце концов поправятся. Староста верил, что премьер-министр был несправедливо обвинен в коррупции, и, когда последний был арестован, счел благоразумным для себя (он был сторонник мистера Койрала) скрыться. Все это произошло, пока мы были в горах. Политическая обстановка стала спокойней, хотя многие чиновники еще находились под арестом или были отстранены от дел. Староста решил вернуться. Посетив нас, он извинился, что до сих пор не сделал этого, и посоветовал не обращать внимания на брахманов, сказав, что постарается облегчить наше пребывание в деревне. Он обещал найти слуг: несколько юношей в деревне ищут работу, но брахманы приказали им держаться от нас подальше.

На следующее утро явился два кандидата, оба четри. Старшему было за тридцать. Он страдал редкой наследственной болезнью — деформацией костей (тем же болели его отец и сын), был неуклюж и неповоротлив. Его товарищ, хорошо сложенный юноша лет двадцати, в возрасте двух лет в результате какой-то неизлечимой болезни потерял слух и речь. У него было живое, смышленное лицо, и от его друга я узнал, что юноша рвется служить у нас. Мне пришлось в голову, что его недостаток может оказаться для нас преимуществом. Я вскоре должен был уехать в Англию, а Бетт и Денис почти не знают непали, и им будет легче объясняться с глухонемым. Практически мы не нуждались в двух слугах, но так как старший был единственным человеком, который мог понимать младшего, наняли обоих. Казалось, что между этими двумя людьми существует какая-то сверхъестественная связь. Немой юноша смотрел на своего товарища, как охотничья собака на хозяина, ожидая его приказаний. Он не умел читать по губам и понимал, что от него требуется, только интуитивно. Очень редко случалось так, что он не улавливал происходящего, и тогда его лицо искажалось от злости; он издавал какой-то странный звук, не то выл, не скулил, как собака. Трогательно было наблюдать его отчаянные попытки понять нас. Но когда ему это наконец удавалось, слуга расцветал от удовольствия. Казалось, он счастлив в своем мире мол-

чания. В деревне его называли «идиот». Я чувствовал, что это прозвище несправедливо и обидно, и не хотел употреблять его. Но кличка так пристала к нему, что даже собственный отец не помнил настоящего имени юноши. Мы называли его Дамбо*; по-английски это тоже звучит оскорбительно, но произносится легко, и скоро вся деревня стала звать его так. Второго слугу звали Кали.

С помощью двух слуг мы начали благоустраивать дом. От меня было мало пользы — даже гвоздя не могу забить, не ударив себя по пальцу. Кроме того, длительное пребывание в странах Востока воспитало во мне отвращение к любым формам физического труда: я привык к мысли, что на Востоке европейцы не работают руками. Конечно, это бессмысленная условность, но нелегко избавляться от предрассудков, привитых в молодости. Денис, напротив, был прекрасно приспособлен к физическому труду. Он не только хотел работать, но и обладал достаточной ловкостью, чтобы хорошо и легко выполнять любое дело. Денис работал в среднем по десять часов: штукатурил стены и шпаклевал полы, оборудовал ванную комнату и кухню и вообще всячески совершенствовал наше жилище. Ни с кем из жителей деревни он почти не разговаривал, что не мешало ему пользоваться среди них огромным авторитетом. Они, конечно, полагали, что, раз мы иностранцы, значит богаты и можем не работать. Ни один непалец в нашем положении и не подумал бы «пачкать» руки. Трудовой энтузиазм Дениса на первых порах воспринимался как проявление эксцентричности, но спустя некоторое время результаты его труда стали вызывать восхищение. Староста рассказал мне, что сначала жители относились к нам презрительно, но потом наша деятельность произвела на них большое впечатление; при этом дело было не столько в практических познаниях Дениса, сколько в его готовности браться за любую работу, какой бы грязной она ни была. Как только брахманы поняли, что мы можем постоять за себя и они бессильны изгнать нас, напряжение ослабло, и нас начали признавать, в особенности молодежь. Мы жили в Непале только ради собственного удовольствия, но со временем я начал осознавать, что само наше присутствие в деревне сыграло определенную роль: одни просили нас давать уроки их детям, а другие, наблюдая за тем, как мы приводим в порядок свой дом, стали приходить за кистями и инструментом.

* Д а м б (dumb — англ.) — немой; есть значение этого слова — «глухой».

Предметом нашей величайшей гордости была ванная комната (раньше она служила хлевом для коз). Денис соорудил покаты́й цементный пол, а в одном углу установил большую бочку из-под керосина на железной подставке, под которой постоянно горела небольшая керосинка. Каждое утро Дамбо наполнял бочку, и мы были постоянно обеспечены горячей водой. Про это приспособление прослышали в деревне. Многие приходили посмотреть на него, хотя из их замечаний явствовало, что никакого смысла в горячей воде нет — по их мнению, это очередная причуда иностранцев.

Серьезные неудобства доставляли нам только окна. Стекол в них не было, и в холодные дни нам приходилось закрывать деревянные ставни, заслоня солнечный свет.

Когда наш дом был в зените славы, его хозяйка, пожилая женщина, живущая в Патане, решила нанести нам визит. Она осмотрела каждый угол, и, хотя почти ничего не говорила, на лице у нее отразилось изумление. Когда на следующее утро мы спустились к завтраку, она сидела на корточках перед дверью, а рядом стоял сравнительно молодой человек. Я спросил его, что им нужно.

— Ничего, — ответил он безразлично, не двигаясь с места.

Я знал, что это только обычная прелюдия и, оставив эту пару, пошел пить кофе. Спустя некоторое время появился Кали и стал вертеться вокруг меня, нервно покашливая — так он всегда делал, собираясь заговорить. Я спросил, что он хочет.

— Эта старая женщина хочет поговорить с вами.

Я велел ему привести и женщину и мужчину.

Они вошли в комнату. Женщина немедленно отправилась в угол, где опять уселась на корточки. Они взяли сигареты и зажгли их, держа между первым и вторым пальцем и затягиваясь через сжатый кулак, чтобы не прикасаться губами к подарку иностранца. Несколько минут они курили молча, после чего, я решил, что пора начать разговор.

Нет, сказал мужчина в ответ на мой вопрос, им ничего не нужно, абсолютно ничего: они только пришли посмотреть, удобно ли нам.

Они снова углубились в молчание. Так и сидели мы, рассматривая друг друга, и я уже стал подумывать, как бы мне их выпроводить, когда старуха прочистила горло, сплюнула на пол и обратилась к своему спутнику:

— Ну-ка, скажи ему, что мне нужно.

Долгое время мы добирались до сути дела. Он рассказывал мне во всех деталях историю семьи. Я узнал о плохом урожае в этом году и о трудностях жизни вообще. Разговор кончился, как я этого и ожидал, заявлением о крайней бедности женщины. Затем последовала пауза, необходимая, чтобы перевести дыхание, и была раскрыта цель визита. Они не просили, а требовали. Благодаря нашим усовершенствованиям, стоимость дома увеличилась и цена, которую мы платим сейчас, непропорциональна его стоимости. Владелица дома решила утроить ее. Я напомнил, что мы подписали контракт. Однако она считала, что это ее ни к чему не обязывает и рассуждала так: если бы мы сейчас освободили дом, она смогла бы сдать его по гораздо более высокой цене американцам. Она не хочет выгонять нас, но ей придется это сделать, если мы не согласимся на ее требования. Я сказал, что она рассуждает, как лондонский спекулянт-землевладелец, но моя ирония не достигла цели. Тогда я рассмеялся, и мои посетители неожиданно присоединились ко мне. Больше мы никогда не видели ни владелицы дома, ни ее спутника.

Большую часть времени Дамбо таскал воду и камни, которые были нужны Денису для строительства. За всем происходящим он наблюдал с крайней сосредоточенностью, словно стараясь запомнить каждую мелочь на всю жизнь. Единственное, что его беспокоило, это всевозможные, даже незначительные, отклонения от установившегося дневного распорядка — ведь объяснить причину ему было невозможно. Он был очарован нашими двумя керосиновыми лампами, и каждый вечер, после того как они бывали вычищены и наполнены керосином, Дамбо стоял около них в восхищении. Я подозревал, что он мечтает сам ухаживать за ними, но обращаться с лампами надо было осторожно, и мы строго приказали обоим слугам не прикасаться к ним. Два-три раза в неделю мы ездили в Катманду за покупками, а так как староста предупредил, чтобы мы никогда не бросали дом без присмотра, сторожем оставляли Дамбо. Когда он понял, что от него требуется, лицо его просияло от удовольствия — ведь на него была возложена такая ответственность! Он сразу же бежал за огромным жертвенным копьём и усаживался с ним на корточках перед дверью, как часовой на посту. Обычно мы возвращались через час или два, но однажды задержались и приехали, когда уже стемнело. Дамбо сидел на своем обычном месте. Он мрачно

приветствовал нас. Причина его раздражения, как мне казалось, крылась в том, что мы надолго оставили его одного. Но дело было совсем не в этом. Желая оказаться полезным, он решил зажечь лампу, и теперь ее почерневшие остатки лежали аккуратной кучкой на полу. Колпачок был отломан, стекло разбито, стол покрыт слоем сажи, на полу виднелась лужа. Хорошо еще, что дом не сгорел, подумал я, а Денис, вообще подверженный внезапным вспышкам раздражения, вышел из себя. Мы уставились друг на друга. Но тут Денис, который вдруг понял, что требовать объяснений от Дамбо невозможно, разразился безудержным смехом. Между тем Дамбо стоял рядом с виноватым видом, как собака, которая знает, что она что-то натворила и ждет наказания. Когда он увидел, что мы смеемся, сложившаяся ситуация оказалась выше его понимания, и он ушел, покачивая головой.

На следующее утро Дамбо явился с мирным подношением: кучей цветущих веток. Он бухнул их на стол и показал в направлении дома на горе. Не без удовольствия я понял, что он наломал их из живой изгороди нашего соседа-ростовщика.

Через несколько недель Кали сказал, что Дамбо хочет отпроситься на два дня. Оказывается, до сих пор вопрос о его женитьбе не поднимался: он не мог зарабатывать денег, семья была бедной и никто не желал даже обсуждать вопрос о брачном союзе с глухим и немым юношей. Однако теперь, когда он регулярно получал жалованье, положение изменилось. Дамбо зарабатывал не более двух фунтов в месяц, но для человека в его положении это была значительная сумма, тем более что раньше он вообще был лишен возможности зарабатывать хоть что-нибудь. Невесту нашли в отдаленной деревне, и Дамбо был нужен отпуск, чтобы пойти и посмотреть на нее. Накануне он появился в новом костюме и башмаках, хотя всегда ходил босиком. Деньги для покупки этого пышного наряда, как обычно, были взяты в долг.

Мы не вмешивались в местные брачные обычаи. Тем не менее я был несколько расстроен при мысли о молодой девушке, которая на всю жизнь и почти без сомнения против ее воли будет связана с глухонемым. Однако история эта закончилась совершенно неожиданно. Дамбо вернулся с довольной гримасой на лице, и я решил, что все прошло хорошо. Так оно и было, но только не с точки зрения семьи Дамбо. Он провел день в семье девушки и отверг невесту.

Пока Кали объяснял, что произошло, Дамбо, стоя рядом, морщил лицо с комически хмурым выражением, отражающим недовольство. Как выяснилось, он отказался от деvuшки, так как нашел ее недостаточно привлекательной. Его отец, естественно, взбеленился, но Дамбо выдержал характер: первый раз в жизни он должен был самостоятельно принять решение и, поступая наперекор родителям, бросал вызов своей семье. Когда я уезжал, он, к счастью, все еще не был женат.

Шли месяцы, и мы все больше узнавали о личной жизни наших слуг. Дамбо из-за своего дефекта в счет почти не шел, но история Кали была очень характерна и может служить хорошей иллюстрацией к трудностям, на которые наталкивается введение социальных реформ, а без них невозможен прогресс в Непале.

Кали владел небольшим участком земли, урожая с него вполне хватало, чтобы прокормить его, жену и двух детей. В сезон, свободный от полевых работ, он занимался куда придется, обычно на ремонт дорог. Деньги, которые он зарабатывал, позволяли семье изредка купить немного мяса или сигарет. По местным стандартам — Кали удавалось избегать долгов — он считался человеком зажиточным. К несчастью, его жена оказалась сварливой женщиной, а у него не хватало смелости возражать ей. Она решила, что из соображений престижа у них должна быть буйволица, хотя это животное, едва ли дающее одну-две чашки водянистого молока в день, приносит мало практической пользы. Она довела Кали придирами до того, что он все-таки купил буйволицу. С этого начались все его беды.

Буйволица стоила сто рупий, но, так как у Кали не было этой суммы, он одолжил ее у нашего соседа, который, лишая должников возможности выкупать закладные, неуклонно вел к тому, чтобы со временем стать самым крупным собственником в деревне. Проценты составляли пятнадцать рупий в месяц, и только за один год первоначальная сумма долга почти удвоилась. Кали не мог выплачивать ежемесячные проценты, в результате приходилось делать новые долги. Он шел к полному банкротству и через год-два ему суждено было стать рабом своего кредитора.

Мы решили помочь ему, уплатив долг. С нами он смог бы расплатиться путем небольших вычетов из еженедельной зарплаты. Я был изумлен, когда он отказался от нашего предложения. Это противоречило обычаям страны: жители деревни скажут, что он продался нам и подвергнут его

презрению. Более того, чувствовалось, что он сам боялся попасть в какую-нибудь ловушку, потому что никто, и менее всего богатый иностранец, не одалживает деньги, не требуя процентов. Наконец мне удалось убедить его, что у нас нет никаких тайных помыслов, и он согласился. Однако на этом дело не кончилось. Ростовщик отказался принять от нас деньги в уплату долга Кали. Наличные деньги были ему не нужны, и он не хотел выпускать Кали из своих когтей. Я твердо решил не уступать кровопийце и передал ему приглашение прийти к нам. Через несколько дней он явился. Сначала он вел себя подобострастно, но, когда я заговорил о деле, сразу изменил тон и стал агрессивен. Наше присутствие в деревне нежелательно, сказал он, потому что всем ясно, что мы пытаемся уничтожить давно установившиеся местные обычаи. Я спросил, знает ли он, что правительство установило официальное ограничение на ростовщический процент. Да, сказал он, но только дурак станет ссужать деньги за такое жалкое возмещение. Я начал терять терпение и наконец прямо заявил: или он примет полную сумму в уплату долга Кали, или я лично отправляюсь в министерство финансов, где сообщу о нем как о ростовщике, который обходит закон. Хотя ростовщику так же хорошо, как и мне, было известно, что министерство не возбудит против него дела, потому что он сможет дать хорошую взятку, но, когда он почувствовал, что я исполнен решимости, уступил и согласился принять от меня деньги. Я сказал, что передам деньги, пригласив Кали. В тот же день ростовщик снова пришел ко мне с бумагой, на которой Кали, не умевший ни читать, ни писать, поставил в свое время грязный отпечаток большого пальца. Я разорвал бумагу в присутствии его и Кали. Но Кали, который освободился только что от такого бремени, казался недовольным. Он выглядел так, словно ждал, что сейчас разверзнутся небеса и покарают его за неуважение к местным обычаям. Я спросил, что его беспокоит, и, после того как ушел ростовщик, он ответил мне, медленно покачивая головой:

— Он очень богатый человек, а вы ведь не всегда будете здесь.

Кали оказался великолепным слугой, и спустя некоторое время у него открылся неожиданный талант каменщика. На площадке перед нашим домом земля была утрамбована, но поверхность ее оставалась неровной. Во время сезона дождей она грозила превратиться в настоящее болото, по-

этому мы решили замостить этот участок камнем. Сначала Дамбо и Кали таскали камни, которые потом приходилось обтесывать и подгонять друг к другу, как в игрушке-головомке. Они долго наблюдали, как работает Денис. Дамбо пытался ему подражать, но никак не мог понять рисунка. Тогда Кали взял на себя осуществление нашего проекта. Стремясь к совершенству, он часто работал после окончания рабочего дня, тщательно обтесывая камни и аккуратно подгоняя их друг к другу. Я подозревал, что ему хотелось как можно дольше не возвращаться домой. Только тогда, когда его жена начинала кричать своим пронзительным голосом на всю Долину, он складывал инструмент и уходил. Подобно многим представителям своего народа, Кали был прирожденным ремесленником, но ему никогда не представлялось случая развить свой талант.

Он так и сохранил робкий характер. Все наши старания сделать его независимым не только не помогли ему, но и привели к новым бедам. Кали стал то и дело отпрашиваться на день. Сначала я не интересовался причиной, но, когда эти просьбы стали повторяться слишком часто, заставил его рассказать, в чем дело. Он уклонялся от ответа, а в конце концов, как капризный ребенок, который решил признаться в какой-то шалости, разразился слезами и выдал признание. Его жена заставила его взять на себя все расходы на свадьбу сына ее сестры-вдовы. Она убедила Кали, что это не только его семейная обязанность, от которой неприлично отказываться: он может позволить себе такой расход еще и потому, что считается человеком зарабатывающим хорошие деньги. Поэтому он опять пошел к ростовщику и взял у него в долг тысячу рупий, в обеспечение которых заложил все свое имущество. Я сердито спросил его, зачем он швыряется деньгами. Такие расходы не позволяют себе в подобных случаях даже английские честолюбцы: ведь он останется нищим на всю жизнь.

— Таков обычай, — сказал он, всхлипывая. — Будет двести гостей, девять музыкантов и шесть брахманов, которых нужно кормить несколько дней и одарить новой одеждой. И пожалуйста, — закончил он, пытаясь улыбнуться, — одолжите мне вашу керосиновую лампу.

Викрам, агент нашей домовладелицы, обычно заходил к нам по вечерам. Он был типичным представителем поколения, которое выросло в послереволюционной неразберихе; себя он считал одним из будущих лидеров страны. Его предки пришли из Гуркхи вместе с Притхви Нарайяном, а

один из его дядей дослужился до чина генерала непальской армии. Однако многие годы жизни в Катманду охладили пыл его семьи, и, хотя ее члены принадлежали к одной из военных каст, они уже долгое время занимались торговлей. Люди это были небогатые, но, так как предки Викрама оказывали услуги государству, ему был открыт путь к образованию: Викрама послали в школу, основанную махараджей для обучения сыновей младших придворных чиновников, которых, как предполагалось, они должны заменить в будущем. Викрам считал себя эмансипированным интеллектуалом, но фактически он не был им. Его образование не давало ему даже права на аттестат, и, хотя он смеялся над невежеством и суевериями жителей своей деревни, мужества восстать против семьи и идти своим путем у него не хватало. Только в одном отношении он проявил инициативу — наотрез отказался жениться. Он не возражал против брака, как такового, но говорил, что, когда придет время, сам выберет себе жену. Однако я подозреваю, что он был вообще неспособен к половой жизни; шуплый, небольшого роста, Викрам всегда выглядел утомленным, а тело его казалось лишенным мышц. Этот девятнадцатилетний парень производил на меня впечатление самого жалкого представителя рода человеческого. Благодаря влиянию семьи Викрам поступил на службу в Непальский государственный банк, но не принимал всерьез своих служебных обязанностей, и часто по нескольку дней подряд не ходил на работу. Очевидно, выговоры он за это не получал.

Теоретически он не признавал кастовые правила, запрещавшие принимать пищу в обществе тех, кто принадлежал к низшему социальному слою, но на практике не мог заставить себя пренебречь этими правилами. Мы часто просили его остаться, чтобы разделить нашу трапезу, но он всегда придумывал какой-нибудь предлог для отказа. Как правило, соглашался только выпить чашку чая с бисквитом — разумеется, когда не было слуг. Легко издеваться над обычаями, которые нам кажутся смехотворной преградой для установления нормальных социальных связей, однако в обществе, члены которого много столетий свято верили, что принятие пищи в компании чужих людей ведет к ритуальному загрязнению — а это равноценно смертному греху, — трудно открыто пренебречь предрассудками, если только человек не готов к тому, чтобы к нему стали относиться, как к отщепенцу. А Викрам еще не дошел до такой стадии.

В марте происходило частичное затмение луны. Ортодоксальные индуисты придают этому явлению большое значение, хотя и считают его опасным. Был объявлен национальный праздник. Чтобы предотвратить возможное несчастье, каждый должен был совершить ритуальное омовение в какой-нибудь священной реке, протекающей по Непальской Долине. На рассвете мы увидели множество жителей деревни, направлявшихся к реке Багмати, которая протекала по ущелью внизу под нашим домом. Барабанный бой, якобы способный отвести дурное влияние, продолжался весь день. После омовения жители отправились по домам. Поля стали безлюдными, тишина опустилась на деревню. Выдерживался строгий пост: брахманы объявили, что никто не может ни есть, ни пить в течение двадцати четырех часов. Мы тоже остались одни, так как наши слуги решили придерживаться обычая.

Вечером к нам пришел Викрам. Ему наскучила, сказал он, атмосфера торжественного благочестия в доме и захотелось поговорить. Он был голоден, и мы дали ему обычный чай и бисквит. Он глубоко оскорбил мать — женщину жестких правил, — отказавшись принять участие в ритуальном омовении. Я уже давно подталкивал его к тому, чтобы он научился отстаивать свои собственные убеждения, и был в восторге, узнав, что мои рассуждения не пропали даром. Он соглашался со мной, что Непал не сможет достичь прогресса до тех пор, пока не будут уничтожены все суеверия и кастовые правила, и эту работу предстоит сделать его поколению. Однако в тот же вечер, выйдя прогуляться перед сном, я увидел приближающуюся ко мне фигуру. Обычно, как только спускалась темнота, деревня становилась безлюдной, поэтому я постарался разглядеть путника. Им оказался Викрам, возвращавшийся после запоздалого визита к реке.

— Я говорил вам, — сказал он, — что я не разделяю эти суеверия, но моя мать была так расстроена, что я решил пойти искупаться. Вреда от этого не будет, и, кроме того, никогда нельзя быть уверенным, что укоренившиеся обычаи так уж бессмысленны.

Политическая обстановка все еще оставалась неустойчивой — чиновников продолжали смещать, и Викрам тоже начал беспокоиться за свое будущее. Его покровитель в банке куда-то скрылся. Теперь, оставшись без защитника, он боялся, что его скоро заменят каким-нибудь другим, столь же неспособным племянником какого-нибудь чинов-

ника. Поэтому он решил, дабы обезопасить себя, подготовиться к экзаменам по экономике и банковскому делу — ведь сдавшие эти предметы в коллежде Катманду имели право на получение аттестата. Викрам попросил меня помочь ему. Я объяснил, что не разбираюсь в вопросах экономики и тем более финансах, но смогу, вероятно, помочь ему в изучении английского языка и расширении эрудиции вообще.

Уже после первых нескольких уроков стало ясно, что Викрам не чувствует никакой связи между вопросами экономики и проблемами его собственной страны. Я старался заинтересовать его географией Непала, но в этой области он был совершенно невежествен: слышал об Эвересте, но не знал точно, где он находится. Когда я рассказал ему о шерпах и об их отчаянном положении, он спросил меня, кто они такие. По его словам, уроки географии в школе никакого отношения к Непалу не имели. Я не смог убедить его в важности этой темы. Он считал, что будущее его страны упирается в проблему модернизации и улучшения условий жизни в Катманду, а все остальное не имеет значения. Его взгляд на эти вопросы очень типичен. В нем, как в зеркале, отражается явление, которое мы наблюдали в горах: люди там совершенно не интересуются тем, что происходит в столице. В результате Непал в настоящее время практически делится на обособленные территории: долину Катманду и внутренние горные районы.

2

Я пробыл в Непале уже шесть месяцев. Можно было спокойно оставаться в Чобаре еще, но я начал тосковать по Европе. Денис и Бетт к этому времени прижились в деревне, и я понимал, что теперь им хотелось быть предоставленными самим себе. Кроме того, зимний сезон кончился: пейзаж принял однообразный коричневый тон. В долине подул горячий ветер. Иногда он шелестел листьями большой индийской смоковницы под моим окном, и этот шум напоминал перестук дождевых капель. Солнце часто не появлялось по нескольку дней подряд, снежные вершины скрывались в густых облаках. Только на следующий год, в октябре, они снова появятся во всем своем блеске. Такими, какими увидел я их в первый раз.

Единственно, о чем я сожалел, что не видел страны к

востоку от Катманду. Однако перед самым отъездом мне повезло. Международный Красный Крест предоставил Непалу небольшой самолет марки «портер-пилатус» для доставки продуктов питания в горы. Доктор Тони Хаген, который руководил операцией, спросил меня, не хочу ли я отправиться с ним в очередной полет. Я был очень рад: во-первых, мне представился случай взглянуть с высоты птичьего полета на Восточный Непал, во-вторых, мы пролетим над южными подступами к Эвересту, который я до сих пор видел только со стороны Тибета во время экспедиций 1922 и 1936 годов.

Полет на легком самолете в горах—дело довольно сложное. Наш пилот-швейцарец имел большой опыт, но прошло несколько дней, прежде чем он решил, что погода достаточно хороша.

На самолетах гражданской авиации я пролетел многие тысячи миль, а вот на таком не летал уже давно и забыл, что это такое. Пролетев над долиной, мы поднялись на высоту четыре-пять тысяч футов — отсюда хорошо была видна местность: в общем менее хаотичная, чем в Западном Непале. Минут через тридцать мы стали делать круги и стремительно терять высоту — я даже подумал о вынужденной посадке. Тони Хаген, сидевший рядом с пилотом, пытался объяснить мне, что происходит, но шум мотора мешал разобрать слова. Тогда он набросал записку и передал мне. Мы пролетали над молочной фермой, где изготавливается великолепный сыр, который поддерживал нас во время путешествия. Приземлиться было нельзя, но мы спустились до высоты нескольких сотен футов, чтобы приветствовать швейцарца, руководившего фермой. Он вышел и помахал нам рукой. Сделав несколько кругов над коттеджем, самолет поднялся и лег на новый курс.

Теперь мы летели прямо на Гималаи, поднявшись примерно на шестнадцать тысяч футов. Вскоре показалась Сола Кхамбу и другие деревни шерпов. Мы могли ясно разглядеть палатки тибетцев. Самолет стал круто спускаться в долину, но встречный поток воздуха с гор был так силен, что он почти стоял на месте и дрожал, как лист, бессильный бороться против ветра. Я стал беспокоиться за наш единственный мотор. Кабина не была герметической, и от недостатка кислорода я начал чувствовать слабость и апатию, однако взял себя в руки и сделал несколько фотографий.

Когда стало ясно, что вперед мы лететь не сможем, пи-

лёт повернул самолет и попытался подойти к цели через другую долину. Этот маневр удался. Оказавшись среди путаницы снеговых вершин и ледников, мы пошли вниз и стали делать круги над землей. Однако на этот раз я был слишком напуган, чтобы наслаждаться открывшимся видом.

Когда мы приземлились в Катманду, пилот посмеялся над моими страхами. Он считал, что опасность была не так уж велика. «Портер-пилатус» так легок и прост в управлении, что даже в случае аварии, может приземлиться, где угодно. И если бы мы совершили вынужденную посадку в районе Сола Кхамбу, то за пять недель пришли бы пешком обратно в Катманду. Несколько месяцев спустя после того, как я уже уехал из Непала, этот самый «портер-пилатус» действительно попал в катастрофу. Погода резко изменилась, ему пришлось пойти на снижение, и самолет врезался в ледяную стену — к счастью, без человеческих жертв.

Теперь я повидал все, что хотел. Отъезд был назначен на 24 марта. Денис и Бетт привезли меня на машине в аэропорт; неожиданно пришло еще несколько друзей. Один из них по непальскому обычаю надел мне на шею гирлянду из ноготков, и я стоял, чувствуя себя довольно глупо, но не сбрасывая цветы, чтобы никого не обидеть. Делийский самолет опаздывал на два часа. Мы пытались скоротать время, вспоминая наши беззаботные недели в горах, но разговор не клеился. Все чувствовали себя неловко. Я не принадлежу к эмоциональным людям, но, сильно привязавшись к моим молодым друзьям, только молчанием мог выразить свои чувства к ним. Когда наконец все было готово к отправлению, я обнял Бетт и быстро пошел к вздрагивающей «дакоте». Через несколько минут мы были в воздухе, и, прежде чем я распростился с Долиной, землю затянуло густым покровом облаков.

Я думал, что зима в Непале сотрет у меня в памяти навязчивые воспоминания и будет последней поездкой в Гималаи, где я провел так много счастливых месяцев. Я был уверен, что это конец и что больше мне никогда не странствовать по горам. Но к тому времени, как мы прибыли в Дели, моя уверенность уже поколебалась, а когда самолет в потоках дождя приземлился в Лондоне, я принял решение. Это — не конец, это просто новое начало

ЭПИЛОГ

Во время пребывания в Непале я не собирався писать о политике: я просто хотел увидеть, что представляет собой жизнь в горах. Тем не менее я считаю полезным кратко описать положение в Катманду, каким я его видел; моя цель — опровергнуть частые сообщения в прессе, большинство которых исходит от недовольных политических деятелей Непала, бежавших в Индию. Они обычно заявляют, что их родина находится во власти террора. Вплоть до моего отъезда из Непала в конце марта 1961 года я не наблюдал подобных явлений, и письма, которые получаю оттуда регулярно, подтверждают, что и сейчас положение там несколько не изменилось.

Со времени революции 1951 года в Непале сменилось десять правительств: ни одно из них не сделало ничего значительного. Король, по-видимому, решил, что пока демократическое правительство не подходит для его страны. Это, без сомнения, и послужило причиной роспуска парламента в 1960 году, в результате которого король стал председателем Государственного совета. Однако нет оснований полагать, что положение в Непале хоть сколько-нибудь изменилось.

Две главные причины порождают трудности: исключительная бедность страны, заставляющая правительство принимать финансовую и другую помощь из различных источников, и специфические отношения, установившиеся между Непалом и Республикой Индией.

Хотя Непал всегда был независимым государством, по молчаливому соглашению считалось, что он находился под протекторатом британских властей в Индии. Я думаю, Индия в какой-то степени унаследовала теперь роль Британии, ибо любая угроза Непалу не может не коснуться

также и ее. Поэтому в интересах обеих стран установить самое тесное сотрудничество между собой.

К сожалению, отношения между Индией и Непалом остаются ненормальными. Жители Непала, как и большинство других горных наодов, питают традиционную нелюбовь к жителям равнин. Со своей стороны индийские низшие чиновники часто чинят всякие препятствия торговле, а ведь сырье и товары можно ввозить в Непал из внешнего мира только через Индию. Хотя между этими странами существует таможенное соглашение, партии грузов иногда задерживаются месяцами и пропускаются очень неохотно.

Высокомерие непальцев тоже не способствует хорошим отношениям. Я поедполагаю, что основано оно на простом историческом факте: до недавнего воемени Индия была зависимой страной, в то время как Непал всегда гордился своей независимостью. Эта независимость, однако, находилась в области теории и была связана с соображениями выгоды: если бы Британию это устраивало, ей ничего не стоило бы аннексировать Непал, который в таком случае оказался бы в том же положении, как и другие княжества Британской Индии.

Здравый смысл указывает на необходимость самого тесного общения между Непалом и Индией, народы которых, несмотря на некоторые различия, являются наследниками общей культуры. Непали принадлежит к числу индоевропейских языков, а большинство непальцев считают себя индуистами, и, что самое важное, образ жизни в обеих странах более или менее одинаков. Более того, Индия в настоящее время справилась со многими проблемами, с которыми обычно сталкивается зарождающееся самостоятельное государство, и находится, таким образом, в наиболее выгодном положении, позволяющем предложить помощь и советы стране, которая все еще пребывает на таком примитивном уровне развития, что вряд ли осознает природу своих затруднений.

Индия уже много сделала для Непала: автомобильная дорога, которая связывает эти страны, построена на ее средства: многие индийские специалисты работают в Непале. Помимо пяти гуркхских полков, которые после провозглашения независимости вошли в состав индийской армии, в Индии существуют большие колонии гуркхов, рассеянные по всей территории страны, особенно в больших городах, где они обычно работают охранниками.

Еще до того, как было свергнуто правительство Ран, в Непале существовала скрытая оппозиция: в основном она формировалась из лиц, получивших образование в Индии. Пограничная провинция Бихар и город Бенарес всегда служили местом прибежища для непальских политических эмигрантов. Современная оппозиция, организовавшая несколько мелких стычек на границе, в значительной степени выросла из этих эмигрантских групп. Индийское правительство не в состоянии помешать подобной деятельности, но было бы абсурдно предполагать, как это часто делается, что оно активно ее провоцирует. Тем не менее в подобных условиях официальные отношения между Непалом и Индией становятся весьма затруднительными.

Тем временем Непалу протянули руку помощи другие страны. Русские построили табачную фабрику и подарили самолет. С помощью иностранных специалистов сооружаются бумажные фабрики.

Комиссии Организации Объединенных Наций составили план широкого использования гидроэнергетических ресурсов страны, а Международный Красный Крест провел успешные мероприятия по уничтожению комара анофелеса в малярийных тераях.

Последнее особенно ценно для Непала. До недавнего времени терай славился по всему миру как прекраснейшие угодья для охоты на крупного зверя. Их владельцы из семьи Ран ревностно охраняли заповедные места, в которых устраивали пышные охоты. Тигры и сейчас водятся в изобилии. К сожалению, район этот теперь открыт, и стадо диких слонов быстро сократилось. Один американский профессиональный охотник, получивший разрешение на организацию охоты в тераях, говорил мне, что через несколько лет эта местность перестанет привлекать спортсменов-охотников: здесь так широко распространилось браконьерство, что сейчас вряд ли осталось больше дюжины носорогов, которых и раньше было немного*.

Теперь, когда терай перестали быть рассадником заразы, без сомнения они могут превратиться в процветающий сельскохозяйственный район. Однако мало кто понимает, что большинство непальских фермеров — горные жители. Они не любят равнин и ничто не соблазнит их добровольно изменить свою неустрашенную жизнь.

* «Journal of the Fauna Preservation Society», vol. V, № 2, August 1959.

Большую помощь оказывают Непалу Соединенные Штаты. Осуществляет ее организация, известная под названием United States Operation Mission, сокращенно USOM. Персонал ее вместе с семьями включает около двухсот специалистов по различным вопросам, но ни один из них совершенно не владеет непали. Штаб-квартира этой организации, расположившаяся в бывшем дворце, похожа на трудолюбивый муравейник: стены увешаны картами и схемами, по любому вопросу можно получить подробные статистические данные (в случае необходимости добываемые из вторых рук). Организация финансирует обучение жителей Непала в Америке, ведет строительство университета в Непале. Создана Центральная библиотека, где любой непалец, если только ему придет это в голову, может получить всю информацию по любому аспекту американской жизни. Создаются филиалы библиотеки в горах, но, когда я спросил о пользе этого мероприятия у его организатора, серьезного молодого американца, он ответил мне весьма скептически. Я напомнил ему, что люди в горах почти сплошь неграмотны и не могут читать даже на своем собственном языке. Кроме того, им приходится трудиться с рассвета до темноты на полях.

— Нужно же с чего-то начинать, — сказал он, — библиотеки являются важной составной частью американского образа жизни.

USOM обеспечил Непал современной автоматической телефонной связью. А чтобы чиновники, которые будут ею пользоваться, не забыли, чей это дар, каждый аппарат украшен эмблемой, изображающей стиснутые в пожатье руки под насупившимся орлом. Воздушная канатная дорога скоро заменит устаревшую модель, купленную много лет назад у британского правительства, и свяжет предгорья на индийской границе с Катманду. Кроме тяжелых грузов по ней будут переправляться туристы, которых Непал с нетерпением ждет. Заметны также многие другие признаки технического прогресса: например, груды дренажных труб в Катманду, хотя в городе нет дренажной системы. Когда я только приехал, меня озадачила куча труб возле сада в Баладжи. Шесть месяцев спустя я нанес туда прощальный визит; они все еще лежали на том же месте среди папоротника и моха. Не стану удивляться, если впоследствии на них, как и на многие природные феномены, будут смотреть как на объекты поклонения.

В Непале должны наступить перемены: но они начнутся

снизу, а не сверху. Все, что происходило до сих пор, только способствовало увеличению разрыва между жизнью в горах и жизнью в Катманду. Не было сделано никаких попыток помочь непальскому народу осознать свои собственные возможности, которые весьма велики, а пока это не будет сделано, не будет и никакого реального прогресса. «Люди, — говорит один из действующих лиц в романе Олдоса Хаксли «Остров», — одновременно являются и владыками и жертвами своей культуры. Она заставляет их цвести, но она же и замораживает бутон или сажает червя в середину цветка. Нельзя ли избежать червей, свести к минимуму губительные заморозки и сделать цветы более прекрасными?».

Я думаю, что ответить на этот вопрос можно положительно, если западный мир, предлагая помощь развивающимся странам, оставит наконец свои попытки переделать их по собственному образцу. Многое зависит и от того, сумеет ли страна сохранить и упрочить свою политическую независимость и избавиться от бедности; ее положение не может бесконечно оставаться таким, как оно есть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Пролог	8
Часть первая	24
Часть вторая	36
Часть третья	70
Часть четвертая	110
Часть пятая	157
Эпилог	179

Джон Моррис
ЗИМА В НЕПАЛЕ

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

Редакторы *Р. В. Деоник, Ю. О. Бем*
Художник *А. Е. Скородумов*
Художественный редактор *И. М. Русина*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректор *К. А. Александрова*

Сдано в набор 16/VI 1966 г. Подписано к печати 28/IX 1966 г. Формат 84×108¹/₃₂
Печ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 9,79. Усл. п. л. 9,66. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 1586. Зак. № 909. Индекс $\frac{2-8-1}{238-65}$. Цена 49 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 49 коп.

